

The book explores history and modern problems of transdisciplinary research and provides grounding for the distinctions between multi-, inter- and transdisciplinary research. The authors describe an ontological-gnoseological dimension of transdisciplinary experience, show its role and significance for the resolution of the crisis in modern philosophy and science, and clarifies logical-philosophical basis of transdisciplinary research presenting integral, interval and subject-oriented approaches. The book shows how the phenomenon of transdisciplinarity combines traditional forms of science and extended knowledge of every-day, communicative, personal and other types of social experience, focusing on the horizon of universal knowledge. The authors also outline principles of justification of transdisciplinary philosophy as a factor of practical orientation in resolving contemporary problems in socio-humanities.

Russian Academy of Sciences
Institute of Philosophy

L. Kiyashchenko
V. Moiseev

**PHILOSOPHY
OF TRANSDISCIPLINARITY**

Moscow
2009

Российская Академия Наук
Институт философии

**Лариса Киященко
Вячеслав Моисеев**

**ФИЛОСОФИЯ
ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОСТИ**

Москва
2009

УДК 168.5
ББК 73
К 46

В авторской редакции

Рецензенты

доктор филос. наук *В.И. Аришинов*
доктор филос. наук *В.Н. Порус*

К 46

Киященко, Л.П. Философия трансдисциплинарности [Текст] / Л.П. Киященко, В.И. Моисеев; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М.: ИФРАН, 2009. – 205 с. ; 20 см. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0152-5.

В монографии рассмотрена история становления и современные проблемы трансдисциплинарных исследований. Введено основание различения мульти-, меж- и трансдисциплинарных исследований. Представлено онто-логико-гносеологическое измерение опыта трансдисциплинарности, показаны его роль и значение для разрешения кризиса современной философии и науки, прояснены логико-философские основания трансдисциплинарных исследований в виде интегрального, интервального и субъектно-ориентированного подходов. В книге показано, как феномен трансдисциплинарности сочетает в себе традиционные формы дисциплинарного научного знания с широким спектром знаний обыденного, коммуникативного, личностного и иного вида социального опыта, ориентируясь на горизонт универсального знания. Рассмотрены принципы обоснования философии трансдисциплинарности, обуславливающие практическую направленность в решении современных социо-гуманитарных проблем.

ISBN 978-5-9540-0152-5

© Киященко Л.П., 2009
© Моисеев В.И., 2009
© ИФ РАН, 2009

Содержание

Введение	9
РАЗДЕЛ I. К ИСТОРИИ ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОГО ПОДХОДА	16
1. Центр трансдисциплинарных исследований и Хартия трансдисциплинарности	18
2. Понятия «междисциплинарность» и «трансдисциплинарность»	22
3. «Принципы проектирования трансдисциплинарного исследования»	25
4. Образы философии трансдисциплинарности	27
РАЗДЕЛ II. ОНТО-ГНОСЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОСТИ	38
Глава 1. Опыт трансдисциплинарности	38
1. Опыт как горизонт универсального	38
2. Опыт и повествование	43
3. Опыт предельного	46
4. Язык предельного опыта	50
5. «Разрешение» предельного опыта как парадокса	53
Глава 2. Интервальный подход (онто-гносеологический аспект)	64
1. Интервальный подход Ф.В.Лазарева и М.М.Новосёлова	64
2. Гносеологический тип интервального подхода	67
3. Антропологический тип интервального подхода	70
4. Интервальный подход в трансдисциплинарном измерении	71
Глава 3. Интегральный подход (логико-онтологический аспект)	74
1. Интегральный подход Уилбера	75
2. Уровни Великого Гнезда Бытия	82
3. Исчисление стрелок	86
4. К логике интервального подхода	93
5. Логика интегрального подхода	96
6. Антиномы	99
7. Образы транс-единого	103
Глава 4. Субъектно-ориентированный подход	110
1. От объект- к субъект-бытию	111
2. Феноменологическая генетика «внутреннего» и «внешнего»	113
3. Топика субъектных онтологий	118
РАЗДЕЛ III. ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ: ОПЫТ ФИЛОСОФСКОГО ОБОСНОВАНИЯ	124
Глава 1. К трансдисциплинарной философии науки: образы обобщенной (ин)вариантности	124
1. Феномен субъект-объектной объективности	125
2. Объективность как обобщенная инвариантность	129
3. От «объяснения–описания» к «пониманию»	138
4. Новые образы научной теории	141
5. Объективно-интенциональная субъектность	144

Глава 2. Философия науки в трансдисциплинарном измерении: принципы обоснования	145
1. Полюс и антитетика множественности.....	145
2. Позиции философии в трансдисциплинарном опыте.....	151
3. Неприязательность философии – апостериорная априорность трансдисциплинарного опыта.....	158
4. Трансфлексия как метод трансдисциплинарности.....	160
5. Концепт как способ выражения трансфлексии.....	163
6. Экспериментальный диалог и диалог как эксперимент.....	172
Глава 3. Трансдисциплинарность практической философии	179
1. Процедура обоснования практического решения – конкретная универсальность.....	179
2. Философия трансдисциплинарности как интервал между практическим и теоретическим разумом.....	183
3. Трансформации рациональности в интервале истины и пользы.....	186
4. Этнос и парадигма трансдисциплинарности.....	193
Заключение	203

Contents

Introduction.....	9
PART I. HISTORY OF THE TRANSDISCIPLINARY APPROACH.....	16
1. Center of Transdisciplinary Research and Charter of Transdisciplinarity	18
2. Notions of «Interdisciplinarity» and «Transdisciplinarity»	22
3. «Principles for Designing Transdisciplinarity Research»	25
4. Images of Philosophy Transdisciplinarity	27
PART II. ONTO- GNOSEOLOGICAL DIMENSION OF TRANSDISCIPLINARITY	38
Chapter 1. Transdisciplinary Experience	38
1. Experience as a Horizon of the Universal	38
2. Experience and Narration	43
3. Experience of the Limit	46
4. Language of Limit Experience	50
5. «Resolution» of Limit Experience as a Paradox	53
Chapter 2. Interval Approach (onto-gnoseological aspect).....	64
1. Interval Approach of F. Lazarev and M. Novosyolov	64
2. Gnoseological Type of the Interval Approach.....	67
3. Anthropological Type of the Interval Approach.....	70
4. Interval Approach in a Transdisciplinary Dimension.....	71
Chapter 3. Integral Approach (logical-ontological aspect)	74
1. Integral Approach of Ken Wilber	75
2. Levels of the Great Chain of Being.....	82
3. Calculus of Arrows.....	86
4. Logics of Interval Approach.....	93
5. Logics of Integral Approach.....	96
6. Antynoms.....	99
7. Images of trans-unity.....	103
Chapter 4. Subject-Oriented Approach	110
1. From Object- to Subject-Reality	111
2. Phenomenological Genetics of the «Inner» and «Extra»	113
3. Topology of subject ontologies	118
PART III. TRANSDISCIPLINARITY: AN ATTEMPT OF PHILOSOPHICAL JUSTIFICATION.....	124
Chapter 1. Transdisciplinary Philosophy of Science: Images of Generalized (in)variance.....	124
1. Phenomenon of Subject-Object Objectivity.....	125
2. Objectivity as a Generalized Invariance.....	129
3. From «Explanation-Description» to «Understanding»	138
4. New Images of Scientific Theory	141
5. Objective-Intentional Subjectivity	144

Chapter 2. Philosophy of Science in Transdisciplinary Dimension:	
Principles of Justification	145
1. Poles and Antitheses of Multiplicity.....	145
2. Positions of Philosophy in Transdisciplinary Experience	151
3. Unpretentiousness of Philosophy – a Posteriori Apriority of Transdisciplinary Experience.....	158
4. Transflection as a Method of Transdisciplinarity	160
5. Concept as a Way to Express Transflection.....	163
6. Experimental Dialogue and Dialogue as an Experiment.....	172
Chapter 3. Transdisciplinarity of Practical Philosophy	179
1. Process of Justification of a Practical Decision – Specific Universality	179
2. Philosophy of Transdisciplinarity as an Interval between Practical and Theoretical Mind	183
3. Transformations of Rationality in the Interval of Truth and Benefit.....	186
4. Ethos and Transdisciplinary Paradigm	193
Conclusion	203

Введение

Тема философии трансдисциплинарности вырастает из новейших тенденций развития современной науки и культуры в целом. Со-тематически она звучит в многочисленных зарубежных публикациях философов, социологов, экономистов, искусствоведов и представителей других дисциплинарных направлений. Предлагаемая вниманию читателя книга представляет собой одну из первых попыток систематически осмыслить данную проблему с позиций отечественной философии, логики и методологии науки. Речь в ней пойдет о перипетиях, переживаемых современной философией науки, которые вновь ставят под вопрос решенность традиционных проблем, занимавших ни одно поколение землян. Трудности данного исследования связаны с тем, что его предмет находится в стадии становления и многие закономерности научного познания только намечаются и существуют в некотором предположительном наклонении. Осознанная рефлексия над проблемами, которые объединены темой «философия трансдисциплинарности», совершается в реальном режиме времени, совпадая с событиями научной биографии самих авторов. По большому счету смысл философии трансдисциплинарности видится в совпадении получения интегрального результата совместной реализации научного проекта и формирования уникальной авторской позиции каждым из его участников.

В теме трансдисциплинарной философии присутствует возможность рассмотрения основных тенденций формирования методологии и этоса постнеклассической науки. Этос современной науки в разнообразии его измерений эксплицирует фундаментальные особенности познавательных отношений, формирующих самого человека и его мир в целостном интегральном представлении. При таком ракурсе анализа познавательные отношения должны быть изначально сопряжены с признанием в них правомерности и необходимости сосуществования людей, по-разному познающих реальность, на разных дисциплинарных языках описывающих ее, исповедующих во многом не всегда совпадающие ценности.

Сочетание слов «философия» и «трансдисциплинарность» достаточно редкое, несмотря на то, что сам термин «трансдисциплинарность» довольно часто употребляется в изданиях, посвященных проблемам современной философии науки и трансформации научного познания в целом¹.

Среди основных причин возникновения трансцендирующего сдвига научного знания в жизненный мир можно, с нашей точки зрения, выделить внутренние и внешние для научной деятельности причины.

К внешним причинам относится, во-первых, практическая необходимость в развитии проблемно-ориентированных исследований, в поиске решения злободневных экзистенциальных задач: экологических, демографических, биоэтических и т. п. Иными словами, феномен трансдисциплинарности приобретает актуальность тогда, когда решаются вопросы координации фундаментального и прикладного знания, интеграции многообразия дисциплинарных

---

¹ Практикуют, согласно данным Википедии, употребление термина «трансдисциплинарность» в четырех значениях. В первом значении трансдисциплинарность понимается как «декларация», провозглашающая равные права известных и малоизвестных ученых, больших и малых научных дисциплин, культур и религий, в исследовании окружающего мира. В таком значении трансдисциплинарность играет роль «охранной грамоты» для любой частной точки зрения, не противоречащей знаниям научных дисциплин. Во втором значении трансдисциплинарность трактуется как высокий уровень образованности, разносторонности, универсальности знаний конкретного человека. Про таких людей обычно говорят, что они обладают энциклопедическими знаниями. В третьем значении «трансдисциплинарность» трактуется как «правило исследования окружающего мира». Предполагается, что трансдисциплинарность будет реализована, если проблема исследуется сразу в нескольких уровнях. Например, на физическом и ментальном уровнях, глобально и локально. В четвертом значении «трансдисциплинарность» используется как «принцип организации научного знания», открывающий широкие возможности взаимодействия многих дисциплин при решении комплексных проблем природы и общества. Следует отметить, что трансдисциплинарность, в четвертом значении, позволяет учёным официально выходить за рамки своей дисциплины, не опасаясь быть обвиненным в дилетантстве. В зависимости от того, в каком количестве и в каком сочетании учёные будут использовать другие дисциплины в своём дисциплинарном исследовании, трансдисциплинарность, в четвертом значении, будет называться мультидисциплинарностью (multidisciplinarity), плюродисциплинарностью (pluridisciplinarity), интердисциплинарностью (interdisciplinarity). Свое толкование предлагают В.И.Аршинов, В.Г.Буданов, Е.Н.Князева, а также Русская трансдисциплинарная школа: <http://www.anoitt.ru/>

знаний, проблемы их практического применения и фундаментального обеспечения. В подобного рода ситуациях автономия и относительная независимость научного знания нарушаются, границы дисциплин становятся нежесткими, возникают и решаются вопросы сочетания истины и практической полезности. Эти встречающиеся вопросы становятся сегодня особенно животрепещущими, поскольку затрагивают трудно сочетающиеся нормы и ценности современной культуры и цивилизационного развития, во многом касаясь условий выживания человека и человечества.

Второй внешней причиной, неразрывно связанной с первой, является изменение характера науки. Она выходит за рамки лабораторий, становясь формой общественного производства, гибридом фундаментального (заинтересованного в получении истинностного знания) и прагматического (заинтересованного в получении полезного эффекта) исследования. При этом в массовом производстве знаний участвуют помимо представителей различных научных дисциплин многочисленные социальные агенты, обеспечивающие восприятие, накопление, распределение и практическое применение получаемой научной информации. Наука преступает дисциплинарные границы, становясь трансдисциплинарной.

Внутринаучной причиной появления и проявления феномена трансдисциплинарности является возрастание значения *проблемно-ориентированных* форм исследовательской деятельности, таких как проектирование, прогнозирование, конструирование, целевое программирование. В контексте подобного рода исследований происходит многомерная трансгрессия дисциплинарного знания за границы своей классической самоидентификации за счет существенного усложнения как предмета, так и методов исследования. Имеется в виду сложность, связанная не только с нередуцируемой многомерностью исследуемой проблемы, но и (в первую очередь) с тем обстоятельством, что в ситуации трансгрессии предмет и метод сами оказываются в среде становления.

В данных областях ставится вопрос не только о пределах дисциплинарной науки, по сути являющейся классической формой научного знания, но и о трансформации научного опыта как такового, в новых трансдисциплинарных конфигурациях объединяющего в себе «чувственность и рассудок, эмпирическое и логическое, много-

образии и единство»². Для опыта трансдисциплинарности характерно отслеживание «становления в бытии и бытия в становлении» (Ж.Делёз). Он опирается и одновременно уточняет, переопределяет через фильтр решаемых экзистенциальных проблем общепринятые положения и законы дисциплинарных знаний. Опыт трансдисциплинарности ориентирован на отслеживание совместного становления, как предмета проблемной области, так и метода, вбирающего в себя искусство научного поиска, реализующего жизненную установку и нравственные убеждения исследователя. В известной мере исследователь, попадая в сферу трансдисциплинарного опыта, может лишь задать себя в качестве такового, испытать себя возможностью стать субъектом свободного действия в надежде на удачное, соразмерное сочетание предельности убеждений и неопределенности поиска – «правильное обобщение» (Глава 1. Опыт трансдисциплинарности).

Указанную динамику представляется возможным отследить, лишь сместив пространство традиционного прикладного рассмотрения научного знания, поместив его внутрь, в пространство трансдисциплинарного общения. При сочетании ценностных и научно-теоретических установок в трансдисциплинарном опыте возникает трудность, на которую обращал внимание Шеллинг, вводя понятие постулата: «Поскольку же теоретический принцип является *основоположением*, а практический – *велением*, то искомое должно находиться между тем и другим; таковым является постулат, который граничит с *практической* философией потому, что он есть просто *требование*, а с теоретической потому, что он требует *чисто теоретической конструкции*»³. Объективированность нормированных, предельных обобщений теоретического разума поддерживается функциональной способностью практического разума вступать в действие в режиме регулятивной идеи, действующей по принципу «как если бы» на самом деле. И Кантом было отмечено, что для обоснования естественнонаучной причинности «необходимо допустить абсолютную спонтанность причин (способность) само собой начинать тот или иной ряд явлений, продолжающийся далее по законам природы»⁴.

² Касавин И.Т. К понятию предельного опыта // Разум и экзистенция. Анализ научных и вненаучных форм мышления. СПб., 1999. С. 389.

³ Шеллинг Ф.В.Й. Система трансцендентального идеализма // Шеллинг Ф.В.Й. Соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1987. С. 264.

⁴ Кант И. Соч.: В 6 т. Т. 3. М., 1964. С. 420.

Последнее обстоятельство делает необходимым поиски «уместного» языка в актуальном режиме времени «здесь и теперь» для первичного согласования в описании сложности проблем дисциплинарных и дискурсивных различий участников трансдисциплинарного опыта.

Звеном, связующим трансдисциплинарный опыт в парадоксальную форму единства, являются проблемы. Они создают общность по настроению участников трансдисциплинарных коммуникаций и фокусируют на себе расходящиеся в обычных условиях исследовательские перспективы. Выдвижения к этому единству имеют два дополняющих друг друга вектора. Один вектор направлен вне науки в среду жизненного мира. Другой – к ее основаниям и обоснованиям. На первый выразительно указывает Хабермас. Все выглядит так, «как если бы радикальным образом дифференцированные моменты разума посредством таких встречных движений стремились отослать к некоему единству, которое, однако, можно вновь обрести лишь по эту сторону экспертных культур, то есть в повседневности, а не по ту, не в началах и истоках классической философии разума»⁵. Для нас принципиально важно указать, что поиск указанного единства осуществляется не только по эту (в среде жизненного мира), но и по ту сторону экспертных систем, в тех истоках познания, к которым была обращена классическая философия. Жизненный мир и эти истоки образуют в качестве выделенных пределов интервал и интеграл опыта трансдисциплинарности. Аналогичным образом и наша совместная работа по написанию книги оказывается и биографическим опытом, и интеллектуальным опытом соучастия в происходящих изменениях оснований современной философии науки.

Философия трансдисциплинарности разворачивается для нас как многомерное и много-ликое многообразие различных полярных измерений, в которых главную роль играют полюсы-пределы. Между конкретными полюсами-пределами простирается каждый раз особенная меж-предельная среда – интервал и интеграл мысли и бытия. Многообразие пределов не остается неизменным, оно динамично и постоянно становится, обнаруживая открытость на иное и пополняемость по множеству направлений своих трансцендирующих сдвигов. Для него характерно формирование, соче-

⁵ Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2000. С. 31.

тающее самоподобие и фрактальность, воспроизводство себя в своих частях и влияние каждой из частей на все целое. Каждое измерение являет себя как своего рода «меж-бытие», «интер-вал» (Глава 2. Интервальный подход (онто-гносеологический аспект), а вся область трансдисциплинарного опыта вырастает как своего рода «интервальное многообразие», т. е. открытая и динамичная, самоподобно-фрактальная система множества интервалов-измерений, соединяющих-оппозирующих свои пределы.

В целостности такого динамичного и взаимно-оппозитного интервального многообразия одним из центральных измерений-интервалов выступает смысловое протяжение «дисциплинарного–трансдисциплинарного». Оно соотносит между собою полюса дисциплинарно-оформленного научного знания и жизненного мира или мира повседневности. Становящиеся-открытые ландшафты трансдисциплинарности являют себя и как разного рода субъектные миры, субъектные онтологии, в которых в рамках нового образа научной рациональности и объективности открыто-динамично координируются полюса объектного и субъектного бытия, формируя свои субъект-объектные интервалы (Глава 4. Субъектно-ориентированный подход). Еще одно важное для нас измерение философии трансдисциплинарности – интервал «единое–многое», являющийся центральной темой философской традиции и по-новому осмысляющийся в современной, а в каком-то смысле и пост-современной, философской ситуации. Тематизация «единого–многого» в контексте трансдисциплинарного опыта выражает себя как интервал между пределами «многоединого» и «трансединого», под которым понимается целостно-динамическое состояние интервального многообразия, где в бесконечных вариациях соприсутствуют разные образы и лики многоединств⁶.

Интервалы-оппозиции пределов несут в себе существенную антиномичность, выступая как своего рода «антиномы» – целостно-трансрациональные сгустки бытия, которые могут распадаться в систему своих более однозначно-непротиворечивых редукций в тех или иных ограничивающих условиях. Важнейшую роль в открыто-динамичной системе трансдисциплинарности играют и разного рода рекурсивно-сетевые процедуры обоснования, когда каждый момент интервального многообразия отделя-

---

⁶ Об этом более подробно см. параграф 7 «Образцы транс-единого».

ет себя от своих оппозиций с тем, чтобы затем включить в более трансцендирующий образ себя их формы, в свою очередь влияя на свои оппозиции и проникая в их внутренние определения.

Стоит также отметить, что авторское пространство нашего текста в свою очередь обнаруживает опыт взаимодействия двух пределов, где каждый раз солирует один из авторов, а второй играет роль фонового аккомпанемента, за счет чего в известной мере осуществляется практика трансдисциплинарного взаимодействия как соавторства. Результатом этого соавторства является данный текст, включающий три основные раздела – к истории трансдисциплинарного подхода, онто-гносеологическое измерение трансдисциплинарности и трансдисциплинарность: опыт философского обоснования.

РАЗДЕЛ I. К ИСТОРИИ ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОГО ПОДХОДА

Феномен трансдисциплинарности имеет уже собственную историю. В этом разделе мы обратимся к некоторым ее аспектам, конечно, не претендуя на полноту исторического представления столь сложного явления. Известно, что в переживаемое нами время перед философией науки и собственно наукой встали сложные задачи, которые требуют объединения многих дисциплин. Оформляется сфера междисциплинарности. Возникли экологические, технологические, биоэтические и т. п. направления научного исследования, которые требуют согласованных действий и достижения взаимопонимания, установления единых норм поведения. Такого рода теоретико-практические объединения выступают *естественным основанием* для возникновения и выяснения особенностей функционирования междисциплинарности как одной из форм постнеклассической науки. К указанным особенностям мы также относим следующие. Междисциплинарность как форма объединения современного научного знания возникает как непосредственная реакция на «злободневные», требующие безотлагательного, как правило, в режиме актуального времени решения проблемы. Далее, ситуация неопределенности, и можно сказать загадочности, возникает по сути самого «предмета». Он как бы уже есть, иначе как бы возникло междисциплинарное общение? Но его же еще нет – он лишь только может возникнуть по ходу и в результате контингентного соглашения на основе формирующегося взаимопонимания, в свою очередь влияющего на особенности

междисциплинарного общения, где присутствует встреча различных языков, не только дисциплинарно организованных и не только документированных (письменных). Во-первых, встреча профессионалов различных наук предполагает необходимость перевода каждого языка, участвующего в общении, на язык общепонятного «эсперанто». На роль последнего, находясь, что называется, «под рукой», претендует естественный язык обыденного общения. И это не случайно, поскольку каждый профессионал в своей области по отношению к смежной испытывает свою непрофессиональность, становится в некотором роде профаном. Во-вторых, в основании междисциплинарного общения лежат не только теоретически аргументированные, содержательные «приношения» каждой из участвующих дисциплин, но и «речевые акты» дискуссионтов, которые основаны на различии в актах говорения помимо семантики предложения (иллюксии) возможность воздействия на слушающего (перлокуцию).

Отслеживая указанные особенности, мы, можно сказать, нарабатываем особого рода интуицию обращения с такими «естественными», но сложно организованными образованиями (предметностями), которые существенным образом расширяют понимание феноменологии современного знания, особенности его познания.

Приступая непосредственно к обсуждаемой теме, сделаем некоторые терминологические уточнения. Мы рассматриваем междисциплинарность как внутринаучный феномен. *При этом трансдисциплинарными мы называем такие познавательные ситуации, в которых по разным причинам (о них речь пойдет ниже) научный разум (как в науке, так и в философии) вынужден в поисках целостности и собственной обоснованности (прояснения условий возможного опыта) осуществить трансцендирующий сдвиг в **пограничную** сферу с жизненным миром.*

В предпосылках этого сдвига лежат мощные импульсы, идущие из чисто практической сферы. Это нужда в развитии проблемно ориентированных исследований, направленных на поиск решения злободневных практических задач – таких, как экологическая, энергетическая, информационная, демографическая, проблема здоровья и т. п. Как результат мы наблюдаем предпосылки формирования нового типа исследовательской деятельности и организации (производства) научного знания. В современной социологии

и философии науки он получил название «постнеклассическая наука» (В.С.Стёпин), «наука тип 2» (M.Gibbons, H.Nowotny) или постакадемическая наука (J.Ziman).

1. Центр трансдисциплинарных исследований и Хартия трансдисциплинарности

Сегодня можно говорить о формировании и развитии своего рода международного трансдисциплинарного движения. Одной из первых организаций в этой области был так называемый *Международный центр трансдисциплинарных исследований* (CIRET – Centre International de Recherches et Études Transdisciplinaires⁷), некоммерческая организация, базирующаяся в Париже и созданная в 1987 г. Президент этой организации – румынский физик Басараб Николеску (Basarab Nicolescu).

Говоря о необходимости меж- и трансдисциплинарности, Николеску в своем интервью Руссу Фолькманну, в частности, приводит такие данные: «Отправной точкой является то, что с течением времени число специализированных дисциплин невероятно умножилось. В самых первых университетах, основанных в XIII столетии, имелось семь дисциплин, которые называли *trivium* и *quadrivium*, что более или менее соответствует тому, что сегодня мы называем точными и гуманитарными науками. В 1950 г. было уже 54 дисциплины. Их число увеличивается очень быстро. В 2000 г. насчитывалось более 8 000 дисциплин, многие из которых преподаются в американских университетах. Эти данные получены в результате серьезнейшего опроса, сделанного Национальным фондом науки. 8 000 дисциплин означают 8 000 способов искать действительность. В определенном смысле это катастрофа для знания, потому что это означает, что больше нет единства знания. Вследствие этого, после 1950 г., такие слова, как “мультидисциплинарность” и “междисциплинарность” стали актуальными, выражая потребность повторного объединения и интеграции знания в существующей ситуации»⁸.

⁷ См. сайт Центра <http://nicol.club.fr/ciret/index.htm>.

⁸ Transdisciplinarity: Basarab Nicolescu Talks with Russ Volckmann // INTEGRAL REVIEW. 2007. 4. P. 77.

Основным документом трансдисциплинарного движения, представляемого CIRET, является так называемая *Хартия трансдисциплинарности*, принятая на Первом Международном Конгрессе по трансдисциплинарности в 1997 г., которая размещена на сайте Центра. Ниже мы приводим перевод этого документа.

Хартия трансдисциплинарности

(Принята на Первом Всемирном конгрессе по трансдисциплинарности, Конвенто да Аррабида, Португалия, 2–7 ноября 1994 г.)

Преамбула

В то время как

– современное умножение академических и неакадемических дисциплин ведет к экспоненциальному росту знания, что делает невозможным глобальный взгляд на человеческое существование;

– только интеллект, способный осознать космическое измерение современных конфликтов, в состоянии противостоять сложности нашего мира и современному вызову в лице духовного и материального саморазрушения человеческого вида;

– жизни на Земле серьезно угрожает расцвет технизированной науки, которая повинуетя только ужасной логике производства ради производства;

– современный разрыв между растущим количественным знанием и увеличивающимся оскудением внутренней идентичности ведет к рождению новых форм обскурантизма с неисчислимыми социальными и личностными последствиями;

– исторически беспрецедентный рост знания увеличивает неравенство между теми, кто обладает и не обладает этим знанием, тем самым порождая растущее неравенство внутри и между народами нашей планеты;

– с другой стороны, существует надежда, противостоящая всем представленным выше вызовам, надежда на то, что это экстраординарное развитие знания смогло бы в конечном итоге привести к некоторой эволюции, отличной от развития приматов до уровня человеческих существ.

Итак, принимая все сказанное во внимание, участники Первого Всемирного конгресса по трансдисциплинарности (Конвенто да Аррабида, Португалия, 2–7 ноября 1994 г.) приняли настоящую Хартию, которая включает фундаментальные принципы сообщества трансдисциплинарных исследователей и устанавливает личное моральное обязательство без всякого законодательного или институционального принуждения для каждого подписавшего эту *Хартию*.

Статья 1

Любая попытка редуцировать человеческое существо к формальным структурам несовместима с трансдисциплинарным видением.

Статья 2

Признание существования разных уровней реальности, предполагающих разные типы логики, – неотъемлемая черта трансдисциплинарного подхода. Любая попытка редуцировать реальность к единственному уровню с единственным видом логики не относится к области трансдисциплинарности.

Статья 3

Трансдисциплинарность дополняет дисциплинарные подходы. Это вызывает появление новых данных и новых взаимодействий между дисциплинами. Это подвигает нас к новому видению природы и реальности. Трансдисциплинарность не стремится к господству нескольких дисциплин, но ставит своей целью раскрыть все дисциплины к тому, в чем они едины, и к тому, что лежит за их пределами.

Статья 4

Краеугольный камень трансдисциплинарности – семантическое и практическое объединение тех смыслов, которые находятся в области пересечения и *лежат за пределами* различных дисциплин. Это предполагает рациональность открытого мышления, переосмысляющего понятия «определение» и «объективность». Крайность формализма, строгость определений и доказательство абсолютной объективности, влекущие исключение субъекта, могут иметь только жизне-отрицающие последствия.

Статья 5

Трансдисциплинарное видение решительно открыто в своем выходе за область точных наук, требуя их диалога и их примирения с гуманитарными и социальными науками, а также с искусством, литературой, поэзией и духовным опытом.

Статья 6

В сравнении с междисциплинарностью и мультидисциплинарностью, трансдисциплинарность является многоаспектной и многомерной. Принимая во внимание различные подходы к пониманию времени и истории, трансдисциплинарность не исключает транс-исторического горизонта.

Статья 7

Трансдисциплинарность не составляет ни новой религии, ни новой философии, ни новой метафизики или науки наук.

Статья 8

Судьба человека имеет планетарное и космическое измерения. Появление человеческих существ на Земле – одна из стадий в истории Универсума. Признание Земли нашим домом – один из императивов трансдисциплинарности. Каждое человеческое существо принадлежит к некоторой национальности, но, как житель Земли, представляет собой также транснациональное существо. Признание международным законом этой двойной принадлежности – национальной и планетарной – одна из целей трансдисциплинарного исследования.

Статья 9

Трансдисциплинарность призывает к открытому отношению к мифам и религиям, а также к тем, кто уважает их в трансдисциплинарном духе.

Статья 10

Ни одна культура не имеет привилегий над другой культурой. Трансдисциплинарный подход является существенно транскультурным.

Статья 11

Подлинное образование не может ставить абстракцию выше иных форм знания. Оно должно учить контекстным, конкретным и глобальным подходам. Трансдисциплинарное образование возрождает роль интуиции, воображения, чувственности и тела в передаче знания.

Статья 12

Развитие трансдисциплинарной экономики базируется на постулате обязательного служения экономики человеку, а не наоборот.

Статья 13

Трансдисциплинарная этика отрицает любой подход, который отвергает диалог и дискуссии, независимо от того, является ли происхождение такого подхода идеологическим, научным, религиозным, политическим или философским. Разделяемое знание должно вести к разделяемому пониманию, основанному на абсолютном *уважении* коллективной или индивидуальной Инаковости, объединяемой нашей общей жизнью на одной и той же Земле.

Статья 14

Строгость, открытость и толерантность – фундаментальные признаки трансдисциплинарного подхода и видения. *Строгость* в аргументации, принимающая во внимание все имеющиеся данные, – лучшая защита от возможных искажений. *Открытость* включает в себя принятие неизвестного, неожиданного и непредвиденного. *Толерантность* предполагает признание права на идеи и истины, противоположные нашим собственным.

Заключительная статья

Настоящая *Хартия трансдисциплинарности* была принята участниками Первого Всемирного конгресса по трансдисциплинарности без всякой претензии на какую-либо власть, кроме обязательств их собственной работы и деятельности.

В согласии с процедурами, принимаемыми трансдисциплинарно мыслящими личностями всех стран, эта *Хартия* открыта для подписи каждому, кто заинтересован в продвижении прогрессивных национальных, международных и транснациональных мер по воплощению этих статей в ежедневной жизни.

Конвенто да Аррабида, 6 ноября 1994

Редакторский Комитет

Лима де Фрейтас (Lima de Freitas), Эдгар Морин (Edgar Morin) и Басараб Николеску (Basarab Nicolescu)⁹.

⁹ Пер. с англ. В.И.Моисеева.

2. Понятия «междисциплинарность» и «трансдисциплинарность»

Термин «трансдисциплинарность» впервые был использован известным швейцарским психологом Жаном Пиаже в 1970 г. Этим термином он обозначает принцип научного исследования (а также внутридисциплинарной практики), который описывает приложения научного подхода к проблемам, выходящим (трансцендирующим) за границы конвенционально установленных академических дисциплин. Э.Янч в 1980 г. предложил важное уточнение этого понятия. В качестве интегрирующего принципа дисциплинарного знания он предложил общую социальную цель, которая объединяет не только научное познание, но образование и инноватику, как необходимые составляющие социальной системы, направленной на самообновление общества. Общая точка зрения на развитие такой социальной системы зависит не только от ее цели, но и от взаимного обогащения способов познания в определенной области знания, от возможности возникновения эффекта, названного им как «синэпистемическая (synepistemic) кооперация»¹⁰.

В связи с таким пониманием возникает вопрос, в чем состоит отличие трансдисциплинарности от всем нам хорошо известной междисциплинарности? И здесь мы находим целый спектр возможных ответов.

Например, в ряде своих работ¹¹ немецкий философ Юрген Миттельштрасс (Jürgen Mittelstrass) практически отождествляет транс- и междисциплинарность. Он полагает, что междисциплинарность в собственном смысле этого слова не лежит между дисциплинами и «не парит над ними, подобно абсолютному духу». Вместо этого она преодолевает дисциплинарные тупики, блокирующие развитие научных проблем и соответствующих ответов на них. Междисциплинарность, с его точки зрения, фактически есть трансдисциплинарность.

¹⁰ Jantsch E. The Self-Organizing Universe. Scientific and Human Implications of the Emerging Paradigm of Evolution. N.Y., 1980.

¹¹ См., например: Mittelstrass J. Interdisziplinarität oder Transdisziplinarität? // L.Hieber (ed.). Utopie Wissenschaft. Ein Symposium an der Universität Hannover über die Chancen des Wissenschaftsbetriebs der Zukunft (21./22. November 1991). Munich–Vienna, 1993. P. 17–31.

Принципиально иной подход к пониманию трансдисциплинарности был представлен в 1987 г. 163 исследователями Международного центра трансдисциплинарных исследований (CIRET). Как уже отмечалось, в 1994 г. ими была принята *Хартия трансдисциплинарности* на Первом Всемирном конгрессе по трансдисциплинарности (Convento da Arrabida, Portugal, ноябрь 1994 г.).

Согласно CIRET, трансдисциплинарность принципиально отличается от междисциплинарности. В рамках этого подхода междисциплинарность связана с переносом методов одной научной дисциплины в другую. Хотя междисциплинарность преодолевает дисциплинарные границы, но цели ее остаются по-прежнему внутрдисциплинарными. Наоборот, трансдисциплинарность, согласно смыслу префикса «trans», касается того, что может лежать между дисциплинами, «поперек» дисциплинарных делений или за границами каждой отдельной дисциплины.

Пытаясь пояснить это различие, можно было бы использовать следующие графические метафоры.

Ситуация **МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТИ** – это ситуация переноса знания из одной дисциплинарной области в другую при сохранении дисциплинарных делений. Иными словами, междисциплинарность методологически дополнительно обогащает то, что определено внутри дисциплинарных делений. «Пространство» между дисциплинами прозрачно, оно не оказывает сопротивления и не влияет на качество междисциплинарного взаимодействия (см. рис. 1).

Ситуация **ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОСТИ**, с другой стороны, предполагает нарушение жесткости дисциплинарных делений научного знания, они становятся «проходимыми», что способствует появлению разного рода систем «поверх» дисциплинарного деления, «меж»-системных образований, «экстра»-систем и т. д. (см. рис. 2). Вновь образовавшиеся системы получают статус лишь относительно автономного существования от среды, которая была безразлична к их появлению. Другими словами, они не перечеркивают генетического родства с их породившим дисциплинарным взаимодействием.

Близка к описанной позиция директора CIRET Basarab Nicolescu, который определяет трансдисциплинарность через три методологических принципа: 1) существование уровней реальности, 2) использование логики включенного третьего (the logic of

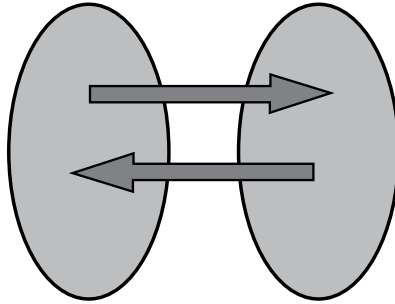

Рис. 1

the included middle), 3) признание принципиальной сложности реальности, выражающейся во взаимопроникновении различных ее уровней друг в друга¹².

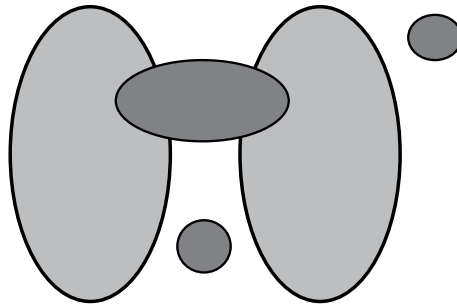

Рис. 2

Обычно дисциплинарные исследования касаются изучения только одного уровня реальности (или даже его фрагментов), в то время как, с этой точки зрения, трансдисциплинарность должна оперировать взаимоотношениями нескольких уровней. Дисциплинарный и трансдисциплинарный подходы не противоречат, но дополняют друг друга.

¹² См.: Transdisciplinarity: Basarab Nicolescu Talks with Russ Volckmann // INTEGRAL REVIEW. 2007. 4. P. 73–90.

3. «Принципы проектирования трансдисциплинарного исследования»

В этом параграфе мы хотели бы вкратце коснуться одной интересной работы – так называемых «Принципов проектирования трансдисциплинарного исследования»¹³ (Principles for Designing Transdisciplinary Research) швейцарских авторов Кристиана Пола (Christian Pohl) и Гертруды Хадорн (Gertrude Hirsch Hadorn), опубликованных в 2007 г. В отличие от более мировоззренческого образа трансдисциплинарных исследований, представленных CIRET и Хартией трансдисциплинарности, в этой книге мы находим своего рода хрестоматию наработанных *методологий* разного рода европейских трансдисциплинарных проектов.

Авторы полагают, что потребность в трансдисциплинарных исследованиях возникает в том случае, когда знание о социальных проблемах носит не вполне определенный характер и конкретная природа обсуждаемых проблем дискуссионна. Трансдисциплинарные исследования могут помочь уяснить сложность решаемых проблем, принять во внимание разнообразие представлений о жизненном мире и научных представлений о поставленных проблемах, связать абстрактное и конкретное знание, развить знания и практики для продвижения так называемого «общего блага» (common good).

Трансдисциплинарные исследования обычно носят выраженно проектный характер, когда для решения некоторой жизненно важной проблемы формируется временная рабочая группа, включающая в себя представителей самых разных областей культуры – ученых, политиков, представителей общественности и т. д. В таких условиях и сообществах возникает принципиально новая методология, которую и пытаются выразить авторы «Принципов проектирования трансдисциплинарного исследования».

Методологически, как полагают авторы, трансдисциплинарные исследования включают в себя три основные стадии:

- идентификация и структурирование проблем,
- анализ проблем,
- получение практических результатов.

---

¹³ Pohl C., Hadorn G. Principles for Designing Transdisciplinary Research. München, 2007. Информацию о книге см.: <http://www.transdisciplinarity.ch>.

Указанные стадии не только организованы в линейной последовательности, но и предполагают сетевые отношения. Например, получение первоначальных практических реализаций может повлиять на процедуры идентификации и структурирования проблем и т.д.

Каждая стадия обнаруживает свою более детальную методологию. Например, авторы предъявляют следующие основные требования к трансдисциплинарным исследованиям на стадии анализа проблем:

- участники проекта должны прийти к соглашению, понимая сложность поставленных перед ними проблем,
- в то же время необходимо принять во внимание основные различия и особенности исследуемой проблематики,
- в итоге участники должны развить конкретное и практичное знание, которое может быть передано другим,
- ориентация в решении проблем на общее благо.

Авторы выделяют четыре основных принципа трансдисциплинарных исследований.

1. Принцип упрощения сложного с учетом вида знания и участников проекта.

2. Достижение эффективности через контекстуализацию – применение к конкретным социальным практикам и результатам в жизненном мире, целевым группам, ориентация на подобные исследования в других проектах и т. д.

3. Достижение интеграции через открытую состязательность и плюрализм.

4. Принцип развития рефлексивности через рекурсивность – трансдисциплинарное исследование организуется циклически, в форме многократных циклов (рекурсивно), что позволяет корректировать принципы исследования, выходя в рефлексивную позицию.

В конце своей работы авторы приводят множество различных определений трансдисциплинарности, в основе которых, по их мнению, лежат следующие четыре основных характеристики:

- трансцендирование и интеграция дисциплинарных парадигм,
- проведение исследований с привлеченными участниками (не учеными, представителями общественности),
- направленность на решение проблем жизненного мира,
- поиск единства знания за границами научных дисциплин.

Отдавая должное подобному методологическому направлению в развитии трансдисциплинарного исследования, мы в нашей работе хотели бы в большей мере развить философские основания и принципы идеи трансдисциплинарности.

4. Образы философии трансдисциплинарности

Особенность сегодняшней встречи философии с другими формами разумного освоения реальности заключается в том, что она происходит в контексте исторического феномена – *трансдисциплинарности*, в основе которой лежит поиск научно обоснованного ответа на вызовы времени, идущие, как неоднократно утверждалось, из жизненно-практической сферы. В результате формируется новый тип исследовательской деятельности. Производство научного знания на современном этапе – это гибрид фундаментальных исследований, ориентированных на «познание ради познания» и исследований, прагматически ориентированных на получение полезного эффекта¹⁴.

В классическом способе производства знания ценностные установки существуют как бы имплицитно (тип мертоновского этоса науки) и контролируются системой внутринаучных механизмов. В новом способе производства знания (наиболее выраженном в биологии и медицине) содержится рефлексия на эти ценностные установки, реализующаяся через трансдисциплинарные (институализированные как внутри, так и вне науки) механизмы нормативного оформления научных практик. В этих трансдисциплинарных взаимодействиях активную роль (помимо естествоиспытателей) играют представители гуманитарных дисциплин и общественности, в результате которых многие традиционные представления о научности, особенно укорененных в естественнонаучных исследованиях, коренным образом трансформируются.

---

¹⁴ Например, открытия генов или стволовых клеток одновременно с их патентованием, предполагающим описание их полезных свойств. Неслучайно этот тип научной деятельности высоко коммерциализирован и трансдисциплинарен по своей сути. Его реализация осуществляется в сложной сети академических, коммерческих, государственных и негосударственных общественных институтов.

Как справедливо утверждает А.В.Ахутин «существуют эпохи, лучше сказать, эпохальные рубежи, особо чувствительные к парадоксам, когда истина бытия и бытие истины расходятся. Эпохальный парадокс, говоря упрощенно, есть противоречие, которым сказывается радикальное несовпадение “самой вещи” с тем способом, каким вещи научились переживать, понимать, знать и излагать»¹⁵. Именно последствия «возникновения Большой науки», эхом растянувшиеся на десятилетия, дают нам возможность описать явление, которое все более приобретает очертания отмеченной выше парадоксальности. Парадоксальность, о которой идет речь, наиболее яркое свое выражение, по нашему мнению, получила в феномене трансдисциплинарности¹⁶.

Экзистенциальная энергия апорий жизненного опыта реализуется в многообразии научно, философски, богословски, дисциплинарно обосновывающихся решений. Однако сложность экзистенциальных проблем (например, биоэтических, экологических или энергетических) такова, что ни одно из дисциплинарных обоснований при всей *необходимости* не может претендовать на *достаточность*. Здесь истина сталкивается с истиной, благо с благом, правда с правдой, вызывая *апорию разума*, генерирующую пара-доксальный импульс поиска основания и обоснованности, но уже в сфере трансдисциплинарных коммуникаций жизненного мира – в сфере общезначимого. Общезначимость выражает социальную конвенцию и опирается на объектный состав совместного действия коллектива. Всеобщему же отводится роль того идеального содержания, которое адресуется каждому человеку и в этом отношении оно универсально¹⁷.

Только присутствие этого двойного противоположно направленного, локализующегося на границах дисциплинарных миров и жизненного мира импульса пара-доксальности превращает некое происшествие в феномен трансдисциплинарности. Он явным образом демонстрирует двуаспектность представления об универсальности, фундаментальности жизненного мира, в котором разворачивается многообразие человеческой деятельности. Универсум, целостность человеческого присутствия в мире опирается на подвижность «тек-

¹⁵ Ахутин А.В. Парадоксы культурологии // В перспективе культурологии. М., 2005. С. 19.

¹⁶ См. также ниже параграф «Антиномы».

¹⁷ Теоретическая культурология. М., 2005. С. 9.

тонических плит» – всеобщего и общезначимого, которые нераздельно и неслиянно его образуют. Все более проявляет себя отход от определения науки исключительно в рамках когнитивной матрицы и поиск ее социологических параметров, поскольку наука все больше рассматривается как *производство* знания со своими сроками, целевым заданием, необходимыми ресурсами: фундаментальными и прикладными знаниями, финансовыми потоками и людскими кадрами. Научное *предприятие* все больше принимает вид проекта, осуществление которого предполагает соединение усилий ученых разных специальностей: инженеров, экспериментаторов, техников-измерителей, проектировщиков и т. д.¹⁸ Развитие научного знания, его вечные цели – достижение объективной истины и эпистемологический «инструментарий» – стали рассматриваться в культурно-историческом контексте, что в значительной степени трансформировало представление о них.

Трансдисциплинарное исследование возникает, когда, несмотря на множественность разрозненных дисциплинарных подходов в решении экзистенциальных, биоэтических, экологических и иных практических проблем, ощущается их недостаточность. Оно нуждается для своего проведения, с одной стороны, в осмыслении мотивов, ценностей, оценки рисков последствий совместных действий различных познавательных практик, их вписываемости в современные культуру и цивилизацию, а с другой, – во взгляде на ситуацию в целом, что характерно для философского подхода. Указанные движения мысли, что принципиально, происходят параллельно. Поэтому в известной мере их можно до поры до времени рассматривать независимо друг от друга. Но фокусировка, которой обладает трансдисциплинарный подход, сводит воедино философско-теоретические и практические потоки, когда возникает реальная проблема, нуждающаяся в решении. По этой причине понятие трансдисциплинарности имеет не столько прикладной аспект, сколько фундаментально экзистенциальный¹⁹, который задевает за «живое» всех тех, кто профессионально или по убеждению, по вере и по смыслу своих жизненных представлений не может не действовать, делая выбор в пользу ответственного, морального поступка.

---

¹⁸ См.: Философия науки: проблемы и перспективы (материалы круглого стола) // *Вопр. философии*. 2006. № 10. С. 18.

¹⁹ См. ниже главу о субъектно-ориентированном подходе.

Трансдисциплинарность принадлежит к тем современным направлениям научного исследования, в которых «отчетливо выражен философский элемент *внутри* наук»²⁰. Этот «философский элемент» выражен двойственно. С одной стороны, он ориентирован на философское прояснение единых, всеобщих оснований опыта трансдисциплинарности и явлений окружающего мира. С другой стороны и в то же время, он содержит вопросы, которые решаются конкретными способами взаимодействия в их сложном многообразии дисциплинарных областей (физики, химии, биологии, психологии, социологии). При этом получаемые решения выходят за дисциплинарные рамки и приобретают трансдисциплинарную общезначимость. Мы исходим из понимания, в ряде аспектов близкого к философии Хабермаса, что содержательное осмысление возникающих экзистенциальных и философских проблем, так или иначе, связано с выходом научного и философского разума на границы с жизненным миром. Структуры жизненного мира начинают выполнять функции, на которые раньше претендовала фундаментальная философия – формы единства мира, связанности жизненного опыта. Уже классическая философия при всей довлеющей силе онтологической или гносеологической проблематики ставила вопрос жизненно-практически; вспомним, например, название главного труда Спинозы – «Этика».

Возвращение к изначальным жизненно-практическим очевидностям спровоцировано поиском истока и значения знания в целом и истинного смысла человеческого присутствия в мире. В частности, не будем упускать из виду, что в деятельности человека (в том числе и философской) «неслиянно и нераздельно» взаимодействуют два типа причинения – *телеономического*, стихийное формирование (самоорганизация) целей и ценностей в среде трансдисциплинарных взаимодействий, и *телеологического*, возникновение тех же самых целей и ценностей как продуктов или произведений сознательного целеполагающего действия. Поэтому экспликация «целей и ценностей» в постнеклассической науке происходит в парадоксальной форме, сочетающей экспертную профессиональную работу, ориен-

---

²⁰ Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2000. С. 26. (Курсив Ю.Хабермаса.)

тирующуюся на «вечные и универсальные цели и ценности» с согласованием ее результатов с «общественным мнением» и «здравым смыслом» жизненного опыта.

В этой ситуации результатом трансдисциплинарного исследования оказывается сложное произведение открытого (и дисциплинарному естественнонаучному, и социокультурному знанию) типа, в котором знание как таковое оказывается встроенным в социальный механизм, контролирующей интерпретацию его значения (измерение всеобщего) и условия его практического использования (предъявляя меру общезначимого). «Контроль» осуществляется по принципу гештальт-переключения, раскрывающегося в интервале между всеобщим и общезначимым.

В основании трансдисциплинарности лежит постоянно воспроизводящийся повтор в игре настроений надежды и страха, их парадоксальное схождение в едином человеческом переживании, вызывающем экзистенциальную апорию. Человек надеется на научно обоснованное технологическое решение собственных проблем и боится техники, в которой видит и спасителя, и предельную угрозу. Устойчивая для классического сознания граница между *своим* и *чужим* оказывается под вопросом. Жизнь схватывается парадоксом экзистенциального настроения в специфическую целостность. «Подобное настроение, когда “все” становится каким-то особенным, дает нам – в свете этого настроения – ощущать себя посреди сущего в целом. Наше настроение не только приоткрывает нам, всякий раз по-своему, сущее в целом, но такое приоткрывание – в принципиальном отличии от того, что просто случается с нами, – есть в то же время и фундаментальное событие нашего бытия»²¹. В основании трансдисциплинарного настроения личности лежит опыт оппозиционной союзности полюсов всеобщности и особенности, «сущего в целом» и «событий жизне-бытия». Здесь возникает новый категориальный опыт своего рода «особенного всеобщего» и «часте-целостного», когда всеобщее открыто на частные случаи личностного бытия, а последние «светятся» кодом всеобщего и целостного.

---

²¹ Хайдеггер М. Что такое метафизика? // Хайдеггер М. Время и бытие. Ст. и выступления / Пер. В.В.Бибихина. М., 1993. С. 20.

Другими словами, объяснение в современной науке ориентировано пониманием и общением, которые дополнительным образом соотносятся с традиционным толкованием научного объяснения классического типа. Последний в контексте современного научного дискурса приобретает значение некоторой устойчивой, общепонятной (общепринятой) системы отсчета, по отношению к которой можно отследить появление нового. Современный научный дискурс, нацеленный на получение нового знания, нового смысла, вершится всегда с оглядкой на ту традицию, от которой он отказывается, но которая дает ему возможность себя распознать в новом. То, что вкладывается сегодня в понимание научного дискурса, находится между ориентацией на коммуникативную рациональность и ориентацией на объективное познание классического образца. Находиться «между» предполагает учет двух указанных пределов – образующих координат современного научного дискурса в его понимании понимания.

В свое время метафизическим основанием технологического освоения мира была установка на теоретическое схватывание некоторого предсуществующего в природе, разуме или трансцендентальных условиях научного опыта *единства*. Множественность воспринималась как угроза. Отмеченная трансформация экзистенциального настроения конгруэнтна с потерей возможного основания для единства, что, собственно говоря, и переживается в дополнении кризиса научной рациональности и кризиса классического философского рационализма.

Конечно, искомые образы единства и «мир в целом» – не писанная маслом картина мира и не его некоторое отрефлексированное представление в качестве предмета опыта. Он, как все более становится очевидным, – исходная, изначальная загадка, «энigma» (В.С.Библер), таящаяся в недрах *нерефлексивной жизни культуры*, в ее исторически особой телесности. «Мир как загадка и разгадка» (С.С.Аверинцев) из-за своей высшей экзистенциальной значимости захватывает человеческое существо и принуждает его к исканию ответа, приводит в сознание, на *критическую грань самоосмысления*. Выбор жизненного поиска выставляет каждого отдельного человека в ситуацию *ответственного поступка выбора себя – самоидентификации* при непреломном условии общения. «Недаром именно в нашем столетии Карл Ясперс возвел способ-

ствование коммуникации в ранг гносеологического критерия истины, а Габриель Марсель, Бубер и наш Бахтин превратили понятие диалога из литературного жанра в философскую категорию. Жизненно важно, чтобы встреча позиций не превратилась в их индифферентное смешение. Это – трудно; но все остальное – погибель, если не физическая, то духовная. Даже ядерная смерть едва ли больше чем импликация того, что у Ясперса называется – “разрыв общения”²².

Утрата единства была и остается причиной, заставляющей, по выражению Гуссерля, философа задуматься. Современное настроение «заставляющее задуматься» более парадоксально. Он сохраняет преемственность с классическим рационализмом – философия и наука не могут не искать тех или иных общих оснований. Но сегодня, в определенном смысле, опасность опознается в самом желании «единственного» единства. Теперь идет поиск основания для оправдания самой «раздробленности», обоснования *объективности плюрализма* (Е.А.Сидоренко). Это касается не только существа философского дела, но и изменения отношения к природе. Сошлемся на мнение И.Пригожина, согласно которому в наши дни «видение природы претерпевает радикальные изменения в сторону множественности, темпоральности и сложности»²³. В непоследнюю очередь эти изменения, сравнимые по значимости бельгийским ученым с эпохой атомистов или Возрождения, связаны со следующим обстоятельством. «Мы начинаем выходить за пределы того мира, который Койре назвал “миром количества”, и вступаем в “мир качества”, а значит, и в мир становящегося, возникающего»²⁴.

Аналогичные процессы можно отследить и в современных типах философствования, затрагивающих всю область культуры. Упомянем как наиболее характерные имена Ж.Делёза и В.С.Библера.

Экзистенциальная энергия апорий жизненного происшествия реализуется в многообразии научно, философски, богословски, дисциплинарно *обосновывающихся* решений. Однако, как уже отмечалось, сложность экзистенциальных проблем (типа биоэтической,

²² Аверинцев С.С. Противочувствие // Красная книга культуры. М., 1989. С. 338.

²³ Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М., 1986. С. 34.

²⁴ Там же. С. 79.

экологической или энергетической) такова, что ни одно из дисциплинарных обоснований при всей *необходимости* не может претендовать на *достаточность*, на универсальность предлагаемых решений. Истина сталкивается с истиной, благо с благом, правда с правдой, вызывая уже *апорию разума*, генерирующую пара-доксальный импульс поиска основания и обоснованности, но уже в сфере трансдисциплинарных коммуникаций²⁵. Целью же трансдисциплинарного подхода является осознание необходимости подобной установки как неперменного для каждого его участника с учетом альтернатив возможностей и ответственных решений.

Другим основополагающим принципом трансдисциплинарных взаимодействий является процессуальное сочетание общезначимого и всеобщего знаний. Если общезначимость выражает социальную конвенцию и опирается на объектный состав совместного действия сообщества, разворачивающегося, как правило, в повседневности жизненного мира, то источником всеобщего выступает обращение к универсальности смысла, идеальности целерациональной деятельности каждого человека.

Только присутствие двойного противоположно направленного, локализующегося на границах дисциплинарных миров и жизненного мира импульса пара-доксальности превращает некое происшествие в *казус*, особый случай, событие трансдисциплинарности. Кажущаяся прозрачность указанных границ отнюдь не означает беспроблемность взаимоперехода их образующих, хотя бы потому, что дисциплинарное знание изменяется порой непредсказуемо за счет влияния проблем жизненного мира, а последний при всей своей спорадической стихийности обладает габитуальной составляющей, инспирированной мощной тенденцией человеческого сообщества к упорядоченности²⁶.

Трансдисциплинарность оказывается одним из векторов многомерной трансгрессии современной науки за рамки своей классической самоидентификации. Именно в этом отношении она и выступает для нас основной темой философского рассмотрения.

---

²⁵ Трансдисциплинарность в этом случае имеет расширительный смысл. Знание, обладающее известной степенью упорядоченности нормированной или ценностной природы – проблемной, предметной, тематической, принадлежащее некоторой группе его носителей.

²⁶ См.: *Бевзенко Л.* Стили жизни переходного общества. Киев, 2008; *Гутнер Г.Б.* Социальные практики и габитус научного сообщества // *Этос науки.* М., 2008.

Наука в этом же движении получает шанс сохранить целостность восприятия мира, которую она с неизбежностью теряет в множасьей дисциплинарной раздробленности. При этом и философия, и наука переходят в особый *пограничный режим* своего существования²⁷. Освоение трансдисциплинарного опыта, с нашей точки зрения, позволяет раскрыть позитивный смысл феномена кризиса самоидентичности научного разума (науки и философии как науки наук). Этот кризис пугал и продолжает пугать одних исследователей возможными негативными последствиями для современной культуры в целом. У других – вызывал и продолжает вызывать заражающий интерес.

В современной культуре экзистенциальный вектор классической эпохи сохраняется, но дополняется противоположно направленным. Угроза существованию человека диагностируется уже не только в природе, но и в экспансии техники и доминировании объективно научного типа рациональности. Спасение видится в сохранении или восстановлении естественной природной среды человека. При этом наука парадоксальным образом начинает играть одновременно и роль спасителя, и роль экзистенциальной угрозы. Провоцируя и настраивая размышление на определенную «волну», парадокс экзистенциального настроения одновременно задает ему некоторые предельные условия, предрасполагает к реанимации уже сложившихся *тем* философского и научного исследования и возникновению новых²⁸.

Отметим, слово *тема* упоминается неслучайно. В своем понимании динамики генезиса знания в сфере жизненного мира мы опираемся на фундаментальные идеи, представленные Дж.Холтоном в его книге «Thematic origins of Science Thought»²⁹. В книге, говоря о началах научной мысли, автор особое внимание уделяет изучению реальной ситуации в научном познании, отмечает жизненные

---

²⁷ Выход в пограничную среду дисциплинарного опыта имеет внешнее совпадение с традиционной проблемой границ научного и ненаучного знаний (проблема демаркации), а также с рассуждениями о «конце науки», но кардинально отличается установкой на рассмотрение эффектов становления научного знания. См.: *Киященко Л.П., Тищенко П.Д.* Опыт предельного – стратегия «разрешения» парадоксальности в познании // Синергетическая парадигма. Когнитивно-коммуникатив. стратегии совр. научн. познания. М., 2004.

²⁸ *Тищенко П.Д.* Био-власть в эпоху биотехнологий. М., 2001. С. 56–81.

²⁹ *Холтон Дж.* Тематический анализ науки. М., 1981.

циклы (зарождения, расцвета и упадка) повторяющихся тем, к ним относятся темы единства, целостности, условия проведения опыта, личностные приоритеты в выборе тем и т. д.

Холтоновская идея тематизации по своему смыслу, как нам представляется, дает возможность ее трактовать как трансдисциплинарную, хотя это понятие в книге не встречается. Проведенное исследование тематических истоков научной мысли в научном творчестве ученых различных эпох показало, что они достаточно лабильны, исторически конкретны. Тематическое единство способно удержать внутреннее многообразие и сложность проведения любого вида опыта, его становящуюся природу, выразить некоторые повторы в развитии как научной, так и философской мысли, включая и нерелексивную, понятийно не схватываемую общность.

Одновременно указанный кризис имеет позитивный смысл для определения собственных особенностей у каждого вида знания в результате встречи с иным. Примером могут служить встречи науки и философии, не раз случавшиеся в переломные моменты их исторического развития. Для нас кардинальным является то обстоятельство, что очередная встреча дисциплинарного научного знания с философией, а философии с научным знанием происходит актуально здесь и сейчас на границах с жизненным миром, определяя специфику того явления, которое мы и называем трансдисциплинарностью.

Философия трансдисциплинарности продолжает традицию философского знания – выдвигать тотальные теоретические и практические притязания. Но, сохраняя тематическое отношение к целому, как свою основную интенцию, она его ищет во встречах потоках, в среде трансдисциплинарного общения по частным и конкретным случаям проблемно-ориентированных исследовательских задач – казусов. Осмысляя казус, философия трансдисциплинарности (следуя своей генерализующей интенции) с необходимостью выходит за пределы его единичности, предлагая то или иное всеобщее. Без этой составляющей философское рассуждение состояться не может. Однако, с другой стороны, каждый казус имеет возможность породить не одну философскую интерпретацию, а целый спектр возможных всеобщих истолкований, каждое из которых оказывается особенным. Причем основанием этих *особенных всеобщих* оказывается именно *единичное* происшествие,

составляющее их контекстуальное определение здесь и сейчас. При этом жизнь схватывается парадоксом экзистенциального настроения в специфическую целостность.

Исходя из вышесказанного, задачей нашего исследования является выяснение *условий возможности опыта трансдисциплинарности*, которые представляют собой парадоксальные образования «апостериорной априорности», порождающие философию *трансдисциплинарности*. В силу пограничного характера трансдисциплинарной ситуации эти условия и предшествуют опыту, и в нем заново переопределяются, становятся иными (в этом смысле порождаются). В этих условиях решаются следующие вопросы: *как возможно разумное общение без обобщения в рамках одной конкретной дисциплинарной перспективы в среде проблем жизненного мира? Как возможен парадоксальный опыт трансдисциплинарности? Каковы условия его возможности?*

Однако подчеркнем, что практически мотивированный сдвиг научного разума на границы с жизненным миром имеет особый смысл для философии как таковой, поскольку создает ресурсы позитивного осмысления кризисных явлений, о которых речь шла выше. Выдвигаясь к границам жизненного мира, наука не перестает быть наукой, а философия не становится «филодоксией» (И.Кант). В этом движении, обозначаемом приставкой «транс», осуществляется поиск собственных *оснований*, реализуется нужда в обосновании и обоснованности, составляющая суть разума и рациональности как таковой. Наука в этом же движении получает шанс сохранить целостность восприятия мира, которую она с неизбежностью теряет в множасьейся дисциплинарной раздробленности. При этом и философия, и наука переходят в особый *пограничный режим* своего существования, адаптируясь к *опыту предельного*.

РАЗДЕЛ II. ОНТО-ГНОСЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОСТИ

Глава 1. Опыт трандисциплинарности

1. Опыт как горизонт универсального

С тех пор как Монтень написал свои «Опыты», прошло более четырех веков. В конце книги он отмечает, что писал о себе и на немногие годы для ограниченного круга читателей. Но он ошибся, читательская аудитория «Опытов» была столь обширна, что эта книга была названа достоянием века³⁰. Три тома «Опытов» Монтеня не утратили своего интереса и по сей день. Причины такой популярности можно связать с несколькими обстоятельствами. Во-первых, книга писалась в период крутой ломки общественных отношений во Франции. С той поры аналогичные события переживались неоднократно и стереотипно в других государствах. В ситуации экзистенциальной неопределенности обращение к опыту в том смысле, который этому понятию придал Монтень, играло первостепенную роль в поиске оснований определенности бытия в мире. Во-вторых, она писалась от первого лица, первостепенная важность этого обстоятельства также связана с девальвацией общепризнанных ценностей. По выражению самого Монтеня, «Опыты» – «книга, неотделимая от своего автора». Ткань и строение книги органически связаны с внутренним обликом ее создателя, с его ощущением внешнего мира, человеческой жизни, самого себя как наилучшего объекта для наблюдений над всем «родом людским». В-третьих, обстоятельство, отмечающее непреходящее значение «Опытов», заключено в форме изложения, в жанре эссе,

³⁰ См.: Коган-Бернштейн Ф.А. Мишель Монтень и его «Опыты» // Монтень М. Опыты: В 3 кн. Кн. 3. М., 1979. С. 315.

изобретенного Монтенем. В литературный обиход само слово «эссе» введено тем же Монтенем. Оно явственно сохраняет свое исконное значение «опыта»: опыта, поставленного человеком на собственной способности суждения, на самом себе³¹. И, наконец, в-четвертых, в «Опытах» Монтеня не просто отображается уникальный единичный субъект, но этот субъект порождается именно в качестве субъекта новоевропейской культуры.

Однако встает законный вопрос, в какой связи находится заявленное прояснение опыта трансдисциплинарности, генетически связанного с современными проблемами философии и методологии современной науки, с эссе как формой и жанром изложения, как опыта, поставленного на человеческой способности суждения, на самом себе? Ближайшим ответом на него могло быть следующее движение мысли. Классическая наука и философия с их установкой на получение всеобщего объективного знания исключали опыт уникальной субъективности. Трансдисциплинарный опыт постнеклассической науки строится на парадоксальной установке. Он сохраняет объективность классического рационализма, но одновременно, не отворачиваясь от тех начал субъективности, порождающих эту рациональность, погружает их в свое основание. Наука, проделав длительный исторический путь эволюционных преобразований, как бы возвращается к собственному началу. И это возвращение решает две главные задачи. Во-первых, возвращение к своим истокам обеспечивает создание своеобразного «социального реактора», возникают новые формы рациональности, рациональности постнеклассического типа³². Соответственно возникает потребность в новых формах философской рефлексии, позволяющих, с нашей точки зрения, удерживать идею трансдисциплинарного опыта.

³¹ См.: *Коган-Бернштейн Ф.А.* Мишель Монтень и его «Опыты». С. 352.

³² Анализ особенностей постнеклассического этапа в развитии науки и философии науки посвящена большая научная литература. Среди отечественных авторов которой упомянем: В.С.Стёпина, В.И.Аршинова, В.Г.Буданова, К.Х.Делокарова, В.И.Моисеева, О.Н.Астафьеву, Я.И.Свирского, П.Д.Тищенко. Авторитетная украинская постнеклассическая школа в философии науки может быть представлена именами Л.Д.Бевзенко, Л.С.Горбуновой, И.С.Добронравовой, В.В.Кизима, Н.Кочубей, М.А.Нестеровой, И.Ершовой-Бабенко и др. Укажем одну из их совместных работ. Постнеклассика: философия, наука, культура. СПб., 2009.

Во-вторых, возвращение к началу обеспечивает новый режим единства и связанности научного знания, продолжающего стремительно дисциплинарно дробиться, с неизбежностью теряя целостностное представление о реальности. Изобретенный Монтенем жанр эссе наиболее уместен для решения этой двуединой задачи. Сошлемся на мнение М.Н.Эпштейна, который отмечает: «Своеобразие эссеизма и его значения в культуре Нового времени определяется тем, что это культура глубокой и прогрессивно растущей специализации. Ядро этой культуры постоянно и ускоренно делится, образуя все новые и независимые организмы. Тенденция к специализации заходит так далеко, что представители разных культурных областей перестают понимать друг друга. Однако внутри каждой системы действуют процессы, уравновешивающие ее основную тенденцию развития и тем самым предохраняющие от распада и гибели. Центробежная тенденция в культуре Нового времени порождает как залог ее самосохранения обратные, центростремительные процессы, которые проявляются порой чрезвычайно жестко, в стремлении создать новую массовую мифологию и насильственно подчинить ей миллионы людей, порой же – мягко, в индивидуальных опытах интеграции различных областей культурного творчества. Эссеизм – это мягкая форма собирания культуры; общим знаменателем всех разошедшихся культурных дробей тут выступает неделимая единица – индивидуальность»³³. Автор, разбирая особенности и значение эссеистики в наше время, продолжает: «Эссеизм не стирает, а, напротив, заостряет грани образа, понятия, опыта, чтобы воссоздать многомерность человеческого во всем объеме. Эссеистское мышление не является ни “позитивным”, ни “оппозитивным”, но скорее “интерпозитивным”, выявляя значение лакун, промежуточных и незанятых позиций в существующей культуре. В эссеизме могут сталкиваться противоположные тенденции – интегративная и дифференциальная, – в борьбе которых он выступает на стороне обеих, занимая промежуточную позицию самой культуры, защищающей интересы ее подвижной устойчивости и много-сложного единства»³⁴.

³³ Эпштейн М.П. На перекрестке образа и понятия. Эссеизм в культуре Нового времени // Красная книга культуры. М., 1989. С. 145.

³⁴ Там же. С. 146–147.

Развивая концепцию опыта трансдисциплинарности, хотелось бы опереться на существующие толкования термина «опыт», чтобы в дальнейшем специфицировать его в качестве трансдисциплинарного. Итак, если идти от словарного толкования термина опыт, понятого как эссе (от фр. *essai* – “попытка”, “проба”, “очерк”, восходящего к лат. *exagium* – “взвешивание”), то оно может трактоваться как *стиль изложения*, которому свойственны образность, подвижность ассоциаций, афористичность, нередко антитетичность мышления, установка на интимную откровенность и разговорную интонацию и как *жанр, форма повествования*. В отношении объёма и функции такой формы повествования можно сказать, что эссе граничит, *с одной стороны*, с научной статьёй и литературным очерком (с которым эссе нередко путают), *с другой* – с философским трактатом³⁵. *Первая сторона*, в случае написания научной статьи, указывает, что речь, скорее всего, идет об описании опыта, проводимого согласно правилам научного эксперимента (*experiment*) и фиксируемого в обезличенной форме научной статьи. Мастерство (физическое «рукоделие» тела) проводящего опыт измеряется во многом строгостью следования установленным правилам в той или иной теории, связанной по традиции с независимостью полученного результата от личностных качеств исполнителя, места и времени осуществления эксперимента. Так понятый опыт-эксперимент лежит в основе новоевропейского научного знания³⁶. *Другая* пограничная *сторона* эссе, близкая написанию философского трактата, говорит скорее о жизненном опыте (*experience*), об описании переживания, указывает на подлинность случившегося во всем многообразии его составляющих, описанных с помощью дополняющих друг друга языков: «языка тела» и «языка сознания».

Опыт, понятый в сочетании смыслов, вкладываемых в трактовки *experiment* и *experience*, выступает как бифункциональный орган телесности, действует внутри научного процесса, и его значение в немалой степени определяется тем, что источник научной эмпирии оказывается вне системы научного знания, обеспечивая тем самым «*открытость*» системы научного знания миру³⁷. Как

³⁵ См. подробнее: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Эссе>.

³⁶ См. также параграф «Экспериментальный диалог и диалог как эксперимент».

³⁷ См.: Опыт как фактор научно-познавательной деятельности (историко-научный аспект). М., 1983.

уже отмечалось, этот план целостного научного опыта вытеснялся из рассмотрения классическим рационализмом. Но уже в феноменологической философии роль опыта переоткрывается в плане его понимания как *experience* и начинает рассматриваться в качестве начала для всего того, что мы можем познать научно.

В случае жизненного опыта как переживания мы возвращаемся к «жизненному миру как забытому чувственному фундаменту естествознания» (Э. Гуссерль), т. е. основанию многоединого взгляда на мир и на самого себя в нем. Значимыми в таком случае являются конкретные культурно-исторические *время и место* проведения опыта, понимаемого как событие («мгновенный хроно-топ» – казус) в длящейся личной жизни его участника³⁸.

Тогда опыт как эксперимент в известной мере включен в опыт как переживание (*experience*) схватывающего многоединое целое жизненного мира³⁹. Эксперимент по преимуществу описывается на языке телесного действия в режиме заученного правила манипуляции с «вещами». Например, приступая к химическому опыту, читаем в правилах его проведения: взять столько-то граммов одного вещества, смешать... получаем, исходя из соответствующей теории, ожидаемый результат. То же происходит в случае с физическим опытом, проводимым с помощью приборов, опосредующих взаимодействие тела с миром вещей. Бытие эксперимента в опыте переживания возможно потому, что условия восприятия мира заданы человеку его телом. А «позиция тела двойственна, оно принадлежит двум порядкам – порядку вещи, “объекта”, и порядку

---

³⁸ Проблематика, связанная с решением вопроса о статусе события, чрезвычайно широка. Она входит как составная часть в ряд фундаментальных теоретических исканий всех гуманитарных наук. Это и определение границ действия исторических законов, и состоятельность теории детерминизма применительно к конкретно-историческим и конкретно-социологическим исследованиям, и выяснение нарративного статуса события, определение способа бытия культурного произведения, событий в горизонте языка и сознания, наконец, социальные координаты события и т. д. См.: *Конов В.А.* Опыт онтологии и герменевтики события // Вестн. РГНФ. 2007. № 4 (49).

³⁹ «Веяния эпохи можно отлучить от “абсолютной науки”, от Науки с большой буквы, но наука в своем эмпирической явлении, т. е. реальная умственная деятельность реальных ученых, людей из плоти и крови, куда как для этих веяний проницаема». См.: *Аверинцев С.С.* Образ античности в западноевропейской культуре XX в. Некоторые замечания // Новое в современной классической филологии. М., 1979. С. 33.

“субъекта”»⁴⁰. «Описывая тело как субъект восприятия, М. Мерло-Понти подчеркивает, его специфическое значение, являясь продолжением мира, состоя из той же плоти, что и мир, будучи вплетенным в ткань мира, тело вместе с тем есть и “мера всего”, “экзистенциальный ориентир всего сущего”, “универсальный измеритель”. Тело – это пробел в плоти мира, но не разрывающий бытийную ткань видимого, а скрепляющий ее. Именно тело, а одновременно с ним и человеческая субъективность поддерживает целостность и гармонию мира. Тело само есть целостность и поэтому оно имеет доступ к целостности мира»⁴¹. Опыт – способ жизни человека в его фактической целостности (В. Дильтей). В. Дильтей считал, что категория «жизнь» снимает дуализм сознания и тела, внутреннего и внешнего. Жизнь есть акт жизни, ее неразложимое «как». Целостность переживания означает, что в процессе его «исполнения» нет разделения на субъект и объект, на «я» и мир, на акт и его содержание. Различение происходит «задним числом», в рефлексии на этот вид опыта. *Переживание* наиболее адекватный термин для такого понимания опыта. Переживание есть абсолютная непосредственность. Позднее Дильтей разводит два модуса единого опыта, «переживание» и «понимание»⁴². Первый связывает с непосредственным индивидуальным «обладанием» значениями, второй с историчностью жизни⁴³. Описание опыта жизненного мира, его истории и понимания в форме эссе позволяет и научный дискурс строить как повествование, в известной мере структурирующий опыт трансдисциплинарности.

2. Опыт и повествование

В данном вопросе мы исходим, прежде всего, из положения П. Рикёра о том, что повествование, во-первых, задает базисную структуру *умозрительной* картины жизненного мира, организует

⁴⁰ Вдовина И.С. Феноменология во Франции (историко-философские очерки). М., 2009. С. 44. См. обстоятельный анализ философии М. Мерло-Понти в этой книге.

⁴¹ Там же. С. 45.

⁴² См. также параграф «От “объяснения–описания” к “пониманию”».

⁴³ См.: Лехциер В. Введение в феноменологию художественного опыта. Самара, 2000. С. 36.

многообразии происходящих в нем событий в связанные цепочки рассказов со своими конфликтами и коллизиями, во многом по своему содержанию сходного с особенностями жанра выше описанного эссе.

Мы помечаем ситуацию встречи как минимум двух языков, вступающих между собой в диалогическое сопряжение (своеобразный опыт проведения постоянно воспроизводящегося эксперимента как переживания). Во-вторых, П.Рикёр, обсуждая проблемы диалога естественных и гуманитарных наук в связи с пониманием природы человеческого поступка, указывает, что повествования являются естественным «местом встречи» для ведения диалога многообразных вариантов морального и теоретического разума, сохраняющих за собой устойчиво воспроизводящую оппозицию в практической деятельности человека. Речь идет о диалоге, который строится в реальной практике общения «здесь и теперь», решает проблемы возможности теоретического обоснования сложившейся ситуации локально (case-studies), в виде некоторого первичного обговора, теоретического наброска. Он вынужден обращаться к такому способу изложения своего понимания обсуждаемой ситуации, как повествование. Нужда в повествовании возникает в *срывах* классической субстантивированной (предметной) предзаданности, корректируется и заполняется прагматикой контингентности, договора по поводу здесь и теперь возникающего предмета согласия, предполагающего стремление к пониманию и опирающегося на ответственность, веру и доверие себе и другому.

С этой точки зрения сам научный поиск «точки зрения трансдисциплинарного подхода» приобретает несколько иную конфигурацию и требует иного понимания и учета в нем отнюдь не традиционных составляющих. Дискурсивно-логическое, аналитическое (теоретическое) в общении существенно пополняется, коррелируется дискурсивно-паралогическим (нарративным), в чем, собственно, и выражается встреча дисциплинарного знания с проблемами жизненного мира.

Выделим в контексте нашего рассмотрения несколько существенных черт в повествовании как особом способе задания знания. Оно дает, прежде всего, представления об арсенале сюжетов

общих и сквозных не только для литературы и искусства, но и для науки, через тематические «узлы», которые собирают сообщества по интересу к той или иной проблеме.

Термин «нарратив» обозначает различные формы научного дискурса, внутренне присущие процессам нашего познания, структурирования деятельности и упорядочивания опыта, их структуры отличает открытость, гибкость, способность к адаптации. «Изучение феномена нарратива предлагает нам переосмыслить вопрос о гераклитовской природе человеческой реальности, поскольку он действует как открытая и способная к изменениям исследовательская рамка, позволяющая нам приблизиться к границам вечно изменяющейся и вечно воссоздающейся реальности. Он предполагает возможность задавать порядок и придавать согласованность опыту фундаментально нестабильного человеческого существования, а также изменять этот порядок и согласованность, когда опыт или его осмысление меняются»⁴⁴. Нарративное знание – одна из форм коммуникативной рациональности, которая укоренена в опыте, языке, установлениях культуры, в число которых входит и научное знание. Коммуникативная рациональность, выраженная через повествование, вселяет надежду на возможность согласования строгих требований дисциплинарного дискурса в среде реальных практик по их согласованию.

П.Рикёр говорит: «Что мы хотим здесь высветить, так это простой факт, что практическое поле снизу доверху складывается не добавлением более простого к более разработанному, а двойным движением восходящего усложнения, исходя из базовых действий и практик, и нисходящей спецификацией, исходя из смутного и подвижного горизонта идеалов и проектов, в свете которых человеческая жизнь воспринимается в своей уникальности»⁴⁵. Это достигается благодаря возможности перевести на язык повествований, которые моделируют возможные проекты существования человека в структурах *жизненного мира*, как результаты научных исследований, так и моральные оценки. Именно в повествовании заложена возможность более пространно и обстоятельно обозна-

⁴⁴ Брокмейер Й., Харре Р. Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы // *Вопр. философии*. 2000. № 3. С. 39.

⁴⁵ Рикёр П. Я – сам как другой. М., 2008. С. 192.

чить не только согласованность в рассмотрении будущих решений, но и нестыковки мнений и рассогласований – интриги, призывающие к последовательному их разрешению.

Немаловажную роль в преодолении указанных разногласий играет языковая компетентность участвующих в обсуждении возникших проблем, способность дискуссионщиков рассказывать, пересказывать и понимать адресованные им истории, несмотря на то, что в этой ситуации, как правило, не придерживаются строгого следования требованиям классического научного изложения – достоверности, доказуемости, каузальной связи между постигаемыми феноменами. «Однако именно истории и составляют упомянутый социальный запас знаний, вовлекаемый в конструирование научных понятий и теорий. Больше того, не исключено, что проникновению научных представлений в персональное знание по мере социализации личности в большой мере способствует именно то, что первые в свое время были связно рассказаны»⁴⁶. Кроме того, литература является не только хранилищем нарративных знаний, но и постоянно действующей лабораторией по их производству (П.Рикёр). В этой гигантской лаборатории, захватывающей огромный сектор культурного пространства, постоянно происходит изобретение и опробование на уместность множества воображаемых сценариев проживания прошлого, настоящего и будущего, ориентированного в первую очередь на животрепещущие проблемы жизненного мира.

3. Опыт предельного

Как уже было отмечено, опыт трансдисциплинарности развивается при решении экзистенциальных проблем в сочетании несочетаемого: установленных норм дисциплинарного знания, которые различаются между собой по методу и предмету со знанием жизненного мира с его явно выраженными социокультурными особенностями. Речь идет об опыте (предельного) преодоления установленных закономерностей, который складывается, условно говоря, из описания множественной и гетерогенной, и совсем не

---

⁴⁶ Трубина Е.Г. Повествование и наука: от альтернативности к симбиозу // Альтернативные миры знания. СПб., 2000. С. 143–144.

всегда строго упорядоченной эмпирико-теоретической деятельности конкретных участников, приступающих к решению возникшей проблемы. Отдавая себе отчет в несинонимичности понятий опыта предельного и предельного опыта, мы пока их не будем различать.

«Ситуации предельного опыта могут возникнуть при решении проблем, которые заведомо не имеют окончательного или однозначного решения, возникая из разрыва между возможным и действительным, сущим и должным (моральные проблемы, например), создавая вариант гетерогенной онтологии. Экзистенциальные ситуации, в основании которых лежит, согласно Кьеркегору и Хайдеггеру, феномены страха как своего рода “априорного чувства” (возможность такого подхода заложена уже в учении Канта об априорных формах чувственности) являют собой условия предельного опыта»⁴⁷. Понятие «предельного опыта» возникает тогда, когда «опыт, достигающий границ расширения или сужения, становится аномальным, необычным»⁴⁸.

Опыт предельного может быть первичным образом представлен как регулятивный принцип, как способ отношения к познаваемой действительности, в которую с необходимостью вписан сам познающий. Как всякий регулятивный принцип, опыт предельного дает о себе знать в результате совместного действия иных регулятивных стратегических принципов научного (и не только) познания, таких как принцип восприятия, наблюдаемости, инвариантности, соответствия и т. п. Опыт предельного функционирует как принцип предельного основания, обоснованной определенности, предметной представленности. Другими словами, определенность опыта предельного возникает «между» и после взаимодействия с принципами наблюдаемости, инвариантности, соответствия и др., видоизменяя при этом одновременно свой статус: из регулятивного принципа он становится конститутивным моментом, оставляя знак своего присутствия в данном времени и месте в виде самоочевидной данности, определенности. Разработкой данного принципа «мы хотели бы приблизиться к пониманию того способа, каким современный человек может в себе соединить опыт противоположного – опыт трансгрессивно-

⁴⁷ Касавин И.Т. К понятию предельного опыта // Разум и экзистенция. Анализ научных и вненаучных форм мышления. С. 397.

⁴⁸ Там же. С. 394.

го ускользания за пределы социокультурных матриц и опыт универсального социального конформизма, без которого невозможна совместная жизнь людей»⁴⁹.

Однако неопределенность, до конца не определенная ответственность регулятивного принципа проистекает из того, что она не предлагает «пошаговую», линейную определенность данного правила. Вспомним предупреждение К.-О.Апеля, что настойчивое и догматическое следование определенности однажды выбранного принципа (тезиса) чревато «диалектическим оборачиванием в антитезис». А посему освоение опыта предельного разделяет судьбу «разрешения» (осознанного рассмотрения) парадокса и разворачивается в одновременном удержании спорящих между собой тезиса и антитеза. Спор может разрешаться в синтезе и наводить на мысль об особенностях соотношения тезиса и антитезиса, о типе равновесия между ними, который так или иначе обеспечивает их сосуществование ситуационно обусловленными конкретными обстоятельствами проведения опыта трансдисциплинарности здесь и сейчас. Иными словами, метод опыта трансдисциплинарности (как), опирающийся на регулятивный принцип, порождает свой контингентный предмет (что) или трансобъект, который в процессе своего осуществления меняется.

В этой ситуации уместно вспомнить введенное М.Шелером представление о феноменологической установке, т. е. о ситуации, когда в дело вступает принцип как «установка». «Здесь же речь идет, во-первых, о самих фактах нового типа, которые предшествуют всякой логической фиксации, а во-вторых, – о процедуре созерцания»⁵⁰, представленной в самом акте одновременного переживания и усмотрения. Не забудем и уместное к случаю высказывание Хайдеггера, что «сущее устанавливается в своем полагании через высказывание, отнесенное к чувственной аффектации, то есть через эмпирическую способность суждения при эмпирическом применении разума внутри определяющегося таким образом разума»⁵¹.

⁴⁹ Разинов Ю.А. «Я» как объективная ошибка. Самара, 2006. С. 132.

⁵⁰ Шелер М. Феноменология и теория познания // Шелер М. Избр. произведения. М., 1994. С. 198.

⁵¹ Хайдеггер М. Тезис Канта о бытии // Хайдеггер М. Время и бытие: Ст. и выступления. М., 1993. С. 379.

«Ведь объективный мир, – пишет Гуссерль, – это интересубъективно осваиваемый в опыте и могущий быть освоенный мир, а это предполагает, что любой субъект прежде всего обладает для себя самого своим в опыте данным миром (*Erfahrungswelt*) – с вещами, животными, людьми – и что существуют сообразные опыту возможности благодаря взаимопониманию обмениваться (результатами, формами. – *Н.М.*) наших опытов и в таком обмене нарабатывать согласованность взаимосвязанных опытов»⁵². Нарабатывание согласованности взаимосвязанных индивидуальных опытов проходит через освоение предельного опыта, способного с помощью рефлексии в ответственном коммуникативном действии к преодолению границы самоописания, ведущего к парадоксам⁵³. А «для расшифровки философских парадоксов требуется особый анализ, не носящий строго логического характера, а скорее напоминающий рассказ, в котором простым языком объясняется, что побуждает нас отвечать на какие-то вопросы “да” или “нет”»⁵⁴. В свою очередь это обстоятельство вносит изменение в традиционное понимание рефлексии, поскольку «к восприятию философских идей причастен и наш иррациональный опыт, не подвластный четкому логическому выражению»⁵⁵. Повествования служат обеспечению связности, согласованности и координации опыта трансдисциплинарности, наряду с другими формами человеческого опыта

⁵² *Husserl E.* *Husserliana*. Bd. IX. Den Haag, 1968. Далее: цит. по: *Мотрошилова Н.В.* Эдмунд Гуссерль: на пути к концепции «жизненного мира» (20-е годы XX века) // Филос. науки. 2007. № 1. С. 95–96.

⁵³ «Греческое слово подсказывает, что парадокс выявляет и ставит под вопрос формы (само)мнения мысли («доксы»), формы мнимой само-собой-разумеемости, в которой скрываются вещи. *Докса* может быть выправленной, правильной – *орто-доксией*, разрешающим образом мысли, которым заранее направлены и предопределены как видящее и слышащее внимание, так и решительный образ действия, т. е. нрав, этос человека, закалены в мании самомнения. <...> Подвох ортодоксы в том, что разрешающая ясность ее мира – ясность *ослепительная*, а ослепительная она потому, что направляет взор решительно вперед от себя. Тогда столкновение с самим собой оказывается трагически парадоксальным обращением ортодоксы в противоположность» (*Ахутин В.В.* Парадоксы культурологии // В перспективе культурологи: повседневность, язык, общество. М., 2005. С. 17).

⁵⁴ *Козлова М.С.* Дж.Уиздом. Концепция философских парадоксов // История философии № 1. М., 1997. С. 112.

⁵⁵ Там же. С. 114.

(религиозного, психотерапевтического и др.), в рамках одной композиции, заданной конкретным, однако общим для всех, случаем применения. Универсальность научного дискурса контекстуализируется условиями уникального рассказанного события, случая, казуса, вводя в его присутствие действие языка, акта высказывания.

4. Язык предельного опыта

Такой разворот языка вводит в проведение опыта трансдисциплинарности соприсутствие и особого рода динамику соотношений между состоявшимся объяснением, его пониманием (система высказываний законченного вида – текст, повествование) и актом высказывания (который в известной мере и лишь очень условно предшествует высказыванию и не является единичным по форме) как он складывается в общении. А сам опыт подводит к границам «лингвистического литературоведения», особенно в той его части, которое складывается в трансдисциплинарном диалоге в современной науке, значительной степени переключившейся на освоение новых проблемно-ориентированных реальностей, возникающих на стыках традиционно разведенных предметных дисциплин.

Условием становления трансдисциплинарного проекта является нужда в возникновении некоторого языка общения, который возникает как бы заново здесь и сейчас. Ситуация живого практикума общения на злободневную тему, с одной стороны, актуализирует задачу переопределения базисных знаний научных дисциплин, как заимствуя ресурсы из соседних областей, так и прибегая к помощи естественного языка своей культуры.

Учет этого обстоятельства делает практику научного общения, с одной стороны, *одновременно организующим*, вторичным – метаязыком в отношении решаемой проблемы (описывая положения дел, существующие мнения относительно средств и способов решения, возникающие выводы и т. п.), особого рода деятельностью преследующую цель сведения в единство всех факторов, участвующих в этом процессе. А с другой стороны, научный дискурс занят, тем самым, *самоорганизацией*, нацеленной на *самопорождение и адаптацию* к окружающей среде. *Одновременность* в языке общения указанных составляющих делает его целостным явлени-

ем, но нельзя не отметить, что как осознание, так и рассмотрение этой одновременной уместности затруднено и поддается лишь последовательному аналитическому разворачиванию.

Другими словами, *двуаспектность языка общения любого вида*, с одной стороны, позволяет рассматривать *акт* высказывания как организующее начало, более формально, и делает сопоставимым с формальной целесообразностью, правилами построения *высказывания* как такового. А с другой стороны, он же дает возможность его представить как синергетику правил общения, определяемых мотивами, предпочтениями участников коммуникативного действия.

П.Рикёр, подробно разбирая аналогичные соотношения, отмечает, что дискурсивные характеристики, которые и отличают рассказ от простой последовательности предложений, обозначающих действие, – это синтаксические характеристики. Функция последних «состоит в создании композиции модальностей дискурса, достойных названия нарративных, идет ли речь об историческом рассказе или вымышленном. Отношение между концептуальной сеткой действия и правилами нарративной композиции можно прояснить, прибегнув к обычному для семиотики различению между парадигматической и синтаксической сферами. Все выражающие действие термины, которые принадлежат парадигматической сфере, являются синхроническими в том смысле, что отношения интерсигнификации, существующие между целями, средствами, агентами, обстоятельствами и прочими факторами, полностью обратимы»⁵⁶.

Стремясь показать, что общая характеристика человеческого опыта, который размечается, артикулируется, проясняется во всех формах повествования, – это его временный характер, П.Рикёр обращается к способности самого языка к отбору и организации, к созданию дискурсивного единства, более длинного, чем фразы, которое можно назвать текстом⁵⁷. Почему именно текст выбран как некая единица измерения повествовательной функции человеческого опыта? П.Рикёр проясняет, что текст представляет собой, с одной стороны, расширение первичного единства актуального значения – фразы, или момента дискурса, в смысле Бенвениста.

⁵⁶ Рикёр П. Время и рассказ. Т. 1. М.–СПб., 2000. С. 70.

⁵⁷ Рикёр П. Что меня занимает последние 30 лет // Историко-философский ежегодник '90. М., 1991. С. 298.

С другой стороны, он содержит принцип трансфразной организации, который используется во всех формах повествовательного акта. Дисциплина, которая со времен Аристотеля истолковывает законы композиции – поэтика, – берется П.Рикёром в той ее процессуальной особенности, которая порождает (отбирает и упорядочивает) законченность и целостность повествования. Он вслед за Аристотелем называет эту особого рода вербальную композицию, которая конституирует текст в повествование, *mythos*.

Но есть еще одно немаловажное обстоятельство – речевая практика научного общения, язык дискурса, он *отвечает* также и за «выявляющее обнаружение», за переход и выход чего не было из несуществующего к присутствию⁵⁸. Язык дискурса, существуя в пространстве пограничной зоны (в опыте предельного) в режиме высказанного и невысказанного, выступает как порождающее начало (причина) творчества, делания (поэзиса). Он в ответе за произведение, за «выявляющее обнаружение» нового.

Поэтическое преступление границ одновременно занято новой локализацией, сдвигом границ, но все в том же пространстве пограничной зоны высказанного и невысказанного. Поэтическое преступление является делом продуктивного воображения. П.Рикёр соотносит продуктивное воображение со схематизмом, отвечающим за семантическую инновацию двоякого рода. Во-первых, продуктивное воображение путем предикативной ассимиляции в процессе создания метафоры способно породить новые логические роды, преодолевая сопротивление общеупотребительных категоризаций языка, а во-вторых, создавать новое соответствие в строе событий, в повествовании. Причем как первое, так и второе, соотносимое П.Рикёром с проявлением рациональности, интеллигибельности, имеет целью, скорее, имитировать на высшем уровне метаязыка укорененное в схематизме *понимание* (выделено нами. – Л.К., В.М.), которое укоренено в области усвоения языковой практики – как поэтической, так и повествовательной. В обоих случаях речь идет об объяснении – исходя из поэтического понимания, – как из автономии этих рациональных дисциплин, так и их родства – прямого или косвенного, близкого или далекого⁵⁹.

⁵⁸ Хайдеггер М. Вопрос о технике // Хайдеггер М. Время и бытие: Ст. и выступления. М., 1993. С. 224.

⁵⁹ Рикёр П. Время и рассказ. Т. 1. С. 7–8.

Рассуждение Рикёра о способах возникновения и существования исторических или вымышленных повествований, как может показаться на первый взгляд, непосредственно не касается проблем современной науки, об особенностях которой шла речь выше. Однако если исходить из сложившейся ситуации в современной философии и практики языка, то научный язык, язык научного дискурса, когда он попадает в зону пограничного режима и начинает заниматься творческой работой по ее переустройству, не может более быть отлучен от осознания процессов, которые происходят при самоорганизации языка⁶⁰.

Наведение определенного порядка в языке науки, как оказалось, зависит не только и не столько от употребления строгих и однозначных понятий, логически непротиворечивых определенных терминов. Такой порядок привел бы к «остановке природы» (Аристотель). Порядок языка науки зависит также от таких структур языка, которые возникают «например, благодаря ассоциации между определенными промежуточными значениями слов. Тот факт, что любое слово может вызвать в нашем мышлении многие, только наполовину осознаваемые движения, может быть использован для того, чтобы выразить с помощью языка определенные стороны действительности более отчетливо, чем это было бы возможно с помощью логической схемы»⁶¹. И тогда опыт трансдисциплинарности, перенимая особенности языковой деятельности, чтобы остаться строгим, должен непременно стать неточным, чтобы согласовать строгость грамматических правил с возможностью их использовать в реальной практической деятельности.

5. «Разрешение» предельного опыта как парадокса

Как известно, классические наука и философия исходят из онтологического предположения об изначальной упорядоченности бытия, следования принципам сохранения (как в научном знании, так и вытекающим из здравого смысла), которые находят свое воплощение в систематическом изложении, отвечающим

⁶⁰ См.: *Киященко Л.П.* В поиске исчезающей предметности (очерки о синергетике языка). М., 2000.

⁶¹ *Гейзенберг В.* Физика и философия. Часть и целое. М., 1989. С. 106.

принятым нормативным (дисциплинарным) критериям. Анализ кризиса основ научной рациональности, потрясший новоевропейскую философию и науку, сопровождается тем, что Гуссерль назвал «логическим переживанием» недостаточности учета тождественности и дискретности при описании жизненного мира. Именно оно, по нашему мнению, вводит в рассмотрение идею становления основоположений, критико-рефлексивную проработку их возникновения. Философия и научное знание как образцы систематики в этой ситуации получают дополнительные размерности процессуальности, что сближает эти виды знания, обуславливает их нужду друг в друге в поиске выхода из тупиковых ситуаций. Последние, как правило, возникают как результат исчерпанности предложенных ранее решений имманентной парадоксальности рефлексивных способов теоретического мышления. Парадоксальность рефлексивного теоретического мышления особенно заметна в момент его трансформации, когда ставится вопрос относительно очевидности и правомерности ранее принятых основоположений. Возникает ситуация зарождения понимания необходимости одновременного удержания (порой по косвенным, непрямым свидетельствам) парадоксальных составляющих процесса философствования. К примеру, скажем, себя – размышляющего, философствующего и того, на что может быть обращена философствующая мысль – на само мышление. Осмысление способов и форм философствования вновь и явным образом напоминает нам об его особенностях вне зависимости от выбранного предмета осмысления – его предельность и всеобщность. Но в нашем случае, в случае предельного опыта, философствование, если его рассматривать как самопорождающий и самоорганизующийся процесс, процесс перехода через предел, разрешение парадоксальности в нем дается не вообще, а в этом случае, конкретно. Другими словами, разрешение парадокса здесь понимается не в смысле окончательного раз и навсегда, единого для всех случаев универсального решения, а наоборот, как направленность видеть смысл в его конкретных случаях проявления, поиска особой формы выражения, языка способного в той или иной форме учитывать когерентный, неустойчивый и взаимозависимый характер взаимодействия, образующего парадокс. Поиски разрешения последнего размещает философское

рассуждение, оперирующего формами универсального, предельного содержания, в среду челночного аппроксимирующего движения между научным познанием (уровнем общего) и рассуждением из практики жизненного мира (уровнем особенного).

В связи со сказанным отметим следующее знаковое обстоятельство: пытаюсь отследить проведение предельного опыта, мы сами попадаем в описываемую ситуацию. Мы вынуждены констатировать двойственность такого опыта, которая проявляется в том, что, с одной стороны, нами движет стремление максимально понятно и тем самым определенно представить предмет нашего исследования – опыт предельного, как если бы он уже был. С другой стороны, прописывание каждой конкретной ситуации с точки зрения проведения предельного опыта в момент, когда его предмет еще только становится, делает средства нашего исследования не строгими, соответственно уточняющимися по ходу изменения самого становящегося предмета. В ситуации предельного опыта явным образом проступает неоднозначность и его «проводника» – он себя помечает одновременно и как «наблюдателя», и как «свидетеля», его участника, невольно переживающего превращение известного в становящееся иное и во вне, и в себе самом.

Кроме того, высказывается мнение, что и «в логике оптимальные стратегические правила, даже если пытаться формулировать их шаг за шагом, не могут быть рекурсивными. В области стратегии крупнейшие успехи, как правило, причинно связаны с нарушением (выходом за пределы общепринятых) принципов»⁶². Во многом подобные нарушения связаны с осознанием такого немаловажного обстоятельства, как неучет *мыслительных переживаний*, которые не замечаемы в момент, когда мы мыслим. Речь идет, по выражению Гуссерля, «о повороте интуиции к логическим переживаниям», которые можно ухватить с помощью последующей рефлексии, позволяющей фиксировать «эту скрыто протекающую мыслительную жизнь»⁶³.

⁶² Хинтиikka Я. Действительно ли логика – ключ ко всякому хорошему рассуждению? // *Вопр. философии*. 2000. № 11. С. 108.

⁶³ Husserl E. *Husserliana*. Bd. IX. Den Haag, 1968. Цит. по: *Мотрошилова Н.В.* Эдмунд Гуссерль: на пути к концепции «жизненного мира» (20-е годы XX века). С. 82–83.

Иначе говоря, опыт предельного характеризуется в динамике пограничного режима соотношенности противоречивых утверждений, культивирует способ представления в его языке «невозможной возможности» (М. Мамардашвили), условно выделенный воображением «момент» в становлении нового знания.

Именно воображение, как эмпирическое (эмоционально-чувствующее), так и умозрительное воображение, обеспечивающее целостность предлагаемого объяснения и его понимание используется в данном случае как *продуктивная* способность познания. Во-первых, для восполнения и заживления «разрывов», которые оставляют между собой обосновывающие процедуры чистого умозрения и логика априорных рассуждений. Во-вторых, продуктивное воображение производит обновление существующих объяснений, инновационные подвижки объяснений, существующих на *репродуктивной* способности воображения, воспроизводящей объяснение, на общепринятых основаниях. И еще: как продуктивное, так и репродуктивное воображение «основывается не на понятиях, а на изображении, способность же изображения и есть воображение»⁶⁴. С той лишь разницей, что репродуктивное воображение, по мысли И. Канта, подчиняющееся законам ассоциации, свойственно эмпирическому применению этой способности. А продуктивное и самодетальное воображение (как создатель произвольных форм возможных созерцаний) очень сильно в созидании как бы другой природы из материала, который ему дает действительная природа.

Продуктивное воображение вновь напоминает о присутствии в опыте предельного зоны пограничного режима (или его самого в ней), пространства высказанного–невывысказанного. В пространстве, где нужна способность схватывать мимолетную игру воображения и объединять ее в понятие. В понятии оригинальном и вместе с тем открывающем новое правило, какого нельзя вывести ни из одного предшествующего принципа или примера. Понятие, в котором схватывается движение к новым «граничным условиям», преобразуется в концепт (об этом речь пойдет во 2-й главе III раздела).

Кант указывает на продуктивное воображение, чье представление выражает неизреченное, способное присутствовать и сообщаться без принудительности правил. Способ указанного

⁶⁴ Кант И. Соч.: В 6 т. Т. 5. С. 236.

представления – символический (вид интуитивного) – содержит косвенные изображения по аналогии, подчиняющиеся субъективным законам ассоциации. «Таковы или слова, или видимые (алгебраические, даже мимические) знаки только как выражения для понятий»⁶⁵.

Всеобщая сообщаемость указанного представления – «это согласие, – как предупреждает Кант, – должно быть очень случайным и не имеет определенного принципа для способности суждения»⁶⁶. Оно основывается не на дискурсивном способе познания – от аналитически общего к особенному, от синтетически общего (созерцания целого как такового) к особенному. Речь идет о восприятии целого в соответствии с интуитивным (прообразным) рассудком, который схватывает общее в единстве с особенным.

Такого вида познание применимо там, где мы имеем дело с активным целеполаганием, что, собственно, и лежит в проведении опыта трансдисциплинарности. Там, где представление о целом рассматривается как причина его возможности, как «преднамеренное порождение» рефлектирующей способности суждения, Кант не отрицает возможность одновременного присутствия в способах познания необходимого (определенного) и случайного (телеономического). «Соединение обоих принципов может покоиться не на основании объяснения (Explication) возможности продуктов по данным законам для определяющей способности суждения, а только на основании изложения (Exposition) ее для рефлектирующей способности суждения»⁶⁷. Рефлектирующая способность суждения прибегает к изложению там, где недостаточно представлений, выраженных понятийно. Она «позволяет мысленно прибавить к этому понятию много неизреченного, ощущение чего оживляет познавательные способности и связывает дух с языком как одной лишь буквой»⁶⁸.

Рефлексирующая способность суждения в этих случаях подходит к своим пределам, указывает на границу с нерелексифицируемым. В пространстве этой границы складывается особый вид деятельности, осваивающий опыт преодоления пределов.

⁶⁵ Кант И. Соч.: В 6 т. Т. 5. С. 374.

⁶⁶ Там же. С. 436.

⁶⁷ Там же. С. 442.

⁶⁸ Там же С. 333.

Характерной чертой последнего является испытание рефлексивной деятельности тем, что самой рефлексивной деятельностью не схватывается. Тем самым оспаривается традиционное представление о саморефлексивности научного знания, его способности не просто отображать и воспроизводить в знании реальность, но по возможности сознательно контролировать формы, условия и основания процесса познания.

Разворачивающаяся в «пределах пограничного режима» опыта предельной деятельности, занятая рационализацией нерелективного опыта, осваивает по сути то, что происходит в коммуникативной практике.

Подчеркнем еще раз важное для дальнейшего разворачивания опыта трансдисциплинарности то обстоятельство, что как само объяснение, так и его выделенные компоненты, понимание и общение, имеют поведенческо-деятельностный, целенаправленный характер и тем самым меру человеческого присутствия. Можно сказать поэтому, что объяснение состоялось в той степени и мере, насколько оно понято и служит основой для возникновения и проведения общения. Состоявшееся объяснение (система высказываний и суждений, сформированная в результате общения и достигнутого понимания), по известным причинам, представляет собой лишь некоторый промежуточный результат, дискретную единицу. В простейшем, идеализированном случае можно сказать, что объяснение полностью состоялось, получило поддержку, и общение этим как бы в основном исчерпано. Динамика объяснения локализовалась, может быть краткосрочно, в эффекте устойчивости объясненного. Последний в известной мере, как бы временно, «разламывает» имманентно длящийся процесс объяснения, присутствующий в человеческой деятельности и лежащий в основе познавательного отношения в любой его форме к миру в целом.

Тем не менее возникшее объяснение, как правило, одновременно сосуществует, борясь за выживание, за признание научным сообществом, соседствует в «пучке» альтернативных и расходящихся иных объяснений. Состоявшееся объяснение содержит в себе «здоровый» элемент – координацию неустойчивости. Возникшее объяснение стремится поддерживать свою устойчивость через адаптацию к иному, через попытку его присвоения или фальсификации. Этот феномен объяснения Л.Флек называл «физиологией позна-

ния». Физиология познания, по его мнению, аналогична физиологии движения. «Каждое движение складывается из двух активных процессов: возбуждения и торможения. В физиологии познания этому соответствует целенаправленная детерминация (предложенным объяснением. – Л.К., В.М.) и противоположно направленная абстракция (торможение, сопротивление всего того, что не поддается его освоению. – Л.К., В.М.), дополняющие друг друга»⁶⁹. Возникшее объяснение поддерживает свое существование по мере того, как ей удастся ассимилировать новые сигналы сопротивления, подаваемые событиями, не охватываемые предложенной схемой объяснения. И наступает момент, когда она теряет динамику реагирования и освоения нового, ставя ограничения на дальнейшее свое развитие, исчерпав свой объяснительный потенциал⁷⁰.

Обеспечение сосуществования в неустойчивой, гетерогенной среде предельного опыта одновременного присутствия схематизма воображения, допонятийных предпочтений и понятийного схватывания дает возможность его интерпретировать как «языковую игру» (Л.Витгенштейн), практику ведения диалога. «Как диалектическое единство языкового употребления, жизненной практики и миропонимания, т. е. как то, что не исключает противоречия между ее конститутивными моментами»⁷¹, запределивая указанную диалектику до «диалогии» (В.С.Библер) равновозможных альтернативных миров, представленных в общении.

Научный дискурс в том его расширенном понимании и значении, которое позволяет учитывать то, что традиционно выводилось за его рамки – проблему говорящего субъекта и акт производства высказывания, можно рассматривать как порождающую модель. В таком толковании языка можно услышать одно из общепринятых представлений о самом языке. О языке как идеальном, так и материальном, умопостигаемом и чувствующем, как выра-

---

⁶⁹ Флек Л. Возникновение и развитие научного факта. Введение в теорию стиля мышления и мыслительного коллектива. М., 1999. С. 57.

⁷⁰ «Следует к тому же отметить, что чем более разработана какая-то область знания, чем более она развита, тем меньше в ней наблюдается различий во мнениях». Она напоминает флуктуирующую сеть, «здесь как бы увеличивается число узловых точек и уменьшается пустое пространство, т. е. свободное течение мысли встречает больше сопротивления и ограничивается» (Флек Л. Возникновение и развитие научного факта. С. 106).

⁷¹ Апел К.-О. Трансформации философии. М., 2001. С. 169. (Курсив К.-О.Апеля.)

жающем, так и выражаемым и тому подобные дихотомии. Они будут вторичными образованиями, возникшими из их первичной нерасчлененности в языке. В языке, способном к представлению живой полноты мира, не исчерпываемом никакой мыслью. Научный язык, например, как некоторое языковое объяснительное средство, способ, только в момент своего возникновения (оформления) приобретает относительную автономию и дает одновременно «жизнь» соответствующей ему реальности, предмета специализированного знания. Возникшие феномены являются результатом саморазделения, выявления между ними системы отношений, их определяющих, которые потенциально содержались в «нераздельном тождестве» порождающей модели языка. Порождающая стихия становления языка лишь только по «видимости» возникающих определений (предмета и метода) стихает, сворачивается до поры, до времени. Возникшая в языке система отношений между методом науки и предметом его изучения ушла лишь с авансцены нашего внимания на задний план, став незамечаемым фоном.

Или, другими словами, опыт трансдисциплинарности в его расширенном понимании представляется как сложное коммуникативное явление. В широком смысле этого слова к нему применимо то, что он «является сложным единством языковой формы, значения и действия, которое могло бы быть наилучшим образом охарактеризовано с помощью коммуникативного события или коммуникативного акта. Преимущество такого понимания состоит в том, что научный дискурс, разворачивающийся в опыте трансдисциплинарности, нарушая интуитивные или лингвистические подходы к его определению, не ограничивается рамками конкретного языкового высказывания, т. е. рамками текста или самого диалога. Анализ разговора с особой очевидностью подтверждает это: говорящий и слушающий, их личностные и социальные характеристики, другие аспекты социальной ситуации, несомненно, относятся к данному событию⁷². При таком подходе опыт трансдисциплинарности предстает как комплексное, сложно организующееся явление, которое возникает и формируется как целостная, но гетерогенная структура деятельности, в разной степени поддающаяся теоретической обработке. Его представление требует учета как общей его организации, так и специфических свойств, возникающих по случаю его применения. В этом случае о единстве коммуни-

---

⁷² Ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989. С. 121–122.

кативного действия можно говорить лишь как о функциональном единстве. Важно здесь не разнообразие средств, а их уместность, соответствие цели – решению возникшей проблемы.

Засекание в опыте предельного перманентно разрешаемого в ассоциативном напряжении между языками противоречивых суждений подсказывает «механику» партнерского, притягивающего друг друга сосуществования, рождает понимание. Оно формируется в нелинейной среде несиловых, резонансных взаимодействий, устанавливающих, т. е. фиксирующих, структурный изоморфизм различных языков при неполноте перевода, которое сохраняет и развивает их вместе и каждый из них в отдельности. Н.Автономова, разбирая перевод как рефлексивный ресурс понимания, а именно перевод как практику и перевод как рефлексию, отмечает, что «парадоксальным образом перевод, предполагающий выход за пределы как иностранного, так и родного языка... дает нам новые шансы приближения к универсальному – только не заранее заданному, но искомому и отчасти достигаемому в процессе постоянного расширения интеллигибельного пространства»⁷³.

Границы предельных допущений совместным образом организуют (переводимость) пространство между общим и особенным, научным и ненаучным, когнитивным и прагматическим, рефлексивным и нерефлексивным, наблюдаемым и ненаблюдаемым, истиной и контингентностью, продуктивным и репродуктивным воображением, текстом и контекстом, высказанным и невысказанным причинностью и целеполаганием и т. п. Общим же для них является, как некий инвариант, то, что они находятся в обратимой зависимости от существования медиативной среды между ними, снимающей их противопоставленность. Пространство, в котором только и может случиться опыт трансдисциплинарности, в котором находит свое выражение практика коммуникативного общения.

Внимание к среде языкового общения, к поиску «эсперанто» трансдисциплинарного общения, освоение практики взаимного перевода ведет к тому, что язык науки вынужден осваивать в ряду других языков культуры принцип «обратного перевода», перехода через границу⁷⁴.

⁷³ Автономова Н. Познание и перевод. Опыты философии языка. М., 2008. С. 488.

⁷⁴ См. блестящий анализ творчества о. Павла Флоренского, проведенный А.В.Михайловым в его работе «О. Павел Флоренский как философ границы» в его книге «Обратный перевод» (М., 2000. С. 444–484).

Обратный перевод представляет собой процесс соизмерения, соположения своего и иного. Он оформляет пограничную зону пропускного режима, организацию «перевода» навстречу друг другу. Результатом последнего может быть возникновение общего языка, кода общения, уже со своими нормами и правилами, не совпадающими с правилами языков участников встречи, но и не отменяющими их. Язык перевода – это язык возникающего мифа, вторичный, символический язык – организует канал перехода через границу в этом месте и в это время. Он формулирует вопросы, задаваемые реальности, и эти вопросы в определенной смысле определяют ответы, даваемые этой реальностью⁷⁵. Сам он возникает из языков обыденного общения и его рефлексивного обсуждения. Языки повседневности, как правило, сосуществуют в научном опыте, чье теоретическое оформление еще впереди.

Ведь, по сути, язык науки, ориентированный на теоретическое, систематическое изложение объяснительных процедур, не отделим от возможности обосновывающей интерпретации, понимания в каждом отдельном случае его применения. Обосновывающих интерпретаций и понимания всегда «больше», чем одна, как и случаев применения схем объяснения. Проблема «наладки» научного дискурса, которая включает упорядочивание предлагаемых процедур, схем объяснения и соответствующих им интерпретаций, является актуальным моментом перманентной самоорганизации, самонастройки научного знания, не может обойтись без обращения к языку.

Далее можно сделать следующий шаг в этом направлении и за опытом сохранить традиционно закрепленную за ним способность обосновывать знание, но подчеркнуть его значение как предельного опыта. Другими словами, акцент поставить на преодолении ограничений и пределов установленного через взаимодействие между ними, учитывая сказанное Хайдеггером, что «последнее и предельное есть самое опасное и необеспеченное». При таком подходе происходит известное сближение с трактовкой опыта

---

⁷⁵ «Таким образом, постигаемая некоторой наукой действительность не есть действительность сама по себе, она всегда является определенным образом истолкованной. Но то, что она дает на наши вопросы эти, а не другие ответы, что она является так, а не иначе, это и в самом деле есть чисто эмпирический, ни от какой теории не зависящий факт» (Хьюбнер К. Истина мифа. М., 1996. С. 232).

Дж. Дьюи. В книге «Опыт и природа»⁷⁶ он дистанцируется от всех концепций, противопоставлявших опыт и природу и порождавших дуализм духовного и телесного, субъекта и объекта – как от гегелевского трансцендентализма, так и всех вариантов эмпиризма. Опыт, по мнению автора, – это весь жизненный мир человека в его органической целостности, многочисленных связях и взаимодействиях, в которые вовлечен человек. Опыт в такой трактовке охватывает и созданное эволюцией природы, задающее диспозиции поведения на бессознательном уровне, и наследие истории и культуры, и индивидуальный вклад человека. Между природными, ментальными и социокультурными аспектами опыта имеют место непрерывность, взаимопереход, длительность и становление. Опыт творится в «поле взаимодействующих событий», выступая одновременно материалом для рефлексии, методом исследования и рефлексии как таковой⁷⁷. Так понятый опыт предельного ближайшим образом соотносится с особенностями проведения трансдисциплинарного исследования – сложным и трудоемким процессом. Он восстанавливает пропущенные звенья взаимодействия между очевидностями жизненного мира и теоретическими допущениями, методологией научного познания, проясняет соотношение между историко-генетическим и теоретико-логическим различиями, лежащими в основе всякого опыта, ориентированного по большому счету на «живое знание» (С.Л. Франк)⁷⁸.

Засечь движение мысли в интервальном режиме традиционными методами философской рефлексии чрезвычайно сложно. Поэтому в философии трансдисциплинарного опыта формируется новый исследовательский инструментарий. И в связи с этим мы остановимся на эвристически полезной для проведения опыта трансдисциплинарности методологии интервального подхода.

---

⁷⁶ Dewey J. Experience and Nature. Chicago, 1925. Джон Дьюи (J. Dewey; 1859–1952) – амер. философ, основоположник инструменталистской версии прагматизма.

⁷⁷ <http://ariom.ru/wiki/DzhonD%27jui/print>

⁷⁸ Философия всеединства Франка, называемая им «антиномическим монодуализмом», а также онтология коинциденции Н. Кузанского имеют очевидные резонирующие переключки с развиваемыми в данном тексте представлениями о философии трансдисциплинарности и лежащим в ее основе опыте трансдисциплинарности. См. в частности: Франк С.Л. Живое знание. Берлин, 1923.

Глава 2. Интервальный подход (онто-гносеологический аспект)

С нашей точки зрения, в философии трансдисциплинарности важную роль играет так называемый «интервальный подход». Ниже мы предлагаем краткий обзор идей этого направления в его классическом варианте и новую интерпретацию в свете трансдисциплинарной методологии.

Интервальный подход – оригинальное направление отечественной философии, основателями которого являются два философа, Феликс Васильевич Лазарев и Михаил Михайлович Новосёлов. Их первая совместная статья была написана в 1960 г. специально для журнала «Вопросы философии», которая в то время, к сожалению, не была опубликована. Оба они начинали с логико-методологического представления интервального подхода, но позднее Ф.В.Лазарев эволюционировал в сторону онтологического⁷⁹ и антропологического⁸⁰ представления идей интервального подхода, в то время как М.М.Новосёлов на протяжении своей творческой эволюции остался приверженцем более логического представления и развития идей интервальности⁸¹.

1. Интервальный подход Ф.В.Лазарева и М.М.Новосёлова

Основные онтологические формулировки интервального подхода, как нам представляется, можно было бы выразить следующим образом:

- всякое начало X многомерно, включает в себя множество своих «измерений-аспектов» X_i ,
- у каждого измерения X_i есть свой «интервал» I_i – система условий, только в рамках которых начало X выражает себя этим измерением-аспектом X_i ,

⁷⁹ Кураев В.И., Лазарев Ф.В. Точность, истина и рост знания. М., 1988.

⁸⁰ Лазарев Ф.В., Литтл Брюс А. Многомерный человек. Введение в интервальную антропологию. Симферополь, 2001.

⁸¹ Новосёлов М.М. Абстракция в лабиринтах познания. Логический анализ. М., 2005.

- задача интервального подхода состоит в выделении измерений X_i и их интервалов I_i с последующей координацией между собой.

Аналогично могут быть сформулированы основные гносеологические положения интервального подхода:

- всякая истина относительна,
- у каждой истины есть свой «интервал» (область истинности) – система условий, только в рамках которых существует данная истина,
- задача интервального подхода состоит в выяснении интервалов истинности и их координации.

Если сравнивать позиции основателей интервального подхода, то здесь, как нам представляется, возможно принятие следующих формулировок.

- Лазарев в большей мере тяготеет к онтологическому плюрализму, ослаблению единого, стоящего за множеством интервальных представлений, в то же время склоняясь к онтологизации интервалов истинности (как оснований плюрализации).

- Новосёлов, как нам представляется, занимает более монистическую позицию в онтологии с гносеологизацией интервалов истинности.

Чтобы сделать идеи интервального подхода в представлении его основателей, Ф.В.Лазарева и М.М.Новосёлова, более понятными, приведем некоторые примеры интервалов.

Допустим, интервалом классической механики для специальной теории относительности являются малые скорости движения, много меньшие скорости света ($v \ll c$), так что последнюю практически можно принять бесконечной ($c = \infty$). Интервал классической механики относительно квантовой механики выражается в макроуровне организации процессов, на котором господствуют макромасштабы, когда можно положить постоянную Планка практически равной нулю ($\hbar = 0$).

М.М.Новосёлов активно развивает идеи так называемого «интервала абстракции» – такой системой условий, в рамках которых та или иная абстракция имеет смысл (например, тело может быть представлено через абстракцию материальной точки, если размерами тела (r) можно пренебречь сравнительно с рассматриваемыми расстояниями R ($r \ll R$)).

Или, например, интервалом абстракции постоянства является то изменение времени (Δt) и величина изменения (ϵ), при которых изменение процесса $p(t)$ меньше ϵ :

$$|p(t+\Delta t)-p(t)| < \epsilon.$$

Такую величину изменения времени Δt можно рассматривать как своего рода квант времени («хронон», если следовать терминологии Дж. Уилера) процесса. Для процессов разных пространственных масштабов будут характерны и разные темпоральные масштабы. Например, для человека хронон мог бы иметь порядок секунды, для истории – порядок года и т. д.

Аналогично можно говорить об интервалах тех или иных теорий. Например, в качестве интервала марксизма выступают условия, при которых преобладает детерминация социума экономикой, на первый план выходит социально-экономическая природа человека и т. д. Наоборот, в качестве интервала, допустим, экзистенциализма выступают такие условия, когда на первый план выходит свобода человека от всех внешних определений, происходит онтологизация внутреннего мира человека и т. д. Интервал цивилизационного подхода в истории выражается в абсолютизации малых историй, отрицании универсальной истории и т. д.

В общем случае интервал теории T – это такая система условий, когда в реальности начинают преобладать определения теории T и реальность можно с высокой точностью приблизить теорией T .

По-видимому, любая теория имеет свой интервал, и любой интервал теории ограничен, так что за его пределами теория перестает быть адекватной картиной реальности.

Задача интервального подхода состоит не только в определении интервалов для тех или иных определенностей (знаний или видов реальности), но и в своего рода координации интервалов в рамках некоторой объемлющей структуры. Такая координация может быть названа *интервальной координацией*. Кроме того, в разного рода интервалах может проявлять себя некоторое единство (например, теория относительности в интервале ($v \ll c$) проявляет себя как классическая механика, в интервале сравнимости v и c – как неклассическая механика СТО), и восстановление над-интервального единого, которое в разных интервалах дает разные

свои интервальные проявления, можно было бы обозначить как случай *метаинтервальной координации*. Примеры этих видов координации будут приведены ниже.

В общем случае многообразие интервалов может обнаруживать самые разные отношения, например, выступая в качестве оснований вертикальных уровней (вертикальные интервалы) или более одноуровневых горизонтальных делений (горизонтальные интервалы⁸²). Интервальная дифференциация той или иной определенности (научного знания, природы человека, структуры социума и т. д.) оказывается одновременно структуризацией данной области, так что интервальный и структурный подходы оказываются достаточно тесно связанными между собой.

С нашей точки зрения, интервальный подход можно было бы оценивать как одну из версий интегрального подхода (см. ниже), в которой усилено внимание к аналитико-плюралистической части и особый акцент делается на интервалах. Так мог бы быть сформулирован *интервал самого интервального подхода* – как одной из разновидностей интегрального подхода.

2. Гносеологический тип интервального подхода

Остановимся более подробно на варианте истолкования интервального подхода, связанного с гносеологической точностью⁸³. Гносеологическая точность, приближение к истине – фундаментальное качество знания и познания – ставится авторами в зависимость от выбранного интервала неразличимости, более мягкого варианта абстракции отождествления. Факторы, влияющие на условия выбора интервала неразличимости, действуют, как полагают авторы, обычно системно и упорядоченно (научной проблемой, группой лиц, социальной структурой) и необходимо зависят от пороговых характеристик следящей системы, от её разрешающей способности⁸⁴. Как нам представляется, *интервал неразличимости*, ве-

⁸² О горизонтальных и вертикальных интервалах см. параграф «Логика интегрального подхода».

⁸³ Кураев В.И., Лазарев Ф.В. Точность, истина и рост знания. М., 1988.

⁸⁴ Каменобродский А.Г., Новосёлов М.М. О гносеологической точности и формировании интервалов неразличимости // Вопр. философии. 2007. № 11. С. 112.

душий к гносеологической точности, включает зависимость от вышперечисленных обстоятельств – научной проблемы, группы лиц, социальной структуры, – которые подробно описывают ситуацию приложения или проявления искомой точности через переходы различности по шкале «более или менее». «Интервал приближения (интервал неопределенности) образно называется “вилкой”, с помощью которой последовательно “ловят истину”, или, лучше сказать, надеются ее поймать. У названной вилки, вообще говоря, переменные границы (концы) и ширина его зависит от того, сколько информации об истинном значении хотят получить»⁸⁵. «Оптимальный же выбор интервала *неразличимости* связан с удовлетворением двух взаимно дополнительных условий: детализации объекта анализа и возможности его освоения»⁸⁶. Нельзя не заметить, что *интервал неразличимости* у авторов «работает» в паре с *интервалом различимости, образуя новую «вилку»*, детализации и освоения.

Примечательно, что авторы статьи предпосылают ей два эпиграфа, которые и для наших целей, прояснения особенностей опыта трансдисциплинарности, являются основополагающими. Они как бы указывают на ту самую «вилку», *между концами* которой разворачивается познавательная деятельность постнеклассического типа. Первый эпиграф – утверждение Дж.Дьюи: «Универсальность и определенность встречаются только в области, лежащей за пределами опыта, в области рационального и концептуального». Второй – Анри Пуанкаре: «Однако разум пользуется своей силой исключительно в том случае, когда опыт доставляет ему для этого основания». По сути дела речь в обоих высказываниях идет об интервале между гносеологической точностью фундаментальных положений и основанием, которое предоставляет им опыт. Многообразие форм проведения опыта способствует, так или иначе, установлению взаимосвязи между выделенными границами указанной «вилки». Уместно вспомнить мысль Гейзенберга, что «существование такой связи – неперемное условие, при котором абстракция вообще только и даёт что-то для понимания мира»⁸⁷. Связь – это форма отношения. Определенность отноше-

⁸⁵ Каменобродский А.Г., Новосёлов М.М. О гносеологической точности и формировании интервалов неразличимости. С. 110.

⁸⁶ Там же. С. 111.

⁸⁷ Гейзенберг В. Шаги за горизонт. М., 1987. С. 255.

ния, как очевидно, связана с конкретной задачей, которая устанавливает соответствия (мерность) общих утверждений и налаживает взаимоотношения (пропорциональность) между существующими познавательными практиками (гносеологическими, социальными, культурными, духовными, производственными и проч.). Тем самым конкретизируется концептуальность, делая рациональность (разумность) открытой для осознания возможной неоднозначности, амбивалентности.

М.М.Новосёлов подчеркивает, что существуют трудности в определении понятия интервала абстракции. Они относятся к тому случаю употребления понятий, когда возможно оставаться «контролируемо неточным» (Ст. Бар). А это случается даже в точных науках, таких, скажем, как математика. И хотя, как отметил Кант, «и в метафизике, и в других науках можно многое с достоверностью сказать о предмете, не давая его дефиниции»⁸⁸, тем не менее любая, в том числе и контролируемая неточность или неопределенность понятия должна быть как-то восполнена контекстом изложения.

В частности, для нас важно замечание М.М.Новосёлова о том, что, ограничивая абстрактное чистым отвлечением, мы вряд ли можем рассчитывать на какое-нибудь положительное приращение в научном познании. Чистый процесс отвлечения, как традиционно понимается абстрагирование, только предваряет мысленный анализ возможных отношений между абстрактным образом (абстрактным объектом) и его (возможно наглядным) источником, а не завершает его. Упрощенный образ, лишенный «побочных черт» и «массы подробностей», соответствует научным задачам лишь до известного момента, пока обеспечивается возможность *видеть все*, от чего абстрагируют⁸⁹. Можно предположить, что М.М.Новосёлов расширяет понимание интервала абстракции до интервальной ситуации, чтобы восполнить ее тем, от чего абстрагировались.

«...В интервальной концепции *фокусировка* выступает как процедура согласования объективного и субъективного в рамках определенной интервальной ситуации. В свою очередь, интервальная ситуация, даже будучи чисто эмпирической, играет роль объективной основы для абстрагирования, являясь по существу ситуаци-

⁸⁸ Кант И. Соч. Т. 2. М., 1964. С. 261.

⁸⁹ Новосёлов М.М. Абстракция в лабиринтах познания. Логический анализ. М., 2005. С. 40.

ей гносеологической, согласованной с познавательными возможностями субъекта. И это не зависит от того, будет ли интервальная ситуация данной а priori, как, например, данная нам Вселенная, или это будет интервальная ситуация, подбираемая исследователем сознательно с целью идентификации определенного рода явлений, то есть с таким расчетом, чтобы она могла стать источником неискаженной помехами информации. При этом интервальная ситуация может быть даже воображаемой...»⁹⁰. Возможные способы конкретизации представлений об интервальной ситуации дают право сказать М.М.Новосёлову, что «идея интервала абстракции – это идея философского осмысления онтологических и гносеологических предпосылок неуниверсальности (но не познавательной значимости) абстрактных моделей»⁹¹.

3. Антропологический тип интервального подхода

Прямым продолжением взаимодействия гносеологической и онтологической версий интервального подхода является антропологическая, предложенная Ф.В.Лазаревым и Б.А.Литтл. Она в известной мере, можно сказать, и предшествует, и включена в то напрашивающееся расширение толкования интервального подхода в его трансдисциплинарном измерении. В своей работе «Многомерный человек. Введение в интервальную антропологию» Ф.В.Лазарев и Б.А.Литтл отмечают: «В рамках интервального учения человек рассматривается как многомерный и многоуровневый феномен. При этом все отдельные картины отнюдь не сливаются в каком-то одном обобщенном полотне, а образуют сложно иерархизированную “голографическую” модель, в которой каждый *интервал рассмотрения* претендует на свою, хотя и ограниченную, но “законченную в себе” истину о человеке. Отдельные “образы человека” не исключают, а дополняют друг друга, если мы научились фиксировать границы их адекватной применимости, а также концептуальные способы перехода от одного образа к другому. В результате любая частная перспектива видения человека в такой же степени

⁹⁰ Новосёлов М.М. Абстракция в лабиринтах познания. Логический анализ. С. 89.

⁹¹ Там же. С. 73.

оправдывается, в какой и отвергается в силу неизбежной абсолютизации своего ракурса рассмотрения»⁹². Обойти абсолютизацию, сделать ее соотносительной с тем, что она отвергает, и предлагает трансдисциплинарное измерение интервального подхода.

4. Интервальный подход в трансдисциплинарном измерении

В рамках нашего исследования мы предлагаем развивать идеи интервального подхода и использовать понятие «интервала» в более расширительном смысле. Используя для его обозначения выражение «2-интервальный подход» при рассмотрении *становления порядка*. Причем введению такого понятия, способствовало следующее высказывание М.М.Новосёлова: «Если интервальная концепция познания верна, то в общей картине мира придется отказаться от привычного “идеала порядка”. В общем случае мы не можем говорить об “интервальной реальности” как упорядоченной структуре в математическом смысле термина “порядок”. Если же мы хотим сохранить термин “структура”, то с большой вероятностью следует ожидать структуру с “испорченным порядком”. Пользоваться для ее характеристики такими понятиями, как “иерархичность”, “симметрия” и пр. следует с большой осторожностью. Интервальная структура, вообще говоря, не моделируется кристаллической решеткой, хотя в локальной области порядок, конечно, возможен. Таким образом, отправляясь от чисто логической (а не физической) точки зрения, интервальный подход *tutatis mutandis* оказывается в общем круге идей, провозглашенных синергетикой»⁹³.

Итак, 2-интервальный подход можно рассматривать как оперативное понятие, действующее по принципу своеобразной «линейки», шкалы измерения события *становления порядка*. Оно действует по типу устанавливающе-фиксирующей процедуры, которая, по мнению Хайдеггера, является исчислением для вся-

⁹² Лазарев Ф.В., Литтл Б.А. Многомерный человек. Введение в интервальную антропологию. Симферополь, 2001. С. 35–36.

⁹³ Новосёлов М.М. Абстракция в лабиринтах познания. Логический анализ. С. 15.

кой теории действительного. «Конечно, – замечает он, – не надо понимать такое “исчисление” в узком смысле цифровых операций. Исчислять – в широком сущностном смысле – значит брать что-либо в расчет, принимать в рассмотрение, рассчитывать на что-либо, т. е. ожидать от него определенного результата. В этом плане всякое опредмечивание действительного есть исчисление, все равно, прослеживается ли тут путем каузальных объяснений вытекание результата из причин, составляется ли картина рассматриваемых предметов посредством их морфологического описания или фиксируется в своих основаниях та или иная системно-серийная взаимосвязь»⁹⁴. 2-интервальный подход, по нашему мнению, выступает как оперативное понятие, которое зачастую используется для рассмотрения или решения той или иной проблемы, но само, как правило, не тематизируется, выступая как самоочевидная процедура. Оперативные понятия «всегда остаются тенью философии»⁹⁵. *И тем не менее попытаемся тематизировать как 2-интервал, так и его соотношение с 1-интервалом* (см. ниже).

Основная формула соотношения двух понятий «интервала» может быть выражена следующим образом. Если, как было описано выше, лазаревско-новоселовский интервал (назовем его, например, «1-интервалом»⁹⁶ или «суб-интервалом») выражает ту или иную *систему ограничивающих условий*, в рамках которых более многомерная сущность X проявляет себя некоторым своим аспектом, то, с нашей точки зрения, «интервал» можно понимать и как то более многомерное «меж-бытие» X, которое проявляет себя разными аспектами в тех или иных ограничивающих условиях (1-интервалах), а само целостно и часто антиномистически объединяет

⁹⁴ Хайдеггер М. Наука и осмысление // Хайдеггер М. Время и бытие: Ст. и выступления. М., 1993. С. 252.

⁹⁵ Молчанов В.И. Различение и опыт: Феноменология неагрессивного сознания. М., 2004. С. 306.

⁹⁶ Подобной нотацией мы выражаем существующую в ряде более аналитических направлений современной философии традицию выделения аспектов понятий их нумерацией, например, выделение четырех видов трансдисциплинарности в работах бельгийского ученого Э.Джаджа (см.: Judge A. (1994) Conference Paper. 1st World Congress of Transdisciplinarity, Union of International Associations. Available: (<http://www.uia.org/uiadocs/aadocnd4.htm>) сопровождается их обозначением вида «k-трансдисциплинарность», где k=1,2,3,4.

в себе разные полярные аспекты. Такое понимание «интервала» мы обозначим термином «2-интервал» (или «эпи-интервал»). Отсюда же видна и основная схема координации двух видов интервалов: *2-интервал представляется множеством своих аспектов в соответствующих 1-интервалах.*

2-интервал можно в простейшем случае иллюстрировать идеей некоего «измерения», распростертого между двумя крайними полюсами – подобно тому, как одно измерение $X_1 \in (-\infty, +\infty)$ многомерного пространства X одномерно распределено между своими крайними полюсами минус- и плюс-бесконечности. Заметим также *схождение и момент относительности двух пониманий интервальности* в этом случае: в отношении к многомерному пространству X одно измерение X_1 выступит 1-интервалом, в то время как в отношении к своим полюсам $\pm\infty$ измерение X_1 будет дано как 2-интервал.

Ниже будет сделана попытка некоторого развития понимания «интервала» как 2-интервала, в том числе, в силу отмеченной относительности, в проявлении соответствующих смысловых оборотов такого понимания интервальности у основоположников «перво-интервальности». Интервальный подход, где будет использоваться понятие i -интервала, $i=1,2$, может называться « i -интервальным подходом», например, подход Лазарева и Новосёлова в его классическом понимании – это «1-интервальный подход», в то время как понимание интервального подхода, основанное на 2-интервале, может быть названо «2-интервальным подходом», к которому ближе подход Лазарева, сформировавшийся у него в последние годы. Следует заметить, что два образа интервальности, присущие 1- и 2-подходам, в свою очередь могут быть рассмотрены как две стороны единого «1,2-интервального подхода» (или в расширительном толковании «интервального подхода»), в котором явным образом координируются понятия 1- и 2-интервалов, что характерно, по нашему мнению, в его трансдисциплинарном измерении. Как 1, так и 2-интервал указывает на конечную перспективу человеческого познания мира. «Однако дело в том, что конечная перспектива мышления имеет свои источником не “узость сознания”, но многообразие перспектив, лучше сказать, иерархию перспектив. Другими словами, не недостаточность человеческого мышления, но его избыточность, избыточность раз-

личений – исток разделения “света и тени”, эксплицитно создаваемой понятийности и понятийного фона, от которого невозможно отстраниться..., актуальностей и потенциальностей сознания»⁹⁷.

Глава 3. Интегральный подход (логико-онтологический аспект)

В этом разделе мы вкратце рассмотрим основные идеи так называемого «интегрального подхода» (integral approach)⁹⁸ американского философа Кеннета Уилбера, в рамках которого выдвигается сегодня, пожалуй, одна из самых полных и объемлющих картин бытия, направленная на синтез философских традиций до-современности, современности («модернизма») и пост-современности. Интегральный подход, с нашей точки зрения, может быть рассмотрен как одна из версий современного трансдисциплинарного движения, в которой формируется многоуровневый и полиаспектный образ транс-единого (см. ниже параграф «Образы транс-единого»). О связях идейной основы трансдисциплинарного и интегрального подходов можно найти интересные размышления в интервью с Яном Митроффом⁹⁹. В резюме этой статьи мы находим, например, следующие строки: «Известный более широко как “отец кризисного управления”, профессор Южного Калифорнийского университета Ян Митрофф присоединился к работе Кена Уилбера и интегральной теории более чем два десятилетия назад. Никто в большей мере не привнес интегральную перспективу в области управления и теории организации, нежели Митрофф. ...Поскольку его причастность Интегральному институту Уилбера не вполне соответствует тому, что он хотел бы, он видит здесь определенный потенциал, чтобы развить организацию, которая обращается к политизации и неудачам наших учреждений высшего образования. Перед лицом

⁹⁷ Молчанов В.И. Различение и опыт: Феноменология неагрессивного сознания. С. 307.

⁹⁸ См., например: Уилбер К. Интегральная психология. М., 2004; Уилбер К. Краткая история всего. М., 2006.

⁹⁹ A Transdisciplinary Mind: An Interview with Ian Mitroff, by Russ Volckmann // Integral Review Journal. 2006. Vol. 2. № 1. P. 25–42.

кризиса в лидерстве интегральный и трансдисциплинарный подходы имеют потенциал, чтобы совершить положительное изменение, поскольку мы сталкиваемся с множеством различий тех оснований, на которых мы создаем значение в мире»¹⁰⁰. Согласно Митроффу, дисциплинарное деление научного знания является не единственным, и, возможно, не самым удачным. Необходима новая – трансдисциплинарная – организация знания, где большую помощь, как полагает Митрофф, может оказать интегральный подход Уилбера.

В статье об Уилбере из сетевой энциклопедии «Википедия» мы находим следующее представление его взглядов на феномен науки и проблему «интегральной науки».

«Уилбер характеризует текущее состояние “твёрдых” наук как “узкие науки” (narrow science). Он утверждает, что естественные науки в текущее время получают данные только из низших уровней сознания – сенсомоторики (пять органов чувств и их расширение). То, что он называет “широкой наукой” (broad science), включало бы данные и из логики, математики, и из символической, герменевтической и других сфер сознания. ...По его мнению, узкая наука выше узкой религии, но широкая наука выше узкой науки. То есть естественные науки представляют более включающее, точное описание реальности, чем какая-либо из внешних религиозных традиций, а интегральный подход, оценивающий и религиозные, и научные утверждения, основанные на интересубъективности, предпочтительнее узкой науки»¹⁰¹.

В связи с обращением к интегральному подходу Кена Уилбера мы дадим ниже его краткую характеристику, а затем попытаемся рассмотреть его применения к анализу и интерпретации нашей темы.

1. Интегральный подход Уилбера

Базовая система представлений интегрального подхода Уилбера достаточно проста. Согласно этой системе, в основе бытия лежит Великая Пустота-Единое, в которой – всё. Внутри Пустоты находится некоторое пространство («морфогенетическое

¹⁰⁰ A Transdisciplinary Mind: An Interview with Ian Mitroff, by Russ Volckmann. P. 25.

¹⁰¹ См.: http://en.wikipedia.org/wiki/Ken_Wilber.

поле возможностей»), которое включает в себя вертикальные уровни организации (так называемое «Великое Гнездо Бытия») и горизонтальные сферы-сектора («Большая Тройка»).

Концепция уровней – это результат обобщений различных религиозно-духовных и научных школ до-современности (период от древности до начала Возрождения) и современности (индустриальная эпоха от Возрождения до примерно первой половины XX в.). Число уровней в разных традициях может быть различным, но в общем случае можно говорить, по крайней мере, об уровнях материально-физическом, чувственно-эмоциональном, ментально-логическом, душевном, духовном и недואльном (единстве всех предшествующих уровней).

В качестве горизонтальных сфер Уилбер выделяет 4 основные сферы (далее мы будем называть их *Великой Четверкой*), образованные делениями «внутреннего (субъективного) – внешнего (объективного)» и «единичного – коллективного» (см. рис. 3).

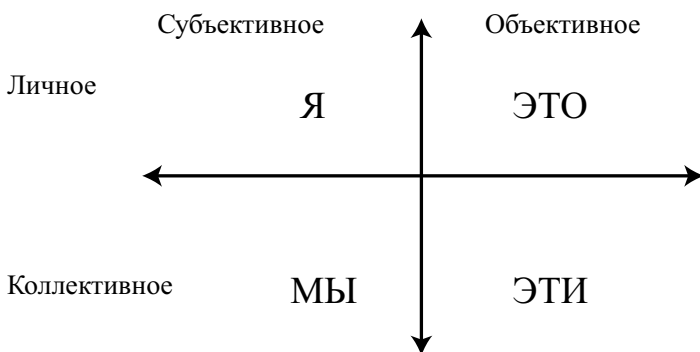

Рис. 3

Их можно символизировать местоимениями разного лица и числа: верхнему левому (ВЛ) сектору соответствует «Я» (единичный внутренний мир), верхнему правому (ВП) – «Он(а)» («это» единственного числа (It), единичный внешний мир, отдельное физическое тело), нижнему левому (НЛ) – «Мы» (коллективный внутренний мир, мир культуры), нижнему правому сектору (НП) – «Они» («это» множественного числа («эти», Its), кол-

лективный внешний мир, мир коллективной материальности и социума)¹⁰². Часто Уилбер объединяет правые сектора под знаком неопределенно-безличного местоимения «Это» или «Оно» (It), и тогда 4 сектора сокращаются до трех («Большая Тройка»).

В этом многомерном пространстве возможностей возникают и эволюционируют разного рода целостности («холоны»¹⁰³). Каждый холон имеет свои определения в каждой из сфер-секторов, образуя единство своих внешних и внутренних, единичных и коллективных аспектов.

Холоны представляют собой целое своих элементов и части более высоких целых¹⁰⁴. Каждый холон – единство целое/часть, и все холоны организованы в иерархию («холархию»). Развитие холона выражается в возникновении более интегрального холона, который включает в себя предыдущий холон и трансцендирует его (выходит за его границы) – так выражается единство включения и выхождения вовне (трансцендирования) в процессе развития.

Подобный механизм развития позволяет проводить подсчет уровней (глубину (depth) холона) – по числу включения в данный холон предыдущих целостностей. Уилбер говорит о своего рода законе обратного соотношения ширины (span) и глубины уровней холархии – чем больше глубина холона, тем меньше число холонов («ширина») этой глубины (молекул меньше, чем атомов; клеток меньше, чем молекул и т. д.).

Каждый холон имеет три типа ценности: основную, внутреннюю и внешнюю. Основная ценность выражает каждый холон как совершенное проявление Пустоты-Абсолюта, и эта ценность одинакова у каждого холона.

¹⁰² Секторы Уилбера коррелируют с известной схемой AGIL Толкотта Парсонса (см. напр. http://en.wikipedia.org/wiki/AGIL_Paradigm), в которой определяются 4 основные функции-сферы социальных систем: функция *адаптации* А (ВП, по Уилберу), *целесолагания* G (ВЛ), *интегративная* I (НП) и *латентная* L (НЛ). Различие между типологиями Уилбера и Парсонса состоит, по-видимому, в том, что функции Парсонса – это подразделение НП (социального) сектора на подсектора, подобные всем секторам.

¹⁰³ Термины «холон» и «холархия» были введены Артуром Кёстлером (Arthur Koestler) в его книге «Дух из машины» («Ghost in the Machine» (1967)).

¹⁰⁴ Здесь мы встречаем ту же фундаментальную интуицию двух смысловых движений (нисходящего и восходящего), которые представлены в Проективно Модальной Онтологии двумя фундаментальными операторами (проектором и сюръектором) – см. ниже.

Внутренняя ценность связана с глубиной холона – чем больше глубина, тем больше интегрирует холон, тем больше его внутренняя ценность.

Внешняя ценность, наоборот, выражает значимость холона как части более высоких холонов.

С глубиной холона связаны его права, в то время как включенность его в более высокие цели определяет обязанности холона. Так нравственные определения входят в базовые принципы организации холархии. Высшим этическим императивом («основной моральной интуицией») Уилбер считает принцип «защищать и поддерживать самую большую глубину для самого большого пространства».

Подобные универсальные принципы далее применяются Уилбером к выражению бытия человека, определяя его как субъект развития вертикальных уровней и горизонтальных дифференциаций, в которых проявляют себя основные сферы трансдисциплинарного опыта – как опыта многомерного и антиномического, открытого на множество измерений «жизненного мира», обладающего предельной устремленностью и трансфлексивностью – открытостью к иному.

За человеческой личностью также находится высшая целостность-холон, которую Уилбер часто называет «самостью» (self). Самость движется («карабкается») по ступеням вертикальных уровней, проявляя себя во всех четырех секторах.

На каждом новом уровне самость как получает новые возможности, так и может приобрести новые патологии, которых не было на более низких уровнях. Осваивая новый уровень, самость вначале отождествляет себя с ним (1 фаза развития в пределах одного уровня), дифференцирует его, выходя вовне (2 фаза), и затем интегрирует (3 фаза) в составе более высокого уровня.

Каждый из этих механизмов может нарушаться, приводя к своим видам патологии. Например, избыток дифференциации может повести к диссоциации – распаду и конфликту разных аспектов данного уровня. Разного рода патологии развития самости приводят к формированию ложного образа сознания («ложного я»), с которым начинает отождествлять себя субъект. Система ложных образов «я» (относительно суженного «я» данного уровня) образует свое стадияльное бессознательное – специфичное для каждой стадии развития самости.

Основа терапии на любом уровне развития – возвращение отождествляющей способности субъекта к подлинному образу «я» данного уровня, т. е. восстановление целостности сознания и бессознательного.

Эволюция самости, кроме того, происходит по множеству линий (потоков) развития, которые могут быть относительно независимыми друг от друга.

Например, можно говорить об аффективной и когнитивной, моральной и эстетической линиях развития. Будучи высокоразвитой по одной линии, самость может отставать по другим линиям развития, в целом образуя пеструю картину своей эволюции.

Время от времени субъект может испытывать так называемый «пиковый опыт» (что явно коррелирует с темой предельного опыта – см. также параграф «Опыт предельного»), который представляет собой недолговечные, но способные оставлять след на всю последующую жизнь человека прорывы сознания на более высокий уровень бытия.

Каждая стадия развития субъекта-самости связана со своим образом мира, своим мировоззрением. Последнее не просто отражает реальность данного уровня, но и отчасти создает ее, приобретая характер субъектной онтологии¹⁰⁵ каждого уровня развития, конструируемой данным субъектом (точнее говоря, Уилбер выделяет на каждом уровне развития два аспекта – глубинный и поверхностный. Глубинный предзадан, поверхностный создается субъектом, когда он достигает в своем развитии соответствующего уровня¹⁰⁶). Подобным творчеством субъект создает миры, обогащая многомерную онтологию бытия. Тем самым представ-

---

¹⁰⁵ О понятии «субъектная онтология» см. ниже главу «Субъектно-ориентированный подход».

¹⁰⁶ Уилбер пишет: «Действительно ли любой из этих более высоких уровней уже существует во всех людях до своего проявления? Они лежат где-то внутри и ждут возможности проявиться?.. Они существуют, но в не полностью сформированном виде. *Глубинные структуры* этих более высоких уровней как возможности присутствуют во всех людях, насколько мы можем сказать. Когда эти глубинные возможности развиваются, создаются их действительные поверхностные структуры, они *формируются всеми четырьмя секторами*. Таким образом, *поверхностные структуры* создаются и формируются через намерение, поведенческие, культурные, и социальные модели» («Краткая история всего». С. 308).

лена своего рода формула синтеза презентизма и конструктивизма (имеется в виду, что *презентизм* – направление гносеологии, утверждающее, что субъект лишь представляет (презентирует) в своем сознании внешний объект, в то время как *конструктивизм* вводит момент активного отношения субъекта к объекту, в пределе выражающегося в создании, конструировании объекта). В рамках интегрального подхода презентизм связан с более глубинными, конструктивизм – с более поверхностными структурами бытия.

Такова вкратце базовая схема «интегральной постметафизики» Уилбера, которую он применяет в самых разных областях культуры и истории, знания и методологии и т. д.

Плодотворность этой схемы состоит в том, что те или иные философские и научные направления оказываются используемыми не все уровни и не все секторы, в связи с чем схема сразу же позволяет определить ограниченное местоположение того или иного подхода и увидеть как его сильные, так и слабые стороны. Локализуя те или иные подходы по уровням и секторам, Уилбер получает возможность увидеть ограниченность каждого из прошлых или современных подходов и наметить контуры более интегральной теории. Отсюда он называет свой метод AQAL-схемой (All Quadrants All Levels – «все секторы, все уровни»).

Из основных исторических обобщений Уилбера можно было бы упомянуть его представления о значении трех основных периодов мировой истории – до-современности, современности и пост-современности¹⁰⁷.

Главная заслуга до-современности – это утверждение идей вертикальных уровней, модели «Великого Гнезда Бытия». Однако до-современность еще не различала и смешивала между собой разные горизонтальные секторы.

Заслуга современности (модерна) как раз состояла в дифференциации определений четырех основных сфер, в частности, в разделении сфер науки («Это»), искусства («Я») и морали («Мы») – Большой Тройки. Но и современность главным своим недостатком имела разрушение целостности Великого Гнезда, в частности – от-

---

¹⁰⁷ «До-современностью» принято называть время античности и Средневековья, «современностью» – период, начиная с эпохи Возрождения и до первой половины XX в., и «пост-современность» – последний период истории, начиная со второй половины XX в.

рицание всех трансперсональных уровней бытия, что в конечном итоге повело к развитию редуционизма-материализма и ограничению Большой Тройки только областью внешнего «Это» («Большой Единицей»). Подобное состояние современности Уилбер называет «флатландией» – царством материалистически-редуционистской поверхности бытия-Космоса.

Задача пост-современности, по мнению Уилбера, – синтез вертикальных и горизонтальных делений бытия, соединение Великого Гнезда Бытия и Большой Тройки.

Постмодернизм¹⁰⁸ попытался начать выполнение этой задачи, в частности, возродив идею *интерпретации* как основного герменевтического метода обоснования в области внутреннего мира. Уилбер считает важными такие идеи постмодернизма, как

- 1) конструктивизм,
- 2) контекстуальность,
- 3) интегральный аперспективизм¹⁰⁹,

для преодоления флатландии и восстановления онтологической значимости внутреннего мира и трансперсональных уровней бытия. Однако и постмодернизм, с его точки зрения, не смог выполнить синтетические задачи пост-современности, скатившись в свою разновидность синтаксической флатландии («смерть автора» и утверждение бытия только внешних знаковых форм текстов).

Собственный вариант интегрального подхода Уилбер рассматривает как проект более адекватного выражения синтетического духа пост-современности, собирания в единой картине всех секторов и всех уровней, синтеза всего положительного из до-современности (уровни) и современности (секторы).

---

¹⁰⁸ Постмодернизм здесь мы понимаем в обычном смысле – как влиятельное философское направление конца XX – начала XXI в. Наиболее видные представители – Жан Бодрийяр, Мишель Фуко, Жак Деррида, Жиль Делёз и др.

¹⁰⁹ *Принцип конструктивизма* – утверждение того, что реальность не просто пассивно отражается субъектом, но и активно строится им в процессе познания; *принцип контекстуальности* утверждает, что процесс понимания зависит от контекстов, и полное понимание смысла предполагает обращение в конечном итоге к бесконечному числу разного рода контекстов; *принцип интегрального аперспективизма* выражает идею существования бесконечного числа различных точек зрения, ни одна из которых не может получить преимущественного итогового значения для выражения той или иной проблемы.

Кроме прочего, Уилбер особенно много внимания уделяет в своих работах интегральной теории сознания, соединяя эволюционное развитие самости по всем секторам и уровням. В том числе он подробно рассматривает и трансперсональные уровни развития сознания, подчеркивая нарастающий процесс децентрации (в смысле Жана Пиаже¹¹⁰) на всем пути эволюции самости. Кен Уилбер считается одним из основоположников трансперсональной психологии.

2. Уровни Великого Гнезда Бытия

Обратимся к более точным определениям уровней, которые развивает в своем подходе Кен Уилбер. Он использует идею вертикальных уровней бытия, которые хорошо отзываются и в философии трансдисциплинарности важным значением уровневого подхода, например, в одном из трех основных принципов трансдисциплинарного подхода по Николеску, причем в основе более высоких уровней лежит та мера более глубокой совместимости, «включенное третье», которое позволяет интегрировать распадающиеся несоместимые полярности на более нижележащих уровнях бытия¹¹¹.

Это следующие уровни.

1. *Физиоцентрический уровень*, на котором субъект отождествляет себя с простейшими сенсомоторными ощущениями и не имеет разделения внешнего и внутреннего мира. В истории этому уровню соответствует архаическое мировоззрение самых ранних стадий развития человечества.

2. *Биоцентрический уровень*, для которого характерно уже первое разделение себя и внешнего мира в сфере восприятий, но слиянность того и другого в эмоциональном плане. Этому уровню соответствует магическое мировоззрение, в котором субъект рас-

---

¹¹⁰ Согласно Пиаже, децентрация – это процесс расширения перспективы, с точки зрения которой ранее доминирующее (центрированное) состояние оказывается более частным (децентрированным). Например, господство перспективы только собственной точки зрения сменяется позднее у ребенка учетом точек зрения других субъектов, что приводит к децентрации только своей позиции.

¹¹¹ Подробнее см. параграф «Антиномы».

смачивает мир как свое эмоциональное продолжение, оперируя с определениями мира как со своими аффективно-ценностными структурами (идея магии).

3. *Эгоцентрический уровень*, на котором впервые «я» отождествляет себя с сознательными и концептуальными механизмами, начинает использовать образы, символы и понятия, овладевая «ноосферой» как сферой семиотического бытия (до-операциональное сознание, по Пиаже). Это время своего рода «изгнания из рая» до дифференцированной слиянности «я» и «не-я». Тип мировоззрения на этом уровне является смешанным, магически-мифологическим (о мифологическом мировоззрении см. след. уровень).

Однако на всех трех описанных уровнях субъект еще не способен принимать на себя точку зрения другого, пребывая в преимущественно эго-центрическом и нарциссическом состоянии. Коренное преобразование в этом плане появляется на следующем уровне.

4. *Этноцентрический (социоцентрический, конвенциональный) уровень*, на котором самость отождествляет себя с коллективным сознанием некоторой социальной общности и во многом растворяет себя в коллективном сознании, еще не обретая подлинную индивидуальность. Но здесь впервые субъект оказывается в состоянии принимать на себя другие роли и позиции, что и делает его по-настоящему коллективным существом (в периодизации Пиаже этому уровню соответствует период конкретных операций). Уилбер пишет о сознании ребенка этого уровня (поскольку в развитии индивидуального сознания повторяется историческая эволюция): «Поэтому вся его моральная позиция целиком меняется с эгоцентричной или *доконвенциональной* на *конвенциональную* и часто довольно *конформистскую* – “хорошо то, что одобряет мама или друзья”. Следующая стадия изменения морали, по Колбергу (но по-прежнему в рамках конвенциональной стадии. – Л.К., В.М.), – “стадия закона и общественного порядка”, или, согласно Левингеру, “сознательный конформизм”»¹¹². Здесь субъект формирует мифологическое мировоззрение, в котором собственное «я» уже вполне отделилось от внешнего мира и требуется помощь могущественных сил-богов для влияния на внешний мир.

---

¹¹² Уилбер К. Краткая история всего. М., 2006. С. 256–257.

Первые четыре типа сознания господствуют в истории (на уровне массового сознания) на протяжении всей до-современности. В эпоху современности формируется массовый тип сознания и мировоззрения следующего уровня.

5. *Космополитический (постконвенциональный) уровень*, на котором «я» субъекта впервые отрывается от тех или иных ограниченных социальных отождествлений и поднимается до осознания собственной универсальности, которая, правда, выражает себя еще в формально-логической общности (что соответствует стадии формальных операций в периодизации Пиаже). Именно этот тип сознания массово возникает во времена Возрождения и все более проявляет себя в эпоху современности, формируя новоевропейскую классически-рациональную науку и научную парадигму, порождая материалистический редукционизм флатландии и открывая стандарты научной строгости в дифференциации Большой Тройки.

6. *Постформальный (визуально-логический, холистический) уровень* развития сознания, на котором субъект преодолевает формально-логические ограничения и отождествляет себя с холистическим образом космоса, пронизанного взаимосвязями («паутина жизни», философия Геи, теория систем и т. д.), интегрирующего душевно-телесные определения (синтезируется кентавр «душа–тело»¹¹³). На этом уровне сознанию присущ концептуальный интегратизм различных позиций и точек зрения в рамках системно-диалектического мировоззрения. Это уже более массовое мировоззрение пост-современности, разного рода постмодернистских и экзистенциально-феноменологических направлений в философии, протестных экологических и феминистских движений, парадигмы (пост)неклассической научной рациональности (синергетика, системный подход, холизм), релятивистской методологии.

Начиная с 7 уровня возникают трансперсональные стадии развития субъектности, обычно отрицаемые научно-ориентированными школами, но издавна развиваемые в различных религиозно-духовных традициях. В определенной мере возрожде-

---

¹¹³ Постформальный синтез «душа–тело» отличен от еще нерасчлененного единства внутреннего и внешнего на ранних стадиях (до 5 уровня) уже оформленной дифференциацией синтезируемых полюсов.

ние этих уровней на более научной основе происходит сегодня в рамках трансперсональной психологии. Уилбер выделяет здесь следующие 4 уровня.

7. *Экстрасенсорный (природно-психический) уровень*, на котором сознание достигает своего отождествления с разного рода природными феноменами – Душой Мира. Этому уровню соответствует мировоззрение природной мистики (культ единства с Мировым Процессом и т. д.).

8. *Тонкий (архетипический) уровень*, на котором субъект прорывается в своем сознании в так называемый мир «архетипов» – чисел Пифагора, идей Платона, форм Аристотеля, сферу ума в философии Плотина и т. д. Архетипы лежат в основании бытия как некоторые его первообразы-коды. Этому уровню соответствует божественный мистицизм, единство тонкой сферы.

9. *Каузальный уровень*, на котором субъект отождествляет себя с так называемым «Свидетелем» – той глубочайшей инстанцией сознания, которая позволяет осознать все, но сама не осознается и предстает как буддийская Великая Пустота, которая на самом деле есть Высшая Полнота, содержащая и объективирующая в себе все, выступающая как высшее основание-причина всего. Этой стадии соответствует мировоззрение бесформенного мистицизма, единение с источником проявленной реальности.

10. *Недуальный уровень*, который по сути есть уже не отдельный уровень, но пронизывающий фон всех предшествующих уровней (по выражению Уилбера, это та бумага, на которой нарисованы все уровни). Здесь сознание достигает тождества Свидетеля и проявленных форм, сливая Пустоту и Форму в высшую недуюальность. Этот уровень характеризуется недвойственным мистицизмом (сознание бодхисаттвы, в отличие от негативной нирваны каузально-го уровня), единством формы и бесформенности.

Опираясь на модель уровней, мы можем использовать достаточно обоснованный и точный механизм¹¹⁴ для очерчивания основных этапов и событий в развитии западной и мировой культуры. Мы получаем некоторую систему топосов-мест в составе глобальной когнитивной карты бытия, благодаря чему возникает

---

¹¹⁴ Здесь нужно отметить, что в своих работах Уилбер опирается на обобщение огромного теоретического материала из самых разных областей знания и практики.

возможность достаточно определенно локализовать тот или иной подход, систему, школу с точки зрения ее топологии (системы мест) в этой карте.

С нашей точки зрения, представленные выше основные идеи интегрального подхода могут быть прочитаны как образ сложного – многоуровневого и многосекторного – образа транс-единого¹¹⁵. Вертикальные уровни и горизонтальные секторы образуют отдельные измерения более полного и антиномистически развивающегося полного образа транс-единства. Наиболее объемлюще образы уилберовского пост-транс-единого представлены в его концептах холонов и холархии, антитетических определениях десятого недуального уровня, в котором находят свое совпадение противоположностей, свой «один вкус», большие и малые полярности бытия. Отношения между уровнями выражают себя как в том числе движение между 1- и 2-интервалами, в котором 2-интервал представлен целостностями более высокого уровня, а его распадающиеся аспекты, как результаты ограниченных 1-интервалами, обретают свое бытие на более нижележащих онтологических уровнях.

В бытии вертикальных уровней существенно обнаруживает себя транс-природа холонов, в том числе человеческой самости. Трансдисциплинарность проявляет себя в этом случае как транс-уровневое бытие, которое содержит в себе двоякую интенцию как подъема вверх по уровням, так и включения в себя своих нижележащих уровневых образов.

3. Исчисление стрелок

В этом параграфе мы вкратце коснемся более структурных выражений идей интегрального подхода и связанного с ним подхода интервального. В основе предлагаемой структурной реконструкции лежат два противоположных устремления трансдисциплинарного бытия – «вверх», в сторону 2-интервала объемлющей целостности, принадлежащей более высокому вертикальному уровню эволюции холона, и «вниз», в направлении к 1-интервалам нижележащих уровневых определений.

---

¹¹⁵ См. параграф «Образы транс-единого».

Один из авторов уже достаточно давно разрабатывает более формальный аппарат, так называемую *Проективно Модальную Онтологию* (ПМО)¹¹⁶, средствами которой может быть построена своего рода «логика синтеза», в частности, более строго выражены понятия интегрального подхода как важной составляющей философии трансдисциплинарности. Символически язык Проективно Модальной Онтологии будет изложен здесь без излишней подробности – как своего рода полуформальное «исчисление стрелок»¹¹⁷.

В общем случае для объектов a , b , c , e можно образовывать такие выражения:

$a = b \downarrow c$ – читается « a есть аспект b , образованный из b при условии c операций $\downarrow$ »,

$b = a \uparrow e$ – читается « b есть полнота аспекта a , образованная из аспекта a при условии e операций $\uparrow$ ».

Операция $\downarrow$ называется «проектор», операция $\uparrow$ – «сюръектор»¹¹⁸. Условие c служит сужающим условием, условие e – расширяющим условием.

Между аспектом a и его полнотой b задается отношение нестрогого порядка $\leq$ (меньше или равно), т. е.

$a \leq b$ – « a меньше или равно b ».

Если на место a подставить его выражение $b \downarrow c$ (или на место b его представление $a \uparrow e$), то получим соотношения:

$b \downarrow c \leq b$ – « $b \downarrow c$ меньше или равно b »,

$a \leq a \uparrow e$ – « a меньше или равно $a \uparrow e$ ».

¹¹⁶ См.: *Moiseev V.* Projectively Modal Ontology // *Logical Studies*. 2002. № 9 (<http://logic.ru/en/node/372>); *Moiseev V.I.* Проективно-модальная Онтология и некоторые ее приложения // *Логические исследования*. Вып. 11. М., 2004. С. 215–227.

¹¹⁷ Это выражение появилось благодаря замечанию В.И.Аршинова.

¹¹⁸ Термин «проектор» подчеркивает связь процедуры образования аспектов с процедурой получения проекций более многомерного объекта в рамках подпространств меньшей мерности (например, в случае образования проекций трехмерного тела на плоскости). Термин «сюръектор» образован от термина «сюръекция», под чем в математике понимают специальный случай отображения, при котором образом отображения оказывается все множество, используемое при определении этого образа. Здесь выражен момент охвата *всей полноты* возможной области значений функции, что и используется нами для обозначения процедуры перехода от аспекта к его источнику единства-полноты.

Это и значит, что условие c не расширяет (оставляет тем же или сужает-уменьшает), а условие e не сужает (оставляет тем же или расширяет-увеличивает).

Сужающее условие c называется «моделью», расширяющее условие e – «модулем», полнота b – «модусом», аспект a – «модой». При построении этих терминов нам хотелось использовать латинский корень «*mod*», который выражает начало изменчивости, варьирования и модификации.

Смыслы вкладываются в эти слова пока только те, которые выражают описываемые соотношения, и ничего более. Если возникнет необходимость, можно использовать уточняющие названия – «проективно-модальная модель (ПМ-модель)» и «проективно-модальный модуль (ПМ-модуль)» и т. д.

Для отношения нестрогого порядка выполнены три основных свойства.

1. *Рефлексивность*: $a \leq a$ – a меньше или равно себе.
2. *Антисимметричность*: если $a \leq b$ и $b \leq a$, то $a = b$ (если a меньше или равно b и b меньше или равно a , то a равно b).
3. *Транзитивность*: если $a \leq b$ и $b \leq c$, то $a \leq c$ (если a меньше или равно b , b меньше или равно c , то a меньше или равно c).

Равенство = определяем в этом случае как одновременное выполнение двух нестрогих неравенств:

$$(=) a=b \text{ если только если (е.т.е.) } a \leq b \text{ и } b \leq a.$$

Это значит, что a равно b , т.е. a меньше или равно b и b меньше или равно a .

На рисунке (см. рис. 4) показано взаимодействие всех шести элементов – моды, модуса, модели, модуля, проектора и сюръектора.

Здесь модус изображен большим кругом, его мода – малым кругом, модель – квадратом, модуль – треугольником. Проектор изображен стрелкой, направленной вниз – от овала, обнимающего модус и модель, в сторону моды. Это выражает идею проектора как двуместной операции, определенной на модусе и модели и образующей моду. Аналогично сюръектор изображается стрелкой, направленной вверх – от овала, обнимающего моду и модуль, в сторону модуса, что выражает идею сюръектора как двуместной операции, определенной на моде и модуле и образующей модус.

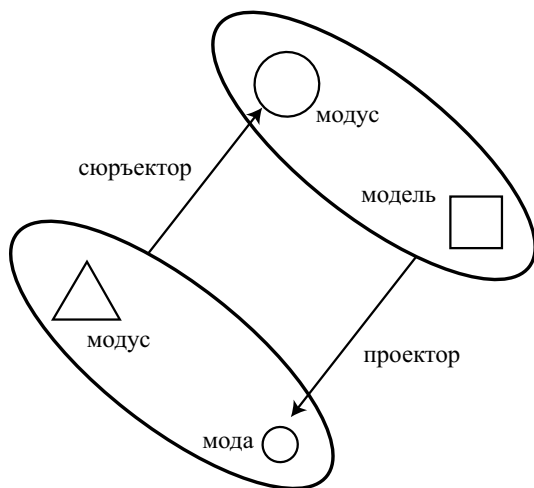

Рис. 4

Проектор ограничивает модус до моды. Сюръектор, наоборот, расширяет моду до модуса. Поэтому модель – начало ограничения. Модуль – начало расширения.

Рассмотрим еще один рисунок (рис. 5), на котором иллюстрируется идея проективности.

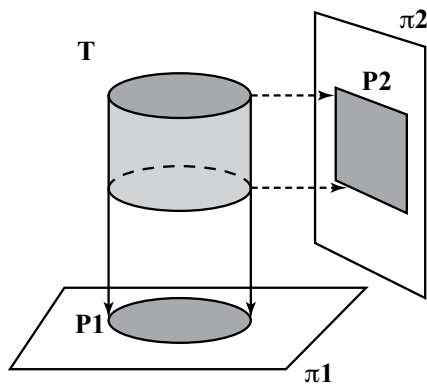

Рис. 5

Рассмотрим такой случай образования геометрических проекций, когда дано некоторое трехмерное тело T (цилиндр), и на одну плоскость проецирования π_1 оно проецируется в виде круга P_1 , на другую (π_2) – в виде прямоугольника P_2 . Каждая из проекций, P_1 и P_2 , получена как результат проецирования одного и того же трехмерного тела T на различные плоскости проецирования π_1 и π_2 . Плоскости проецирования выступают в этом случае как вид некоторых ограничивающих условий (ПМ-моделей), накладываемых на тело-модус T . Каждая из проекций может быть представлена как условное бытие (мода) тела в рамках тех или иных ограничивающих условий. Здесь проектор $\downarrow$ выражает операцию геометрической проекции как некоторой процедуры «взятия при условии». Для проекции P_1 , например, можно написать: $P_1 = T \downarrow \pi_1$ – «проекция P_1 равна телу T , взятому при условии плоскости проецирования π_1 ». Хотя сами проекции P_1 и P_2 могут быть весьма различны (на нашем рисунке это круг и прямоугольник), но, тем не менее, все они могут получаться как результат наложения различных ограничивающих условий на один и тот же объект (в нашем примере – тело T).

Сюръектор будет представлен здесь обратным движением, когда из разных проекций восстанавливается то трехмерное тело, которое дает эти проекции в разных плоскостях.

Философия описываемого аппарата – это философия единого («модус») и его аспектов («моды»). Предполагается, что есть единое и его аспекты, каждый из которых образуется под действием сужающей операции и ограничивающего условия.

И наоборот, единое можно получить из каждого аспекта действием расширяющих операции и условия.

Приведем некоторые примеры, в которых встречаются структуры Проективно Модальной Онтологии.

Вспомним всем хорошо известную *притчу о слоне* и множестве слепых, которые его ощупывают, кто – хобот, кто – ногу, кто – хвост, а затем каждый выражает слона ощущением только своей части. Слон в этом случае – символ единого. Каждому дается свой аспект единого, который очень не похож на само единое.

В чем смысл притчи? Каждый судит о целом-едином на основе своего аспекта, практически отождествляя единое со своим аспектом, т. е. применяя соотношение $b = a \uparrow 1 = a$, где 1 – тождественный модуль, который оставляет аспект без изменений, не расширяя его.

А нужно быть готовым к тому, что единое b может оказаться не равным своему аспекту a , и такое единое b может объединить все столь разные аспекты: $b = a_1 \uparrow e_1$, $b = a_2 \uparrow e_2, \dots$, $b = a_n \uparrow e_n$. И хотя аспекты $a_1, \dots, a_n$ столь разные (хвост, хобот, нога), но за ними может стоять одно единое b (слон). Условием достижения единого является сила расширений сюръекторов – чем больше различие между аспектами, тем к большему единству нужно подняться, чтобы синтезировать аспекты. Например, чем далее отстоят друг от друга научные дисциплины, тем более глубоким должно быть то трансдисциплинарное знание, которое могло бы соотносить их между собою, преодолевая их дисциплинарные деления.

Еще пример – миф Платона о пещере, где люди на стене видят тени подлинных существей. Тени – аспекты, существности – те единства, которые стоят за тенями. Философия Платона и его диалог «Парменид» – вообще отдельная тема для размышлений¹¹⁹.

Герменевтический круг. Чтобы понять A , нужно прежде понять B . Но чтобы понять B , нужно уже понимать A .

Решаем этот парадокс введением условных аспектов понимания: $A_0 = A \downarrow A$ – то, что можно понять в A без B («самопонимание A »).

$B_1 = B \downarrow A_0$ – то, что можно понять в B при условии понимания A_0 . И так далее ($B_{n+1} = B \downarrow A_n$, $A_n = A \downarrow B_n$), пока понимания не перестанут прирастать и не возникнет полное взаимо-понимание A и B ¹²⁰.

Степени рефлексии. Пусть есть два субъекта A и B и внешняя среда C . У субъекта A есть образ себя $A \downarrow A$, образ среды $C \downarrow A$, образ субъекта B , $B \downarrow A$, и его образа среды ($C \downarrow B \downarrow A$), а у субъекта B , допустим, есть только образ среды $C \downarrow B$. Тогда субъект A может осуществлять «рефлексивное управление» субъектом B (согласно В.А.Лефевру¹²¹).

Например, имея образ B , субъект A сможет представить, как отреагирует B на то или иное состояние среды. Изменив среду нужным образом, субъект A сможет добиться от B нужной реакции.

¹¹⁹ *Моисеев В.И.* Проективно-модальные структуры диалога «Парменид» Платона // *Credo New*. № 2. СПб., 2007. С. 38–62.

¹²⁰ О методе решения герменевтического круга см. также: *Моисеев В.И.* Процесс сопряжения // *Синергетическая парадигма. Когнитивно-коммуникативные стратегии современного научного познания*. М., 2004. С. 315–331; *Моисеев В.И.* Философия науки. Философские проблемы биологии и медицины: учебное пособие для вузов. М., 2008. С. 51–58.

¹²¹ *Лефевр В.А.* Конфликтующие структуры. 3-е изд. М., 2000.

Местоимения разного лица и числа. Пусть есть субъекты А и В. Местоимение Я для субъекта А (обозначим его через Я(а)) – это выражение позиции $A \downarrow A$ («А с точки зрения самого себя»), т. е. $Я(а) = A \downarrow A$. Местоимение Ты(а) для А – это позиция $B \downarrow A$ («В с точки зрения А»), т. е. $Ты(а) = A \downarrow B$. Аналогично для субъекта В имеем $Я(в) = B \downarrow B$, $Ты(в) = B \downarrow A$. Местоимение Мы(а) для субъекта А – это позиция $(A+B) \downarrow A$ («А и В с точки зрения А»), где $A+B$ – единство А и В.

Арифметика. Она также может быть представлена как частный случай Проективно Модальной Онтологии. Пусть $a \downarrow c = a-c$, $a \uparrow d = a+d$, и в качестве моделей и модулей используются неотрицательные числа. Тогда ПМ-порядок окажется числовым порядком, и большее число будет единым, а меньшее число – его аспектом. Таким образом, здесь проектор – вычитание, сюръектор – сложение.

Еще пример – *логика суждений*. Если А, В – суждения, то $A \downarrow B = A \& B$ (здесь $\&$ – конъюнкция суждений А и В, выражаемая в естественном языке союзом «и»), $A \uparrow B = A+B$, где $+$ – дизъюнкция (выражается союзом «или»). В этом случае порядок на суждениях будет связан с логическим следованием: А – аспект В. т.е. А влечет В.

Понятия *самобытия и инобытия* в философии. Для некоторого начала А его самобытие – это сторона-мода А, в которой А дано как бы в самом себе – как $A \downarrow A$. Если же есть некое иное к А начало В, то в отношении к В возникает сторона $A \downarrow B$ начала А, которая выражает В-инобытие А. Само начало А есть *полно-бытие* – единство своих само- и инобытия, т. е. $A = A \downarrow A + A \downarrow B$.

Одним из проявлений самобытия и инобытия являются цвета объектов. Например, объект А зеленого цвета. Как бы ни был дан А, в нем сохраняется момент зеленого цвета как *само-цвета* $A \downarrow A$. В то же время если А дается на фоне другого цвета В, то в А появляется оттенок $A \downarrow B$ *ино-цвета*, так что *полно-цвет* А есть единство самоцвета и иноцвета.

Научная теория – это огромное многоединство Т, которое можно выразить как ПМ-модус. Модами этого модуса выступают все те факты Ф, которые научная теория может представить как свои частные случаи, т. е.

$$\Phi = T \downarrow m,$$

где m – ограничивающие условия, которые нужно наложить на теорию, чтобы получить частный факт Φ . Если возникает новый факт Φ^* , то ученый стремится подвести его под теорию T , т. е. найти такую модель m^* , чтобы показать Φ^* как новую моду T : $\Phi^* = T \downarrow m^*$. Если это удастся сделать, теория справляется со своей задачей смыслового синтеза многообразия бытия. Если же нет, т. е. Φ^* оказывается контрпримером для T , то нужно создавать более мощную теорию T^* , модой которой окажется как прежняя теория T , так и новый факт Φ^* . Создание T^* можно представить как действие восходящей стрелки $\uparrow$ на теорию T , т. е. $T^* = T \uparrow e$, где e – некоторые условия расширения T до T^* . Так идет развитие научного знания в форме роста теорий-модусов, представляющих собой смысловые многоединицы.

Во всех этих примерах мы видим простые и фундаментальные Проективно Модальные Онтологии, лежащие в основании важных структур бытия. Благодаря языку ПМО, мы получаем единый универсальный язык для выражения философии единств и их аспектов.

4. К логике интервального подхода

Попробуем теперь использовать язык Проективно Модальной Онтологии для выражения конструкций интервального подхода, причем интервальный подход будет в этом случае пониматься как наиболее полное свое представление с координацией 1- и 2-интервалов – как 1,2-интервальный подход.

Ключ к их согласованию лежит в координации понятий «1-интервала» и «модели», «2-интервала» и «модуса».

Гипотеза модельности 1-интервала. Мы предполагаем, что 1-интервал – это случай проективной модели в рамках определенной Проективно Модальной Онтологии.

Гипотеза модусности 2-интервала. Предполагается, что 2-интервал – это случай модуса в рамках определенной Проективно Модальной Онтологии.

В самом деле, когда речь идет о рассмотрении некоторой сущности X в рамках того или иного 1-интервала I , то предполагается, по-видимому, что формируется образ X в рамках интервала I . В другом 1-интервале I^* этот образ может быть совсем иным. Если

использовать идею специальной процедуры («1-интервализации») рассмотрения (определения) X в интервале I , то мы получаем описанные выше проективно-модальные объекты: сущность X будет модусом (2-интервалом), интервал I – моделью (1-интервалом), процедура «1-интервализации» X – проектором $\downarrow$, образ X в интервале I – модой $X\downarrow I$ (« X -в-интервале- I »). Интересно, что сюръектор $\uparrow$ в этом случае можно понимать как процедуру «2-интервализации», т. е. процесс восхождения от мод $X\downarrow I$ к модусу X как 2-интервалу, который «многомерно» соединяет в себе бытие своих отдельных аспектов-мод $X\downarrow I$.

В этом случае замысел построения логических средств Проективно Модальных Онтологий можно было бы одновременно рассматривать как попытку логизации *комплексной интервальной методологии*, предложения и развития системы более формально-логических и аксиоматических средств 1,2-интервального подхода – своего рода формальную 1,2-интервальную аксиоматику. Представляется, что использование такого рода более формально-логических средств только поможет развитию 1,2-интервального подхода, снабдив его строгим и, можно надеяться, адекватным аксиоматическим языком. Содержательные идеи интервальности ни в коем случае не отрицаются при таком более формальном подходе, но лишь дополняются и усиливаются соответствующими формальными средствами, что позволит поднять интервальную методологию до уровня подлинно научной теории общесистемного характера.

Здесь мы ставим себе задачу лишь показать первоначальную логику Проективно Модальных Онтологий и дать ключ связи этих систем с идеями 1,2-интервального подхода. В последующих работах открывается большая перспектива как формализации уже наработанных конструкций интервальной методологии, так и обогащения самой аксиоматики Проективно Модальной Онтологии содержательными достижениями интервального подхода. Ниже ограничимся только самыми первыми примерами осуществления подобного проекта.

1. *Идея порядка.* Из аксиоматики Проективно Модальных Онтологий следует, что процедура 1-интервализации не усиливает рассматриваемую сущность X , и ее 1-интервальный образ $X\downarrow I$ всегда оказывается в некотором смысле «меньше или равен» самой

сущности X . Предполагается также, что за 1-интервальным образом $X \downarrow I$ всегда стоит 2-интервальная сущность X , которая в иных 1-интервалах способна дать иные свои образы (моды). 1-интервалы способны только ослаблять или не изменять 2-интервал.

2. *Идея тождественного 1-интервала.* Аксиоматика Проективно Модальной Онтологии предполагает также, что для всякой сущности X найдется *тождественный 1-интервал* I , в рамках которого образ $X \downarrow I$ совпадет с самой сущностью X .

3. *Конструкция «гносеологической тени».* В одной из своих работ¹²² Ф.В.Лазарев, например, пишет о понятии так называемой «гносеологической тени»: «Познавательный аппарат человека и животных... устроен таким образом, что предполагает феномен тени. Диапазон световых волн, который видит человек, ограничен, так же как ограничен диапазон звуковых волн. Известно, что у животных зрительный аппарат работает в режиме “лоскутного восприятия”, птица, напр., не видит весь предмет со всеми его деталями, для нее важны лишь некоторые ключевые, сигнальные раздражители (цвет, форма, подвижность), все остальное разнообразие характеристик предмета для птицы как бы не существует, они образуют как бы серую зону неразличимости»¹²³. Иными словами, «гносеологическая тень» – это нечто «обнуленное» (ушедшее в «зону неразличимости») в рамках того или иного 1-интервала. Средствами Проективно Модальной Онтологии это понятие может быть выражено достаточно строго. Именно, если даны сущности $X_1, \dots, X_n$, процедура 1-интервализации $\downarrow$ и 1-интервал I , то в качестве *I-тени* можно определить множество всех таких сущностей X_i , $i=1, \dots, n$, что образами $X_i \downarrow I$ этих сущностей в 1-интервале I будут нулевые моды (нулевой модой в Проективно Модальной Онтологии называется мода всех мод, минимальная мода – своего рода ноль в операциях на модусах и модах (2-интервалах)) – эти сущности, иными словами, будут «не видны» («затенены») в 1-интервале I .

4. *Сопряженные 1-интервалы (экстервалы).* Можно заметить, что 1-интервальный подход связан только с проективной частью Проективно Модальной Онтологии, в то время как остается еще симметричная – сюръективная – часть, которая более адекватно

¹²² Лазарев Ф.В. За пределами постмодерна // Уч. зап. Таврич. нац. ун-та им. В.И.Вернадского. Сер. «Философия. Социология». 2005. Т. 18. № 2. С. 3–18.

¹²³ Там же. С. 17.

выражает себя в рамках 2-интервального подхода. В связи с этим можно было бы подумать над идеей ПМ-модулей как своего рода «сопряженных 1-интервалов» («экстервалов»), выступающих условиями не ограничения, но *расширения* рассматриваемых объектов. Например, в математике возможно расширение функции f , первоначально определенной на области d , до функции F , заданной на более широкой области D . Функция F называется в этом случае *продолжением* функции f на область D . Продолжение f до F будет зависеть от ряда параметров, которые можно рассмотреть как своего рода сопряженный 1-интервал (как модуль – условие расширения моды до модуса).

5. *Интервал тождества*. Средствами Проективно Модальной Онтологии может быть определен не только 1-интервал объектов, но и 1-интервал предикатов, например, отношения равенства (тождества). Условное равенство объектов A и B в рамках 1-интервала I можно представить в виде формулы $(A = B) \downarrow I$ – « A равно B в интервале I », которую определим следующим образом:

$$(A = B) \downarrow I \text{ если только если } A \downarrow I = B \downarrow I,$$

т. е. модусы (2-интервалы) A и B считаются равными в 1-интервале I если только если равны их образы-моды $A \downarrow I$ и $B \downarrow I$ в 1-интервале I .

Подобным же образом можно и далее развивать и уточнять определения 1,2-интервального подхода, придавая ему форму все более развитой и строгой аксиоматической системы.

5. Логика интегрального подхода

Рассмотрим далее интегральный подход Уилбера с точки зрения Проективно Модальной Онтологии.

Здесь можно принять следующую основную формулу: эволюционирующая самость C дифференцирует себя в 10 вертикальных уровнях L_i , $i=1, \dots, 10$, и четырех горизонтальных секторах (квadrантах) Q_j , $j=1, \dots, 4$, образуя свои уровни и аспекты развития.

В терминах Проективно Модальной Онтологии уровни и квадранты можно рассмотреть как ПМ-модели (1-интервалы, которые можно разделить на *вертикальные 1-интервалы* (уровни) и *гори-*

зонтальные 1-интервалы (секторы)), а самость – как модус (2-интервал). Тогда развитие самости будет выражаться в образовании мод самости:

$C \downarrow L_i = C_i$ – вертикальные моды-аспекты самости (дифференциации самости на вертикальных уровнях развития),

$C \downarrow Q_j = C_j$ – горизонтальные моды-аспекты самости (дифференциации самости в горизонтальных секторах),

$(C \downarrow L_i) \downarrow Q_j = C_{ij}$ – вертикально-горизонтальные моды-аспекты самости.

Для модуса A , моды $A \downarrow m$, модели m и проектора $\downarrow$ введем проектор $\downarrow^*$, который можно назвать «отождествляющим проектором», по правилу:

$$\begin{aligned} A \downarrow^* m &= A \downarrow m, \\ (A \downarrow m) \downarrow^* m &= A \downarrow m. \end{aligned}$$

Согласно таким определениям, проектор $\downarrow^*$ отождествляет моду $A \downarrow m$ и модус A в модели m . Мы можем использовать идею этого проектора для выражения случая отождествления модуса со своей модой в рамках той модели, в которой модус образует данную моду. Рассмотрим эту возможность на примере отождествления самости со своими ограничениями в подходе Уилбера.

На каждом уровне и в рамках квадрантов может происходить ситуация отождествления, когда C , как переменная самость, отождествляет себя с теми или иными своими модами в рамках соответствующих 1-интервалов, в качестве которых опять можно рассмотреть уровни и квадранты, воспользовавшись идеей отождествляющего проектора $\downarrow^*$, где верно следующее соотношение:

$(C = C \downarrow L_i) \downarrow^* L_i$ – самость равна своему уровневому аспекту в рамках соответствующего уровня.

Последнее соотношение верно, поскольку оно есть равенство $C \downarrow^* L_i = C \downarrow L_i \downarrow^* L_i$, что равносильно истинному тождеству $C \downarrow L_i = C \downarrow L_i$.

Аналогично получим:

$(C = C \downarrow Q_j) \downarrow^* Q_j$ – самость равна своему секторальному аспекту в рамках соответствующего горизонтального сектора,

поскольку $C \downarrow^* Q_j = C \downarrow Q_j \downarrow^* Q_j$ равносильно истинному тождеству $C \downarrow Q_j = C \downarrow Q_j$.

Наконец, имеем:

$(C = C \downarrow L_i \downarrow Q_j) \downarrow^* L_i \downarrow Q_j$ – самость равна своему уровнево-секторальному аспекту в рамках соответствующего уровня и сектора, поскольку последнее выражение равно $C \downarrow^*(L_i \downarrow Q_j) = (C \downarrow L_i \downarrow Q_j) \downarrow^*(L_i \downarrow Q_j)$, которое равносильно истинному тождеству $C \downarrow L_i \downarrow Q_j = C \downarrow L_i \downarrow Q_j$.

Если сюръектор $\uparrow$ – это двуместный функтор, действующий на модуль B и модуль e , то, заполнив место для модуля, получим некоторый одноместный функтор $\uparrow[e]$ (или $i[e]$), который можно называть *интегралом*. Он действует на модуль и дает модус:

$$\uparrow[e](B) = B \uparrow e = A.$$

Аналогично проектор $\downarrow$, как двуместный функтор для модуса A и модели m , можно заполнить моделью, образовав одноместный функтор $\downarrow[m]$ (или $d[m]$), который можно называть *дифференциалом*, определяя его по правилу:

$$\downarrow[m](A) = A \downarrow m = B.$$

Возвращаясь к выражению интегрального подхода Уилбера средствами Проективно Модальной Онтологии, можно заметить, что для каждого вертикального уровня развития самости характерен свой интеграл

$$i[c_{k \rightarrow k+1}](C \downarrow L_k) = C \downarrow L_{k+1},$$

расширяющий k -аспект самости $C \downarrow L_k$ до $(k+1)$ -аспекта $C \downarrow L_{k+1}$. Развитие проявляет себя как последовательность интегралов, действующих на первоначальное состояние самости $C \downarrow L_1$.

Квадранты Q_j могут быть объединены в две пары квадрантов. Пусть Q_1 – верхний левый, Q_2 – верхний правый, Q_3 – нижний левый, Q_4 – нижний правый квадранты. Тогда:

$Q_{in} = Q_1 + Q_3$ – внутренний квадрант (здесь $+$ – это сумма моделей),

$Q_{ex} = Q_2 + Q_4$ – внешний квадрант,

$Q_s = Q_1 + Q_2$ – квадрант единичного,

$Q_p = Q_3 + Q_4$ – квадрант коллективного.

«Флатландия» – состояние, когда самость отождествляет себя только с внешним квадрантом Q_{ex} , т. е. дается в качестве внешних мод $C \downarrow L_i \downarrow Q_{ex}$.

Кроме этих дифференциаций самости, Уилбер обогащает свою модель понятиями потоков, состояний, теней самости и т. д. Потоки и состояния могут быть представлены как дополнительные ПМ-модели, так что общая логика последующего развития интегрального подхода состоит в умножении числа ПМ-моделей, т. е. рассмотрения мод самости вида

$$C \downarrow m_1 \downarrow m_2 \downarrow \dots \downarrow m_n,$$

где можно добавлять все новые независимые виды моделей m_k , $k=1,2,\dots,n,\dots$

Так можно представить интегральный подход Уилбера в некоторой версии Проективно Модальной Онтологии (ПМО). Одновременно в лице ПМО мы получаем универсальный язык, который позволяет координировать между собой как идеи интегрального, так и разных версий интервального подхода, разрабатывая в лице их логики единую методологию трансдисциплинарного подхода.

6. Антиномы

Философия трансдисциплинарности существенно антиномична – вспомним хотя бы о «логике включенного третьего» (the logic of the included middle) одного из основателей трансдисциплинарного движения директора CIRET Басараба Николеску.

В своем интервью Руссу Фолькманну¹²⁴ Басараб Николеску пишет об одном из основателей логики включенного третьего – французском философе румынского происхождения Стефане Люпаско (Stephan Lupasco): «Наш современник – Стефан Люпаско – имел румынское происхождение, но жил во Франции. Он оставил Румынию очень рано в возрасте 16 лет и стал одним из самых интересных французских философов. Я заинтересовался им, когда приехал из Румынии, потому что он имел странную идею возродить философию через квантовую физику. Даже Бор, Гейзенберг и Паули не шли настолько далеко, чтобы преобразовать философию в терминах физики, но основывались на общих идеях, которые были

¹²⁴ Transdisciplinarity: Basarab Nicolescu Talks with Russ Volckmann // INTEGRAL REVIEW. 2007. 4. P.73–90.

порождены физикой 20-го столетия и, в частности, квантовой физикой. Люпаско относился наиболее серьезно к парадоксальным особенностям квантовой физики относительно действительности, и он был большим изобретателем, потому что предложил новую логику, названную логикой включенного третьего»¹²⁵.

Здесь же можно вспомнить идеи нашего русского логика Николая Александровича Васильева, который развивал представления об относительности отрицания и существовании разных возможных логических миров, в которых могло бы совмещаться то, что несовместимо в нашем мире¹²⁶. Он ввел понятие воображаемой логики, подчеркнув ее философское и гносеологическое значение. Понятие воображаемой логики носило у Н.А.Васильева, в известном смысле, собирательный характер. «Воображаемая логика, – писал он, – вносит в логику принцип относительности, основной принцип науки нового времени. Логик может быть много». «Таким решением вопроса... мы избегаем как крайнего абсолютизма..., так и крайнего релятивизма...»¹²⁷.

Посмотрим, как реализуется схожие идеи в «логике включенного третьего» Николеску. Он приводит следующее объяснение: «Логика включенного третьего способна к описанию последовательности уровней действительности итеративным процессом, определенным следующими стадиями: (1) пара противоречащих положений (A_0 , не- A_0), расположенных на определенном уровне NR_0 действительности, объединены T_1 -состоянием, расположенном на смежном уровне NR_1 действительности; (2) в свою очередь, это T_1 -состояние связано с несколькими противоречащими положениями (A_1 , не- A_1), расположенными на его собственном уровне; (3) пара противоречащих положений (A_1 , не- A_1), в свою очередь, объединена T_2 -состоянием, расположенным на третьем уровне NR_2 действительности, вплотную смежным с уровнем NR_1 , где дана тройка (A_1 , не- A_1 , T_1). Итеративный процесс продолжается далее, пока все уровни действительности, известной или мыслимой, не будут исчерпаны. Другими словами, действие логики включенного третьего на различных уровнях действительности

¹²⁵ Transdisciplinarity: Basarab Nicolescu Talks with Russ Volckmann. P.75.

¹²⁶ См.: *Васильев Н.А.* Воображаемая логика. М., 1989.

¹²⁷ Цитаты взяты из книги В.А.Бажанова «Н.А.Васильев и его воображаемая логика. Воскрешение одной забытой идеи» (М., 2009. С. 150–151).

порождает открытую структуру этих уровней. Такая структура имеет значительные последствия для теории знания, потому что это подразумевает невозможность самовложенной полной теории. Знание всегда открыто»¹²⁸ (см. рис. 6).

«Включенное третье» (The Included Middle)

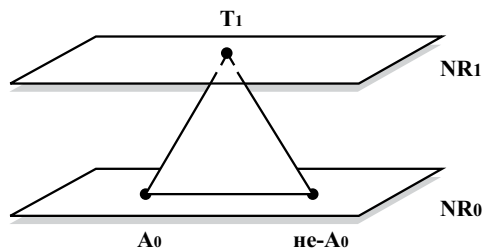

Рис. 6

Таким образом, состояние несовместимости оказывается уровнем, обладая степенями своей величины. То, что несовместимо на нижележащем уровне, может быть совмещено на следующем более высоком уровне, но и на этом уровне всегда остается своя область несовместимого, выходящая за границы области совместимости предыдущего уровня. «Включенным третьим» оказывается в этом случае более совместимое состояние более высокого уровня в отношении к своим несовместимым образам нижележащего уровня. Замечательно, что на этой основе своего рода «переменно-уровневой несовместимости» может быть построена логика не только соседних уровней, но логика предельных последовательностей состояний (так называемая «Логика L-противоречий»), присутствующих на каждом из бесконечных уровней¹²⁹. Основным объектом этой логики оказываются *бесконечные последователь-*

¹²⁸ Transdisciplinarity: Basarab Nicolescu Talks with Russ Volckmann. P. 76.

¹²⁹ См.: Moiseyev V. About Properties of L-Inconsistent Theories // **SORITES**. ISSN 1135–1349. Issue № 17. October. 2006. P. 7–16. <http://www.sorites.org>; Моисеев В.И. Логика всеединства. М., 2002. С. 262–276, 329–339, 386–395; Моисеев В.И. Логика Добра. Нравственный логос Владимира Соловьева. М., 2004. С. 256–259, 284–288.

ности смыслов, имеющие предел, что вполне напоминает объекты математического анализа и топологии, которые работают с бесконечными предельными последовательностями чисел. Наиболее интересными в логике L-противоречий оказываются *бесконечные последовательности истин, имеющих своим пределом противоречие*, – именно они и называются «L-противоречиями» (от лат. «limit» – «предел»). Средствами логики L-противоречий можно строить логику антиномий, в частности, можно пытаться выражать разного рода классические метафизические антиномии – антиномии природы Абсолютного, кантовские антиномии, парадоксы теории множеств и т. д. В отличие от схемы Люпаско, описанной выше, в L-противоречиях на каждом последующем уровне несовместимость не обязательно увеличивается, но может и уменьшаться, стремясь к контрадикторности в пределе¹³⁰. По-видимому, в общем случае возможны разные варианты уровневого изменения мер совместимости–несовместимости. Главное, что логика оказывается динамичной, не статично утверждающей некоторые ресурсы совместимости–несовместимости, как это происходит в формальной логике («логике исключенного третьего»), а предполагающей разные контексты (1-интервалы – см. главу «Интервальный подход») с разными мерами и формами несовместимости, в полноте которых выражается трансрациональная природа антиномических структур (антиномических 2-интервалов).

Одной из первых научных дисциплин, в которой столь мощно зазвучал принцип антиномизма, несомненно была квантовая механика. Принцип дополнительности уже Бором рассматривался как общенаучный принцип, выходящий за границы чисто дисциплинарных квантовомеханических определений. Подобно квантовым объектам, состояние которых описывается квантовомеханической

¹³⁰ Подобная особенность L-противоречий связана с тем, что, по мере приближения к пределу, могут все более сближаться между собой термы, в то время как предикаты остаются неизменными, не зависящими от номера элемента последовательности. Например, в последовательности формул $((1/n=1/n) \& (1/n \neq 1/(n+1)))$ термы $1/n$ и $1/(n+1)$ становятся все ближе друг к другу с ростом n (их несовместимость уменьшается), но они по-прежнему продолжают оставаться неравными, т. е. предикат неравенства $\neq$ остается в этом случае неизменным. Именно такой нарастающий разрыв между сближением термов и неизменностью предикатов даст при переходе к пределу $n \rightarrow \infty$ предельную формулу $((0=0) \& (0 \neq 0))$, т. е. противоречие.

пси-функцией и которые способны в процедурах измерения редуцироваться к дополнительным определениям разных полных наборов, можно предполагать существование в культуре некоторых аналогов подобных квантовых систем, которые также проявляют антиномизм относительно дополнительных социокультурных определений и могут редуцировать себя к своим более радикальным представлениям.

В общем случае можно выделять, по-видимому, целые классы тех или иных социокультурных сущностей, для которых может иметь смысл подобное квантовомеханическое соответствие. Подобные сущности, обладающие транс- или мета-бытием, способные непротиворечиво проявлять себя только в редуктивных 1-интервалах (условиях редукции), но сами выходящие за границы каждой из своих редуций и объемлющие антиномистически их в себе в своей собственной природе (как 2-интервалы), можно было бы называть *антиномами*. С нашей точки зрения, философия трансдисциплинарности может быть плодотворно представлена разного рода антиномами со своими системами редуков и 1-интервалов редукции¹³¹. В этом случае может использоваться методология выражения антиномизма не только в рамках бесконечного, но и конечного числа (в том числе двух) уровней¹³².

7. Образы транс-единого

В этом параграфе мы обратимся к более теоретически насыщенным определениям философии трансдисциплинарности. Классические деления философского знания на онтологию, гносеологию, аксиологию и т. д. несомненно плодотворны, но в то же время не должны нас гипнотизировать более, чем некоторая удобная понятийная сетка, накладываемая нами на целостно-взаимопроникающую реальность. Как нет в природе отдельно физических процессов от химических и биологических, но всегда

---

¹³¹ Об антиномах см. напр.: *Моисеев В.И.* Философия науки. Философские проблемы биологии и медицины: учебное пособие для вузов. М., 2008. С. 455–487.

¹³² О логике таких конечных антиномий см. также: *Моисеев В.И.* Проективно-модальная онтология и некоторые ее приложения // Логические исследования. Вып. 11. М., 2004. С. 215–227.

дано некоторое транс-бытие, в котором все сообщается между собой и входит в состав объемлющего транс-единства, так, с нашей точки зрения, различные аспекты философского знания отсылают нас к единой предметности философии, в которой, в частности, онтологическое и гносеологическое проникают друг друга, образуя некое онто-гносеологическое открытое и динамически становящееся единство. Образ подобного единства, как представляется, коррелирует с идеями постнеклассической рациональности, в которой субъект (момент гносеологического) оказывается существенно онтологическим фактором, формируя более открытое бытие транс-онтологии. Феномен субъектности, сознания и жизни оказывается не внешним фактором, выставляемым за скобки, но укорененным в самом бытии, открывающим бытие на познающего его субъекта и усиливающим онтологический заряд самого познания (см. также главу «Субъектно-ориентированный подход»).

Как уже мог ощутить читатель, философия трансдисциплинарности вырастает для нас как новая жизненно-смысловая вселенная, новый образ постнеклассической реальности, являющий себя в тех или иных жизненных контекстах многоцветием своих образов и ликов. Образ бытия оказывается в этом случае пронизанным многомерным, антиномистическим и открытым на иное единством, которое мы будем обозначать термином *транс-единое*. В этом параграфе мы попытаемся набросать разные образы транс-единого, хотя они уже звучали ранее и будут сопровождать нас на протяжении всего нашего изложения. Здесь мы в некоторой мере представляем более методологически оформленный образ транс-единого, более емко выражающий свою транс-структурность и динамизм.

В истории рациональной мировой традиции – философской и научной, западной и восточной – можно говорить, как нам представляется, о двух основных образах единого, которые условно можно обозначать как *самоединое* и *транс-единое*. Идея само-единого в истории западной философской традиции впервые была столь отчетливо выражена элейской философской школой (Ксенофан, Парменид, Зенон Элейский), которая провозгласила единое высшим принципом философского разума и бытия, представляя его как отличное и несовместимое со многим начало, исключаящее многое и объявляющее его иллюзией, замкнутое в себе чистое самождественное единство. Само-единое и есть такой образ еди-

ного, который исключает свою противоположность, свое иное, замыкаясь в определениях только своего тождественного самобытия. Отсюда возникают известные парадоксы единого, своего рода «ловушки само-единого», в которые попадает философский разум как во времена античности, так и на протяжении последующей философской традиции, вплоть до настоящего времени. Само-единое, отличное от многого, не способно объяснить мир эмпирического и дифференцированного бытия, в котором господствует инобытие и множественность. Само-единое не столько объясняет мир, сколько отрицает его, объявляя многое, движение, разнокачественность бытия иллюзией. Сформулировав универсалию единого как высшую категорию философии, элейская традиция привела античную философию в «ловушку само-единого», отрицания мира дифференцированного и множественного бытия, и эта ситуация стала во многом потенциалом дальнейшего развития античной философии, заставив последующие формы античного разума вырабатывать более гибкий, открытый на иное и динамичный образ единого. Так формируется традиция античной диалектики, представленная великими именами Сократа, Платона, Аристотеля и достижениями всей последующей аристотелево-неоплатонической традиции. Интересно, что до выработки более положительных ответов и образов транс-единого в ответ на ловушки элейского само-единого софистика попыталась дать свой более негативный ответ на элейский вызов, вообще отрицая категорию единого, утверждая абсолютность относительного и многого – как своего рода категории *само-многого*, т. е. такого образа многого, которое замкнуто в себе и внеположено к единому. Подобный ответ, однако, не был подлинным выходом к образам античного транс-единого, но скорее негативным преддверием к нему, гипостазированием категории само-многого, подготовившим путь более положительного решения (пост)сократических образов транс-единого.

Подобный сюжет, с нашей точки зрения, проигрывался с тех пор в истории западной философской мысли на каждом достаточно крупном этапе ее развития, воспроизводя лишь в новых формах вечные темы своего образа само-единого, его ловушек исключения дифференцированного бытия и очередных образов транс-единого, призванного более диалектично, антиномистично и антитетично преодолевать эти ловушки, транс-соединя полюса единого и многого.

Формирование философии трансдисциплинарности может быть рассмотрено с этой точки зрения как образ современного транс-единого, который призван дать достойный ответ на ловушки очередного – теперь уже модернистского – образа само-единого. Как известно, феномен модернизма достаточно хорошо описан и проанализирован в работах представителей постмодернизма. Сторонники постмодернизма полагают, что сегодня человечество вступило в особую эпоху «пост-современности», и для этой эпохи характерны¹³³: 1) агрессивная экспансия глобального капитализма, 2) ослабление государственной централизованной власти (распад бывших империй, коммунистического блока, рост этнических проблем и т. д.), 3) моделирование жизни посредством все более мощной и всеохватывающей технологии, 4) развитие освободительных неклассовых движений: национальных, гендерных, движений сексуальных меньшинств, экологического движения и т. д.

Эпоха пост-современности приходит на смену «модернизму», которому присуще: 1) принятие возможности абсолютного наблюдения – «взгляда творца», т. е. позиции наблюдателя, находящегося вне наблюдаемого мира, 2) склонность к «метанарративам» – большим повествованиям, холистически объясняющим мир, 3) принятие фундаментализма – веры в возможность абсолютно обоснования знания, 4) приверженность универсализму – вере в существование универсальных принципов познания и бытия, 5) репрезентационизм – вера в возможность точного соответствия утверждений о мире и самой реальности.

Взамен модернистской философии постмодернисты предлагают: 1) децентрацию – процедуру помещения в центр дискурса точки зрения непривилегированных социальных групп, 2) деконструкцию – показ исторической обусловленности и противоречивости репрезентативных концепций, 3) различие (дополнение) – рассмотрения знания в связи с тем, что оно вычеркивает или отодвигает на задний план.

Отсюда можно сделать вывод, что в модернизме был сформирован очередной более монистический образ рациональности, в котором господствовали определения само-единого, и на его ловушки попыталась дать очередной ответ более плюралистически-

¹³³ См.: *Ритцер Дж.* Современные социологические теории. 5-е изд. СПб., 2002.

настроенная линия пост-современной философии. Однако сам постмодернизм попадает в те же ловушки само-единого, оказываясь в противоположной крайности абсолютизации множественности и плюралистичности, пытаясь полностью отвергнуть категории единого и целостного бытия. Так рождается образ бытия как само-многого, так же замкнутого в себе и не способного соединиться со своим иным в лице единого. Категории само-единого и само-многого принадлежат одной плоскости бытия, взаимно предполагая друг друга и не обладая возможностью вывести разум на уровень подлинного решения.

Это видно хотя бы из того простого факта, что постмодернизм, критикуя крайности модернизма, создает собственные своеобразные формы логоцентричности, метанарративности и т. д. Роль нового абсолютного наблюдателя выполняет постмодернистский субъект, который неявно создает и обозревает плюралистическое многообразие дискурсов. Для опровержения больших повествований – метанарративов – постмодернисты создают свои достаточно обширные произведения, которые предстают как постмодернистские версии все тех же метанарративных практик. Создается постмодернизмом и новый фундаментализм, утверждающий веру в отсутствие всякой веры, ставящий на вершину ценностной иерархии отказ от всяких иерархий. Отрицание универсализма звучит достаточно универсально, порождая новый постмодернистский универсализм. На обломках старого презентационизма – как веры в соответствие текстов и реальности – рождается новый постпрезентационизм, в рамках которого постмодернисты претендуют на верность своих собственных утверждений относительно своего плюралистического образа реальности. Во многом постмодернисты воспроизводят сегодня определения и крайности античной софистики, облекая ее универсалию само-многого образами и материалом современной культуры.

Надо сказать, что далеко не все современные мыслители разделяют точку зрения постмодернизма и в свою очередь подвергают ее критике. Например, отмечается, что постмодернизм по преимуществу ограничен академической сферой жизни, а не политической борьбой, слишком абсолютизирует идеалистическую и абстрактную онтологию текста, и под лозунгами децентрации и деконструкции проводит довольно жесткое стремление занять

в академическом дискурсе монопольное положение. Интересно также, что постмодернизм появляется именно в тот момент, когда начинают ставиться под вопрос многие претензии академического сообщества. В связи с этим, спрашивают некоторые (например, Нэнси Хартсок (Hartsock¹³⁴)), не представляет ли собою постмодернизм некоторый изощренный способ защиты академической монополии? В частности, феминистское движение далеко не во всем согласно с постмодернистскими лозунгами. В феминизме велико влияние так называемого «принципа включения», преодолевающего культуру «Другого». С этой точки зрения постмодернизм склонен слишком многих относить к «другим», исключая их из сферы своих интересов. Интересна также в этом смысле «феминистская эпистемология определенной точки зрения», утверждающая, что любое знание (в том числе и постмодернистское) пристрастно, и за ним стоит позиция определенного сообщества, например, мужчин или представителей привилегированного академического класса, формирующего свою «политику знания».

Так в очередной раз история играет свою пьесу, выявляя глубинное родство тезиса и антитезиса, одинаково отрицающих друг друга и потому нуждающихся друг в друге и одинаково не способных выйти на более глубокий уровень транс-единого, где будут преодолены ловушки старого и порождены ловушки нового образа само-единого.

Философия трансдисциплинарности рассматривается нами как формирующийся сегодня проект нового образа транс-единого, который способен преодолеть ловушки модернистского само-единства, но не отвергая его внешне, как это пытались делать постмодернисты, попадая в свои собственные ловушки, а более органично погружая модернистский образ само-единого и постмодернистский проект само-многого в более полный образ открытого и становящегося, антиномистически мерцающего разными дополнительными ипостасями образа пост-современного транс-единого (*пост-транс-единого*)¹³⁵.

¹³⁴ Hartsock N. Foucault on Power: A Theory for Women? // L.Nicholson (ed.). *Feminism/Postmodernism*. N.Y., 1990. P. 157–175.

¹³⁵ Итак, говоря более конкретно, можно дать следующие определения: «транс-единое – это вид единого, открытый на многое, а не исключаящий его», «пост-транс-единое – исторический образ транс-единого, который формируется в эпоху пост-современности». Именно с пост-транс-единым, с нашей точки

Переходя к более структурированному представлению универсалии пост-транс-единого, т. е. образа транс-единого, формируемого философией трансдисциплинарности, мы хотели бы отметить в нем такие черты, как многомерность, многоуровневость и многоликость.

Пост-транс-единое являет себя как многообразие различных смысло-полярных пар-измерений, где можно отметить такие дуальности, как:

- трансдисциплинарность – (меж)дисциплинарность,
- синтез – анализ,
- открытость – автономность,
- субъектность – объектность,
- локальность – глобальность,
- антиномичность – непротиворечивость,
- экстремальность – медиальность,
- опыт предельного – повседневность,
- отношение – субстанция,
- различие – тождество,
- сложность – простота и т. д.

Подобные смысло-измерения транс-единого можно перечислять до бесконечности, и в нашем тексте многие из них неоднократно выражаются и развиваются. Общая идея подобных транс-измерений состоит в том, что для каждого измерения есть анти-полюса модернизма и постмодернизма – как современные версии само-единого и само-многого, – и каждое измерение транс-единого являет себя как их антиномистическое единство, включающее в себя (пост)модернистские крайние решения и превышающее их в образе некоторого более открытого и динамичного транс-бытия.

В приведенных выше формулировках пар могут быть разные варианты, когда, например, элементы пары выражают полярности модернистского и постмодернистского решения (такие пары можно называть *горизонтальными*, т. к. их полярности лежат на одном уровне – как бы на одном горизонте). Таковы, например, пары раз-

---

зрения, во многом связана философия трансдисциплинарности, преимущественно развивая его вокруг тех или иных образов дисциплинарного научного знания, но и более-менее далеко выходя за его границы, как нарушая его деления внутри феномена науки, так и вообще превышая научно-дисциплинарный дискурс в своих прорывах с помощью современных способов философской рефлексии в сферу жизненного мира.

личия и тождества, отношения и субстанции, сложности – простоты и т. д. Первым элементом пары здесь представлен более близкий нам по времени пост-модернистский антитезис, в то время как более модернистский тезис выражен как второй элемент пары. Второй вид парных дуальностей – это пары вида «транс-единое – его аспект (само-единое или само-многое)». Такова пара «трансдисциплинарность – (меж)дисциплинарность». В таких парах-измерениях, которые можно называть *вертикальными*, первый элемент выражает некоторый частный образ транс-единства (в нашем примере – «трансдисциплинарность»), а второй элемент – это подчиненный ему полюс более само-единого («дисциплинарность») или более само-многого («междисциплинарность») образа бытия.

В общем случае универсалия пост-транс-единого являет себя как многомерная смысло-бытийная система, образующая самоорганизующийся перекресток напряженных антиномистических пар, полюсами которых выступают крайности само-единых и само-многих, а каждое измерение в целом символизирует некоторый частный образ транс-единства, антиномистично, открыто на иное, и динамично вбирающий в себя крайности своих полюсов-пределов.

С таким пониманием транс-единого оказываются органично связанными разного рода более частные транс-методологические конструкции и технологии. В нашей книге мы несколько более подробно останавливаемся на некоторых из них. Таковы, например, идеи *интервального* и *интегрального подходов*, *субъектно-ориентированные* методологии, например, модели *субъектных онтологий*, транс-методологии разного рода антиномистических дискурсов, допустим, транс-структуры так называемых «*антиномов*», и т. д.

Глава 4. Субъектно-ориентированный подход

Еще одной важной составляющей трансдисциплинарности представляется нам субъектно-ориентированный подход, в рамках которого используются новые принципы объективности и рациональности, не исключающие, но существенно вбирающие в себя разного рода субъектные феномены, например, феномен жизни, сознания, ценностей и т. д.

Философия трансдисциплинарности существенно нуждается в новых образах реальности, где дисциплинарные картины мира, преимущественно ориентированные на объектный образ реальности и исключаящие феномены жизни-знания и жизни-сознания, будут восполнены субъектными структурами жизненного мира, в которых бытие носит характер подлинного субъект-бытия, будучи в самых основаниях пронизанным жизненностью и субъектностью. Вот почему в разного рода трансдисциплинарных проектах имеется острая нужда в компетентных представителях широкой общественности – их силами структуры бессубъектной научной рациональности должны быть восполнены образами субъектной половины мира, где феномен жизни и сознания существенно укоренен в основаниях самого бытия. Трансдисциплинарность ставит перед нами задачу расширения образа реальности на единство объектных и субъектных структур, причем такое расширение должно найти свое выражение в рамках трансдисциплинарных образов постнеклассического научного знания. В связи с этим остро стоит проблема построения новых моделей реальности, которые могли бы соединять в себе объектные и субъектные структуры в рамках единой реальности. В этой части мы рассмотрим возможный проект такой модели, обозначая ее как модель «субъектных онтологий».

1. От объект- к субъект-бытию

В общем случае мы исходим из такого трансдисциплинарного образа реальности, в котором структуры транс-единого распространяют себя в том числе на измерения объектного и субъектного, координируя их в рамках единого образа субъект-объектного бытия. Это означает, в частности, что возможны не только объектные, но и *субъектные объективные формы бытия*. В общем случае можно говорить о четверке следующих терминов.

1. Гносеологические понятия.

1.1. «Объективное» – необходимо истинное, верно выражающее реальность.

1.2. «Субъективное» – случайно истинное, произвольное или ложное, не соответствующее реальности.

2. Онтологические понятия.

2.1. «Объектное» – относящееся к объектам как неживым, неорганическим сущностям.

2.2. «Субъектное» – имеющее отношение к субъектам, т. е. живым существам.

Дисциплинарно организованное знание до сих пор в истории науки исходило из объектной парадигмы научной рациональности, когда объективное понималось как объектное. Все, относящееся к субъектам, должно быть элиминировано из определений такого научного знания. Таковы формы классической научной рациональности в смысле В.С.Стёпина. Последующие неклассические и постнеклассические типы научной рациональности так или иначе движутся в направлении постепенного включения субъектных структур в расширенную предметность научного знания, и феномен трансдисциплинарности понимается нами как в том числе утверждение субъект-объектного типа научной объективности и рациональности.

В частности, это означает, что должно быть существенно изменено представление о структуре самой реальности – наряду с объективно объектными типами бытия (*объект-бытием*) она должно включать в себя и объективные образы субъектности (*субъект-бытие*). Здесь впервые субъектное перестанет быть субъективным, но приобретет характер *субъектной объективности*.

Наиболее существенное продвижение на пути к субъект-бытию должно быть, с нашей точки зрения, сделано в направлении главной основы субъект-бытия – бытия разного рода форм психики и сознания, в конечном итоге – *бытия внутреннего мира*, поскольку именно обладание своими собственными внутренними мирами представляет собой наиболее характерную черту различных форм жизни¹³⁶. Итак, с нашей точки зрения, наиболее принципиальный вид субъект-бытия, который должен быть введен в трансдисциплинарные формы научного знания, – это бытие внутреннего мира живого существа. Модель «субъектная онтология» начинает свои определения именно с решения этой задачи – показать внутренний мир как существенный онтологический фактор, тесно скоординированный с формами бытия внешнего мира.

¹³⁶ См. также: Моисеев В.И. Теоретическая биология: основные принципы // Филос. науки. 2009. № 1. С. 60–74.

2. Феноменологическая генетика «внутреннего» и «внешнего»

Посмотрим, во-первых, как возникают представления о внутреннем и внешнем мире в рамках *генетико-феноменологического подхода*, под которым можно понимать описание генезиса (развития, эволюции) некоторой целостности в рамках феноменологического подхода (понимаемого, например, в смысле Гуссерля – как единства «жизненного мира», в котором регионы внутреннего и внешнего мира лежат рядом друг с другом). Классическим примером феноменологической генетики в этом смысле является знаменитая «Феноменология духа» Гегеля, в которой он прослеживает степени и формы генезиса сознания.

Согласно исследованиям генетической психологии Жана Пиаже, первоначальное состояние сознания новорожденного представляет собой недифференцированный хаос, где нет ни объектов, ни внутреннего мира, но дана некоторая «каша бытия», где все фрагментировано и перемешано. И лишь со временем из этого прото-фона бытия начинают формироваться первые регионы и виды бытия, которые постепенно соотносятся между собой и подводятся позднее под некоторые инварианты. Одной из центральных инвариант опыта оказывается в этом случае дихотомия совокупного бытия на два региона внутреннего и внешнего бытия.

Эти два региона обладают разными свойствами, например, постепенно субъект обнаруживает, что есть некоторые виды персонального бытия, которые в своей непосредственности даны только ему и больше никому другому. Таковы собственные чувства и мысли. У себя субъект может пережить их достаточно явно, постепенно понимая, что такая непосредственная данность больше не свойственна никому, кроме него самого. Так формируется *персональный регион бытия*, непосредственно данный только этому субъекту. С ним далее связываются образы собственной телесности, отделяя формы тела данного субъекта от тел других субъектов (например, прикосновение к моей руке переживается иначе, чем прикосновение к руке другого). В персональном регионе выделяются области непространственной (эмоции) и пространственной (ощущения тела) переживательности.

С другой стороны, параллельно формированию персонального региона очерчивается область общедоступного бытия, которое одинаково дано всем субъектам – одинаково в том смысле, что субъект находит постоянные подтверждения данности этого бытия не только себе, но и другим субъектам. Так очерчивается *межперсональный регион*.

В межперсональном регионе дифференцируются две области, одна обладает пространственными формами и больше видится, чем переживается, а вторая область бесформенная и переживательно дана многим субъектам («коллективная психика», «общественные чувства» и т. д.). Так закладываются основания *межперсонально-пространственного* и *межперсонально-переживательного* регионов. Первый оказывается позднее основанием выделения внешне-го мира, второй – коллективного внутреннего мира (общие чувства, желания, представления в семье и других сообществах).

До некоторого времени субъект может воспринимать других людей как не обладающих своим собственным миром, поскольку регион внутреннего мира может быть еще не выделен у этого субъекта. Субъект может лишь отмечать данность некоторых видов бытия в своем прото-фоне и реакции недоступности этого бытия со стороны некоторых живых тел (вопрос: «ты видишь эту радость?» – ответ: «нет»), которые позднее станут телами других людей, а пока представляют собой некоторые своеобразные тела в общем прото-фоне бытия.

Далее в истории сознания происходит подлинный коперниканский переворот – субъект обнаруживает, что другое живое тело может быть связано со своим внутренним миром, в котором может быть нечто недоступное данному субъекту (согласно Пиаже, это подпериод конкретных операций 7–11 лет. В интегральном подходе Уилбера «децентрация» первичного нарциссизма соответствует 4 уровню конвенционального сознания). Такое живое тело возникает как «другой», как «другое Я». Но тогда возникает и «мое Я», которое для другого выступает как не-Я. Внутренний мир размножается до моего и других внутренних миров, в связи с чем меняется и образ внешнего мира – он возникает как внешний мир для всех внутренних миров.

Размножение внутреннего мира сопровождается его дифференциацией на персональную и межперсональную области – последняя определяется как область «общего внутреннего», где

находится то, что философия называет «коллективным (общественным) сознанием». Во внешнем мире также окончательно проявляет себя дифференцировка на персональную область своей телесности и общую коллективную сферу пространственного общедоступного бытия.

Оформившись в своих определениях, внутреннее обнаруживает характерную диалектику. Выделив в феномене своей субъектности позиции Я и не-Я, можно трансцендировать весь фон определенности как *свою картину реальности*, переводя в локальность ранее глобальный прото-фон бытия. В таком виде в состав внутреннего способно переходить все совокупное бытие – это еще одна важнейшая характеристика внутреннего мира (мы ведь всегда можем сказать по поводу всей реальности – «это лишь *мой образ* реальности»). С другой стороны, можно всегда совершить и обратную процедуру – сделать глобальным свой образ реальности (я верю в свой образ реальности, и тогда он – *сама реальность*), т. е. как бы перевести в глобальность ранее локальное, так что мой образ реальности окажется самой реальностью, если, например, я полагаю этот образ верным. Так внутреннее обнаруживает свой удивительный *локально-глобальный характер* – это такой вид бытия в составе совокупного прото-фона, который всегда может быть локализован, и обратно – из локальности своей может перейти в тотальность всего онтологического фона, фона всего бытия. *Внутреннее обнаруживает себя как вид бытия, который всегда может перейти в само бытие, и наоборот, внутреннее дается как такое бытие, которое всегда может быть «сдвинуто» и сжато в некоторый вид бытия, обнаружив за собой более глобальный онто-фон.*

Так постепенно, в результате достаточно длительного развития сознания возникают представления о внутреннем и внешнем мире, о великом делении всей сферы бытия на области субъект- и объект-бытия.

Подобная *феноменологическая генетика* видов определенности полезна с точки зрения реконструкции определений, в первую очередь – определений внутреннего и внешнего.

Как видно из приведенной выше генетической зарисовки, внутреннее есть такой вид бытия, который характеризуется следующим:

1) в нем есть *персональный регион бытия*, который дан бесформенно (непространственно) и переживательно только моему Я (такое внутреннее соответствует верхнему левому квадранту «Я» в горизонтальных делениях AQAL-схемы в интегральном подходе Кена Уилбера),

2) далее, во внутреннем дифференцирован и регион *непространственного общедоступного бытия* (сфера «коллективно-внутреннего», соответствующего левому нижнему квадранту «МЫ» в горизонтальной схеме Уилбера),

3) во внутреннем дана *раз-множенность*, которая умножает внутреннее на мое и не-мое, открывая Я за не-Я и не-Я за Я и порождая образ множества отдельных Я разных субъектов. В такой размноженности внутреннее проявляет свою инвариантную природу, поднимаясь до уровня *трансперсонального субъект-бытия*, которое может проявлять себя аспектами отдельных персональных внутренних разных субъектов и регионом коллективного внутреннего, общего для всех субъектов (в горизонтальных делениях Уилбера такое бытие внутреннего можно сопоставить объединению левых секторов «Я–МЫ» для разных субъектов, поскольку каждому субъекту может быть сопоставлена своя индивидуальная версия всей горизонтальной схемы «Я–МЫ–ЭТО–ЭТИ», т. к. индивидуален полюс «Я» для каждого субъекта),

4) наконец, субъект-бытие внутреннего обнаруживает *диалектику локального-глобального*, в которой внутреннее способно переходить во все бытие, по сути переставая быть *только* внутренним (*глобализация локального*) и, наоборот, отслаивать себя как локальное бытие от своей роли фона всего бытия, онто-фона (*локализация глобального*). В такой роли внутреннее являет себя уже после своего размножения как трансперсонального внутреннего (в интегральном подходе Уилбера диалектика внутреннего может быть воспроизведена таким интересным приемом, что левые секторы способны переходить в статус всей горизонтальной схемы, и наоборот – вся горизонтальная схема может сжиматься в левые секторы).

Бытие, характеризуемое этими четырьмя главными характеристиками, может быть определено как «внутреннее бытие», «внутренний мир», «субъект-бытие».

В соотношении с внутренним дифференцирует себя и внешнее бытие. Приведем его основные определения, исходя из приведенной выше генетики сознания.

Бытие, называемое «внешним», может быть охарактеризовано следующими определениями:

1) главным регионом внешнего бытия является система *пространственных общедоступных сущностей*, которые преимущественно даны зрительно (пространственно-нейтральным чувством) при слабом эмоциональном переживании (в горизонтальной AQAL-схеме Уилбера такой регион соответствует нижнему правому квадранту «ЭТИ»),

2) среди всех пространственных общедоступных сущностей выделяется регион, повышенно связанный с персональным непространственным переживательным регионом (областью персонального внутреннего). Он формируется как область «моей телесности» (что соответствует верхнему правому квадранту «ЭТО» в подходе Уилбера),

3) с размножением внутреннего происходит усиление инвариантности и внешнего. Оно начинает выступать как внешнее ко всем внутренним – как персональным, так и коллективному (в горизонтальных делениях философии Уилбера это единство всех правых квадрантов, остающихся теми же самыми для всех левых квадрантов всех субъектов),

4) наконец, внешнее определяет себя и в связи с диалектикой локального-глобального, которой подвергается внутреннее бытие. Однако внешнее бытие в этом случае гораздо менее диалектично – оно определяется как достаточно неизменный регион, который в любых диалектических модификациях внутреннего всегда выражает себя как область инвариантности, внешняя ко всем внутренним. Когда некоторое внутреннее локализуется, оно оказывается вне такого внешнего. Когда же внутреннее становится глобальным, переходя в весь онтологический фон (и переставая быть только внутренним, становясь внутренне-внешним бытием), то внешнее оказывается его частью, по-прежнему внешней ко всем локальным внутренним (в горизонтальных делениях Уилбера такое внешнее выражает себя по-прежнему как единство правых секторов, но сохраняющее себя во всех глобально-локальных трансформациях левых секторов для всех субъектов).

Тип бытия, соответствующий указанным четырем феноменолого-генетическим характеристикам, является тем, что мы обычно называем «внешним», «внешним миром» и что можно также обозначать как «объект-бытие».

Единство внутреннего и внешнего покрывает всю полноту бытия, поскольку любая определенность дана либо во внутреннем, либо во внешнем мире, либо в их единстве. Такое полное бытие, которое объединяет субъект- и объект-бытие, мы будем обозначать терминами «полно-бытие», «субъект-объект-бытие» (в схеме Уилбера это единство всех секторов – и левых и правых, и верхних и нижних).

3. Топика субъектных онтологий

Определившись несколько с характеристиками внешнего и внутреннего бытия, мы обратимся далее к некоторым более структурным определениям модели, средствами которой можно более строго выразить описанную феноменологию субъект-объект-бытия. Такая модель будет обозначаться термином «субъектная онтология», поскольку ее средствами можно будет выражать наиболее важные сегодня характеристики субъект-бытия, используя для этого существенно онтологические средства, прописывая субъект-бытие как важную составляющую онтологии в целом, без которой такая онтология невозможна.

Модель субъектной онтологии предполагает, во-первых, некоторый глобальный фон (прото-фон, онто-фон), в рамках которого будут далее дифференцироваться те или иные регионы бытия. Итак, да будет прото-фон бытия Φ ! Вот первый акт бытия.

Далее в прото-фоне Φ будем выделять разные регионы бытия, в первую очередь те из них, которые связаны с дифференциацией внутреннего и внешнего бытия. Все последующие регионы P будут частями прото-фона Φ , что можно выражать отношением нестрогого порядка $P \leq \Phi$. На множестве регионов из Φ будем предполагать заданной булеву алгебру, где $X * Y$ – булево умножение (пересечение) регионов, $X + Y$ – булево сложение (объединение) регионов, $Y - X$ – дополнение региона X до региона Y (регион Y без региона X). Примем сокращение, понимая $\lceil X$

как $\Phi-X$ – дополнение региона X до всего прото-фона Φ . Введем также нулевой регион 0 . В такой алгебре Φ – это булева единица, 0 – булев ноль.

Выделим далее персональный (личный) регион бытия L , который обладает пространственной бесформенностью, непосредственной переживательностью и не является общедоступным. В этом регионе, например, находятся мои чувства и мысли.

Пусть далее p – пространственность (оформленность), $ч$ – переживательность (чувственность), $к$ – общедоступность (коммунальность). Тогда каждую определенность можно характеризовать вектором $(p,ч,к)$, где каждый параметр может быть равен в простейшем случае либо 0 (характеристика не выполнена), либо 1 (характеристика выполнена). В этом случае персональный регион L может быть представлен вектором

$$L = (p(0),ч(1),к(0))$$

– как непространственное, переживательное и персональное бытие.

Вместе с персональным регионом L выделяется далее общедоступный регион K , где $K \supset L$ – общедоступный регион является частью дополнения личностного региона, т. е. K лежит вне L .

В K можно выделить два под-региона – общедоступный бесформенный и переживательный регион $KЧ$ (коллективной переживательности) и общедоступный, пространственный и непереживательный регион $KП$ (коллективной пространственности). Здесь имеем такие характеристики:

$KЧ = (p(0),ч(1),к(1))$ – непространственный, переживательный и коллективный регион бытия,

$KП = (p(1),ч(0),к(1))$ – пространственный, непереживательный и коллективный регион бытия.

Если некоторый регион по своей координате x может принимать как значение 0 , так и значение 1 , то значение координаты x будем передавать в виде $x(1,0)$.

Тогда регион K можно выразить в виде:

$K = (p(1,0),ч(1,0),к(1))$ – коллективный регион бытия.

Здесь, по-видимому, существует закон следующего вида:

(Аксиома Декарта) «Если $p(1)$, то $ч(0)$ »

– «если нечто пространственно, то оно непереживательно». Под «пространственностью» имеется в виду восприятие зрительных образов, которые только в такой форме строятся как достаточно нейтральная безэмоциональная структура, и переживания могут добавляться к ней в связи с некоторыми непространственными определенностями, например, восприятием некоторого тела как пищи или как врага. Интерпретация зрительного образа как символа некоторой ценности идет не от самого образа, но от ценности, которая дополнительно связывается с этим образом. Сам по себе зрительный образ непереживательный. Это доказывается также и тем, что может меняться оценка зрительного образа, например, сытое животное может стать безразличным к зрительному образу пищи.

Отсюда следует, что «Если $ч(1)$, то $п(0)$ » – «если нечто переживательно, то оно непространственно» (*Теорема Декарта*).

Следовательно, не может быть состояний вида $(п(1),ч(1),к)$, т. е. одновременно пространственных и переживательных, в связи с чем регионы КЧ и КП имеют нулевое пересечение, т. е. $КЧ*КП = 0$.

Далее выделим регион *внутреннего бытия* И. Он будет включать в себя индивидуальные внутренние I_n , $n=1,2,\dots,N$ и коллективное внутреннее I_k . Полагаем, что $I_k * I_n = 0$ (коллективное и индивидуальные внутренние не пересекаются), $I_n * I_m = 0$ при $n \neq m$ (разные индивидуальные внутренние не пересекаются) и $I = I_k + \sum_n I_n$ – внутреннее есть объединение коллективного и всех индивидуальных внутренних. Пусть I_1 – внутреннее данного субъекта, с точки зрения которого дается образ всей онтологии.

Координации этих новых регионов с регионами Л и К такова. В связи с выделением множества внутренних личностный регион Л делится на виды L_n , $n=1,\dots,N$, где $L_n \leq I_n$ – n-е персональное бытие является частью n-го внутреннего, и $I_k \leq K$ – регион коллективного внутреннего есть часть коллективного региона К, и коллективное внутреннее включает в себя регион коллективной переживательности ($КЧ \leq I_k$). Строгие неравенства $L_n < I_n$ и $КЧ < I_k$ могут выполняться, например, в связи с тем, что частью внутреннего мира могут быть зрительные образы. Они даются непереживательно, согласно аксиоме Декарта,

но в то же время относятся к внутреннему бытию, выступая не как сами пространственные формы, но их *образы* во внутреннем мире n -го субъекта.

Наконец, выделяем *регион внешнего* E . Он также является частью региона коллективного бытия K , включая в себя коллективный пространственный регион $KП$, т. е. $KП \leq E$. Строгое неравенство $KП < E$ может быть связано с тем, например, что во внешнем может присутствовать свое непространственное бытие, например, *законы природы*, которые хотя и проявляются через пространственные формы внешнего мира, но сами непространственны.

Внутри региона E есть также регионы индивидуальных телесностей T_n , $n=1, \dots, N$, – по одному для каждого индивидуального внутреннего I_n .

Регионом n -й субъектности C_n теперь можно называть сумму $C_n = I_K + I_n$ из коллективного и n -го внутреннего. Наконец, *регионом n -й субъект-объектности* $CO_n = C_n + T_n$ будем обозначать сумму из n -й субъектности C_n и n -й телесности T_n .

Построив первоначальную систему онтологических регионов, мы затем должны выразить самое специфическое свойство внутренних регионов бытия – их способность переходить в состояние прото-фона бытия Φ . Будем полагать, что такой способностью обладает регион n -й субъектности C_n . Более конкретно будем предполагать наличие *отображения глобализации*

$$\Gamma_n(C_n) = \Phi,$$

которое превращает регион C_n в весь прото-фон Φ , в котором вновь восстанавливается вся описанная топика регионов, в том числе и свой регион C_n .

С другой стороны, прото-фон Φ может быть локализован обратным отображением Γ_n^{-1} в некоторый n -й субъектный регион C_n :

$$\Gamma_n^{-1}(\Phi) = C_n.$$

Это и значит, что n -е внутреннее C_n может переходить во все бытие Φ , и обратно – бытие Φ может обнаруживать себя как некоторый внутренний мир C_n некоторого субъекта, воспроизводя топика Φ внутри региона C_n . Отсюда следует, что топика регионов является *инвариантом* отображений глобализации и локализации.

Именно такое удивительное свойство характерно только для внутреннего бытия, в отличие от бытия внешнего. Последнее никогда не может быть сделано глобальным, т. е. не существует отображения $\Gamma(E)=\Phi$, если только не предполагать, что внешнее E также является видом внутреннего некоторого субъекта¹³⁷.

Описанные структуры регионов R формируют в целом модель онтологии, в которой объектные и субъектные определения тесно переплетаются, в частности, феномен внутреннего И занимает важнейшую часть полного бытия онтологии Φ и играет в ней центральную роль в связи с отображениями глобализации и локализации. Подобного рода онтологическую модель мы будем называть моделью «субъектной онтологии». Точнее, конечно, было бы использовать термин «объект-субъектная онтология», но для краткости будет приниматься первый термин (кроме того, отображение локализации вскрывает возможный субъектный характер и самого полно-бытия). Заметим также, что хотя общая топика (система описанных выше основных регионов) субъектных онтологий остается более-менее постоянной (за исключением их постепенного появления и дифференцировки на ранних стадиях онтогенеза субъекта), но конкретное содержание этих регионов постоянно меняется и становится, пронизывая движением структуры субъект-объектного бытия.

Также стоит заметить, что в описанной модели субъектных онтологий единство регионов достигается не за счет их пересечений (операции булева умножения *), но за счет объединений (операции булева сложения +). Например, единство n-го внутреннего субъектного региона C_n и его телесности T_n достигается в рамках n-го субъект-объектного региона CO_n , который является *булевой суммой* объединяемых регионов, т. е. $CO_n = C_n + T_n$. На этой основе предполагается решение психофизической проблемы – объединяет «душу» и тело их *целое*, своего рода «тело-душа», аспектами которой являются «душа»-отдельно (как регион C_n) и тело-отдельно (регион T_n). Впрочем, ничто не мешало бы нам расширить модель, вводя и ненулевые области пересечения между регионами – в конечном итоге это больше вопрос именованя разбиений прото-фона Φ .

¹³⁷ Например, внешнее бытие является внутренним для «Души Мира» в ряде метафизических философских систем (допустим, в лице Софии в русской философии всеединства).

В основе трансдисциплинарной онтологии, с нашей точки зрения, должны лежать модели реальности как различные субъектные онтологии.

Господствующие в современном дисциплинарном научном знании различные дисциплинарные образы реальности определяют себя только в рамках внешнего региона E , в то время как тенденции неклассической и постнеклассической научной рациональности, согласно В.С.Стёпину, направлены в сторону движения к образам реальности как субъектной онтологии (включение субъектности в предмет научного знания).

Самое специфичное, что возникает в субъектных онтологиях с точки зрения классического, объектно ориентированного, научного знания, – это разные образы *объективной субъектности*, которые принадлежат тем или иным регионам внутреннего I и столь же объективны в составе полной картины реальности Φ , что и объектные структуры внешних регионов. С одной стороны, структуры объективной субъектности формируются сегодня в гуманитарных науках, особенно в рамках феноменологической методологии гуманитарного знания в духе Гуссерля и Дильтея. С другой стороны, в поисках такой объективной субъектности трансдисциплинарная методология предполагает привлечение к реализации проектов и разного рода ненаучной общественности¹³⁸, которая может привнести образы более широкой объективности, включающей структуры здравого смысла и вообще жизненного мира.

Кроме того, полный образ реальности в субъектных онтологиях (как прото-фон Φ) может быть прочитан и как система измерений многомерного образа *пост-транс-единого*¹³⁹, где встречаются измерения объектного-субъектного, индивидуального-коллективного, пульсирует антиномистическая диалектика глобально-локальных образов субъект-бытия и т. д. Каждое из крупных измерений в этой субъект-объектной архитектонике может дифференцироваться на множество более частных своих под-пространств со своей внутренней многомерностью. Например, в измерении «внутреннее–внешнее» можно выделять под-полярности «ценностного–фактического», «рационального–эмпирического», «априорного–апостериорного» и т. д.

¹³⁸ См. параграф «Принципы проектирования трансдисциплинарного исследования».

¹³⁹ См. параграф «Образы транс-единого».

РАЗДЕЛ III. ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ: ОПЫТ ФИЛОСОФСКОГО ОБОСНОВАНИЯ

Глава 1. К трансдисциплинарной философии науки: образы обобщенной (ин)вариантности

В этом разделе мы хотели бы поставить проблему нового понимания феномена научного знания, существенно связанного с философией трансдисциплинарности. С нашей точки зрения, философия трансдисциплинарности определяется не только мощным импульсом «транс», выводящим вовне той или иной традиции, но и обладает своеобразной «*транс-кумулятивностью*», вбирающей в себя достижения предыдущих стадий развития знания и опыта. Такая транс-кумулятивность формируется на основе своеобразного скачка и прерыва постепенности с предыдущей стадией, вбирая ее в себя не монотонно-механически, но преобразенно и сублимированно в некотором принципиально новом состоянии, которое оказывается «больше» субъекта, обладает моментом неконтролируемости и сложности, много-направленности и непредсказуемости. В основе транс-кумулятивности лежит превышающее включение прошлого, сопровождающееся достижением некоторой «критической массы» новизны, вызывающей к жизни разрывы и пробелы, скачки в области складок синергетической поверхности эволюционирующей системы.

Философия науки даже в самом узком понимании этого термина, как известно, имеет уже собственную историю. Общепринято выделение в философии науки XX в. двух основных периодов, попадающих примерно на первую и вторую половину века и связанных с направлениями нео- и постпозитивизма. Сильной стороной неопозитивизма является достаточно строгая модель научной

теории, которая, однако, носит чисто синтаксический характер и совершенно бессубъектна. С нашей точки зрения, трансдисциплинарная модель научной теории должна соединить сильные стороны строгой неопозитивистской модели и социокультурных интерпретаций научного знания в постпозитивизме. В таком виде философия трансдисциплинарности предстанет в философии науки как своего рода *транс-позитивизм*, трансцендирующий обе исторические версии позитивизма и выходящий в новое измерение понимания феномена научности.

1. Феномен субъект-объектной объективности

Как уже было отмечено, трансдисциплинарная модель научной теории могла бы поучиться у неопозитивизма *строгости* структурных построений, у постпозитивизма – *субъектной* интерпретации феномена научного знания. В итоге в трансдисциплинарной философии науки должна использоваться некоторая *субъектная структурность* для выражения феномена науки как существенно субъектного феномена, который, тем не менее, в достаточной мере организован, чтобы иметь характерные особенности на фоне иных форм субъектной жизнедеятельности (искусства, религии и т. д.). Различные модели научной теории должны найти свое обоснование в рамках новой концепции в качестве некоторого предельного случая (чем будет выражен определенный случай принципа соответствия и транс-кумулятивности).

В качестве выражения идей субъектной структурности мы намерены использовать описанную выше модель *субъектных онтологий*¹⁴⁰. *В рамках этой модели может быть достаточно строго представлена определенная математическая структура, и в то же время эта структура направлена на представление существенно субъектных определений.*

В связи с этим первое, что необходимо отметить в рамках построений трансдисциплинарной философии науки, – это понимание научной теории как проявления жизнедеятельности некоторого субъекта, которого далее мы будем называть субъектом-ученым. Такой субъект создает научную теорию, поддерживает ее

¹⁴⁰ См. главу «Субъектно-ориентированный подход».

и развивает, прикладывая к решению тех или иных практически-эмпирических вопросов. Научное знание не висит в бессубъектном вакууме, но создается соответствующей субъектной инстанцией, оказываясь некоторым родом зависимого и условного ее бытия – проявлением субъектной активности и деятельности. Таким образом, акцент в понимании феномена научной теории должен быть перенесен на бытие субъекта-ученого в рамках теоретических построений философии трансдисциплинарности.

Далее мы должны строить модель субъекта-ученого как субъектный центр бытия, который воплощает в себе систему субъект-объективных определений. Субъектность в данном случае не должна обозначать субъективности, но призвана выражать определения именно *субъектной объективности*. Понятно, что каждый конкретный ученый лишь отчасти может выразить в себе такого рода субъектную идеализацию, но в меру такого выражения он начинает нести в себе нечто субъектно-научное, преодолевая свою субъективную субъектность.

Объективная субъектность ставит вопрос о бытии истины как существенно субъектного типа бытия, который, тем не менее, лишен признаков субъективности. В общем случае субъектная объективность восходит, по-видимому, к укоренению субъектности в самых основаниях бытия, представляя его как существенное *субъект-бытие*. Проблема не столько в том, чтобы правильно отразить в субъектной среде некоторые внешние объектные определения и тем самым достичь объективности, которая хотя и носит субъектный характер, но достигает его в рамках максимального уничтожения субъектности на ее собственной почве. Проблема теперь состоит в том, чтобы воспроизвести в своей субъектной среде те объективные формы субъект-бытия, которые имманентно присущи любому подлинному бытию. Само бытие в своих основах субъектно, несет в себе некоторую объективную субъектность, которая и должна быть воспроизведена в каждой индивидуальной субъектности. Индивидуально-субъектное должно воспроизвести в себе универсально-субъектное, оказываясь субъектностью, сочетающей в себе определения уникального и универсального. *Порождение сквозь формы своей уникальной субъектности определений универсально-субъектного и лежит в основании объективной субъектности*. Субъектность оказывается в этом случае

не помехой к постижению объективного, но его существенным условием, благодаря которому объективное – как субъектно-объективное – только и может быть воспроизведено.

От философии субъектности как своего рода «вторичных качеств», обладающих иллюзорным бытием в составе подлинной реальности, необходимо перейти к образу бытия, где «вторичные качества» оказываются лишь новым слоем объективно-субъектного бытия, которое может быть воспроизведено в индивидуальной субъектности. Например, ощущение цвета с этой точки зрения существует не только в нашем сознании, но дано в некотором «объективном внутреннем» всего мира¹⁴¹, с которым происходит резонанс нашего индивидуального внутреннего, когда мы воспринимаем цвет. В самой реальности есть не только электромагнитные колебания видимой части цветового спектра, но есть и само ощущение цвета, связанное с этими электромагнитными колебаниями, так что полное бытие цвета носит субъект-объектный характер, обнаруживая себя в данном случае как «поле-цвет», где «поле» выражает физический аспект электромагнитных колебаний, а «цвет» – его объективно-субъектный полюс. Субъективность может быть присуща как воспроизведению полюса «поля», так и полюса «цвета», уже не необходимо связываясь с объектной или субъектной составляющей полно-бытия, но обретаясь в ином измерении «объективного – субъективного», которое может быть и объектным, и субъектным. Так окончательно субъектное отделяется от субъективного, порождая новый тип субъект-объектной объективности или субъективности.

В общем случае «объективное (Он) – субъективное (Сн)» и «объектное (О) – субъектное (С)» – это, как уже отмечалось¹⁴², два независимых измерения, которые могут образовывать любые четыре комбинации:

- ООн («объектная объективность»),
- ОСн («объектная субъективность»),
- СОн («субъектная объективность»),
- ССн («субъектная субъективность»).

¹⁴¹ Такое «объективное внутреннее» может быть представлено в первую очередь регионом коллективного внутреннего I_k , если вспомнить определения из параграфа «Топика субъектных онтологий».

¹⁴² См. параграф «От объект- к субъект-бытию».

Как неопозитивизм, так и постпозитивизм принимали из этих четырех комбинаций только ООн (объектную объективность) и ССн (субъектную субъективность), тесно связывая между собой О и Он (объектное и объективное), С и Сн (субъектное и субъективное). Феномен науки *должен* принадлежать только сфере объективного – в этом соглашались и неопозитивисты, и постпозитивисты. Но только первые верили, что наука может быть полностью ограничена состоянием ООн (объектной объективности), в то время как постпозитивисты обнаружили множество субъектных и субъективных составляющих научного знания, откуда однозначно сделали вывод о необъективности науки, не различая эти два вида субъектных состояний в рамках состояния ССн (субъектной субъективности). Трансдисциплинарная философия науки, как представляется, призвана восстановить полное пространство всех четырех комбинаций, по-прежнему связывая феномен науки с бытием объективности Он. Но теперь состояние объективности Он может быть соединено как с О (объектностью), так и с С (субъектностью), обнаруживая две свои основные формы ООн (объектной объективности) и СОн (субъектной объективности). И самое новое здесь – состояние «субъектной объективности» СОн. Его осознание, как представляется, призвано изменить сам образ онтологии, представляя бытие как существенное субъект-бытие. Переходя к еще более точной формуле, нужно будет иметь в виду наиболее полный вид объективности – как единства субъектной и объектной объективности, что можно обозначить символом $ООн+СОн = (О+С)Он$. В таком образе бытия соединяются воедино объектные и субъектные определения, одинаково выступающие объективными для познающего субъекта.

Итак, полная формула объективности в философии трандисциплинарности – это единство $(О+С)Он$ объектной и субъектной объективности. Это же формула полного субъект-объектного бытия, топика которого была описана выше¹⁴³.

Приведенный выше пример с цветом может быть обобщен на все «вторичные качества». Субъект не только видит «поле-цвет», но и слышит «поле-звук», мыслит «нейро-идею», переживает «гормон-чувство» и желает «адреналин-цели». Во всех подобных случаях материально-объектные полюса определенностей соеди-

¹⁴³ См. параграф «Топика субъектных онтологий».

няются с объективно-субъектными своими составляющими, которые субъект способен субъективно или объективно воспроизвести в своей индивидуальной объект-субъектности.

Итак, субъект-ученый теперь может быть представлен как воспроизведение в формах индивидуальной объект-субъектности конкретного человека объективных объект-субъектных структур бытия, выраженных средствами эмпирического и рационального познания. В общем случае объект-субъектная объективность может выражаться человеком в разных формах своего бытия, например, в формах чувственности (искусство) или воли (мораль). В феномене *науки* объект-субъектные определения бытия воспроизводятся преимущественно на почве *разума*, который соединяет в себе «рассудок» и «чувствительность», если воспользоваться терминологией Канта.

2. Объективность как обобщенная инвариантность

Следующая проблема, которая должна быть поставлена в рамках трансдисциплинарной философии науки, – проблема новой версии критерия демаркации субъект-объектной объективности. «Как мы можем отличить расширенные формы объективности от субъективности?» – этот вопрос по-прежнему остается и в рамках философии трансдисциплинарности, даже если она принимает объект-субъектную версию объективности.

В ответе на этот вопрос мы по-прежнему можем придерживаться методологии получения знания на базе разного рода *процедур обоснования* – индукции, дедукции, измерения, построения научной теории, проверки ее на непротиворечивость и т. д. Новизна в данном случае состоит в том, что мы должны 1) добавить к объектным процедурам обоснования, уже использованным в неопозитивистской философии науки, разного рода субъектные процедуры обоснования, 2) обнаружить в самих объектных процедурах «след субъектности», представив их как на самом деле субъект-объектные процедуры обоснования. В конечном итоге, в силу комплексного, субъект-объектного характера объективности ((C+O)Он) все процедуры обоснования так или иначе должны обнаружить свой комплексный субъект-объектный характер.

Вначале легче, по-видимому, взять какой-то достаточно известный пример процедуры обоснования и попытаться выявить ее более универсальные составляющие. На этом примере станут яснее характеристики субъектной объективности, которые затем можно воспроизвести и в более субъектных случаях.

Возьмем для примера дедуктивную процедуру обоснования – силлогизм «Барбара», который может быть выражен в следующей логической форме:

$\forall x(Q(x) \supset R(x))$ – «Все x , обладающие свойством Q , обладают и свойством R »

$Q(a)$ – « a обладает свойством Q »

$R(a)$ – « a обладает свойством R ».

В основе этого силлогизма лежит идея того, что «признак, присущий всем, присущ и одному из всех». Если все объекты некоторого Q -класса обладают свойством R , то и некоторый объект a из Q -класса обладает свойством R .

В такой процедуре обоснования выражена некоторая *инвариантность*. Свойство R предстает как инвариант, воспроизводящийся для любого Q -объекта – переходя от одного Q -объекта к другому, мы будем воспроизводить на этих объектах свойство R . Инвариантность свойства R определена «вширь» границами не меньше Q -класса, и «вглубь» она определена только на уровне делений этого класса отдельными индивидами – таково определение границ инвариантности свойства R , которые утверждаются первой посылкой силлогизма.

Далее, во второй посылке мы переходим к одному из индивидов a из Q -класса как к своего рода одной из систем отсчета, где определяет себя инвариант R . Наконец, в заключении утверждается, что в системе отсчета a инвариант R себя проявил. Что вполне понятно, поскольку это и утверждалось в первой посылке.

Если перейти к более универсальной формулировке, то для силлогизма «Барбара» можно было бы использовать следующее представление:

1) в первой посылке очерчивается некоторый класс K как входящий в объем инвариантности $O(I)$ некоторого инварианта I : $\forall x(x \in K \supset x \in O(I))$. Под «объемом инвариантности» здесь имеется в виду множество всех тех объектов, на которых инвариант воспроизводит себя,

- 2) во второй посылке дается некоторый элемент $a \in K$,
 3) в заключении утверждается воспроизведение инварианта I на элементе a, т. е. $a \in O(I)$,
 3) для нашего случая дополнительно принимается, что $x \in O(I) \equiv I(x)$ – принадлежность элемента объему инвариантности равносильна выполнению инварианта на этом элементе как одноместного предиката на своем аргументе.

Таким образом, в основе силлогизма «Барбара» лежит некоторая *схема инвариантности*, которая конкретизирует себя в элементе своего объема инвариантности. Понятие инвариантности играет здесь ключевую роль.

В общем случае инвариантность понимается нами как обобщение подобного понятия в физике, когда предполагаются некоторые «системы отсчета», в которых может проявить себя инвариант теми или иными представлениями, и последние связаны между собой некоторыми отношениями (законами преобразования). Обобщить такую систему определения инвариантности можно в рамках средств Проективно Модальной Онтологии (ПМО), рассматривая инвариант как модус, «системы отсчета» – как ПМ-модели, представления – как моды модуса в моделях.

Следует также заметить, что концепт инвариантности (симметрии) в современной науке представляет собой не просто нечто самотождественное (самоединое), но скорее приходящее к тождеству через множество своих представлений в разных системах отсчета и заданных между ними законов преобразования. С этой точки зрения инвариантность (симметрия) скорее выражает категорию многоединого и транс-единого, чем категорию самоединого, обнаруживая открытость на иное и включение в себя полюсов многого и частного. Даже в самих терминах «ин-вар-иантность» и «сим-метрия» передается объединение полярных смыслов единого и многого.

Посмотрим теперь с точки зрения инвариантности на схему неполной эnumerативной индукции как еще один пример процедуры обоснования.

Индукция в этом случае может быть выражена следующей формой вывода:

$$Q(a_1) \supset R(a_1)$$

$$Q(a_2) \supset R(a_2)$$

...

$$Q(a_n) \supset R(a_n)$$

$$\forall x(Q(x) \supset R(x))$$

Здесь, наоборот, от ряда связей элементов Q-класса со свойством R мы переходим к утверждению всего Q-класса в качестве части объема инвариантности свойства R. Но это как раз проблематично, поскольку объем инвариантности свойства R в этом случае не определен как включающий Q-класс. В посылках мы проверили, что лишь класс $A = \{a_1, \dots, a_n\}$ входит в объем инвариантности R. Поскольку здесь предполагается неполная индукция, то множество A не совпадает с Q-классом. Вновь используя схему инвариантности, мы понимаем, почему неполная эnumerативная индукция является проблематичной процедурой обоснования. В общем случае должна быть определена функция условной вероятности $p(Q \subseteq O(R) | A \subseteq O(R))$, позволяющая определить вероятность того, что класс Q есть часть объема инвариантности O(R), т. е. $Q \subseteq O(R)$, при условии того, что класс A – часть этого объема ($A \subseteq O(R)$).

Тогда «научная индукция» должна была бы иметь вид:

$$p(X \subseteq O(R) | A \subseteq O(R)) = p_x$$

$$Q \subseteq O(R)$$

$$p(Q \subseteq O(R) | A \subseteq O(R)) = p_Q$$

Ясно, что в таком виде – это вновь дедукция, которая носит совершенно достоверный характер. Поэтому пресловутая «проблема индукции» – это проблема *недоопределения* схемы «научной индукции» функцией $p(X \subseteq O(R) | A \subseteq O(R))$.

При такой трактовке мы имеем случай индукции как задачу определения вероятности большей части объема инвариантности некоторого инварианта при установлении меньшей части этого объема.

Функция $p(X \subseteq O(R) | A \subseteq O(R))$ в свою очередь может быть представлена как определение степени истинности суждения $X \subseteq O(R)$ на основе полной истинности суждения $A \subseteq O(R)$, в связи с чем суждение $X \subseteq O(R)$ также может быть рассмотрено как некоторый

инвариант более высокого порядка, в качестве элементов объема инвариантности которого выступают термы A и Q . Здесь возникает тот особенный случай, когда рассматривается *расширенный объем инвариантности*, на элементах которого инвариант может не только полностью, но и *частично* реализоваться – реализоваться с какой-то степенью, вероятностью. Кроме того, определение степени реализации инварианта на одном элементе объема инвариантности может зависеть в этом случае от степени реализации инварианта на другом элементе из своего объема – роль выражения такой зависимости и играет функция $p_{XY} = p(X \subseteq O(R) | Y \subseteq O(R))$.

Таким образом, используя язык инвариантности, неполную эnumerативную индукцию можно представить в следующем виде:

1) в первой посылке задается мера определения степени реализации инварианта $X \subseteq O(R)$ на элементе X при условии полной реализации на элементе A , т. е. $p(X \subseteq O(R) | A \subseteq O(R)) = p_X$,

2) во второй посылке конкретизируется элемент X как Q ,

3) в заключении определяется значение $p(Q \subseteq O(R) | A \subseteq O(R)) = p_Q$, с которой инвариант $X \subseteq O(Q)$ реализуется на элементе Q при условии своей полной реализации на элементе A .

Вновь более глубокое понимание проблемы мы получаем, принимая язык теории инвариантности.

Подобную инвариантную характеристику может получить еще такая процедура обоснования, как *определение понятия*. Здесь определяемое понятие B (*дефиниендум*) подводится под некоторую систему определяющих понятий $S(A_1, \dots, A_n)$ (*дефиниенс*). Например, система организации понятий $S(A_1, \dots, A_n)$ может быть выражена в структуре родо-видового определения, где одна группа дефиниенсных понятий $S_g(A_{i1}, \dots, A_{in})$ образует подсистему выражения рода, другая группа $S_v(A_{j1}, \dots, A_{jm})$ – систему выражения видового отличия, и две эти группы определенным образом координируются между собой. В отличие от случая обоснования суждений, здесь проводится *обоснование понятий*. С одних понятий на другие переносится не истинность, но *понятность*. В этом случае дефиниенс $S(A_1, \dots, A_n)$ может быть представлен как инвариант, который реализуется на дефиниендумах как элементах своего объема инвариантности. Например, в родо-видовых определениях инвариант можно по преимуществу связать с родовой системой понятий $S_g(A_{i1}, \dots, A_{in})$, для которой полные дефиниенсы $S(A_1, \dots, A_n)$

образуют элементы из объема инвариантности. Определяемое понятие B представляется как система $S(A_1, \dots, A_n)$ из расширенного объема инвариантности, в связи с чем инвариант в той или иной мере определяет себя на B – как некоторая степень понятности.

Последний пример процедуры обоснования, который мы хотели бы привести, – это *процедура измерения*, когда некоторый объект A измеряется на шкале Π , которая представляет собой множество степеней некоторого эталона E . В результате объект A определяется как степень эталона E . Такую ситуацию вновь можно рассмотреть как случай определения инварианта на элементе из своего расширенного объема инвариантности. Все E -измеримые объекты представляют собой расширенный объем инвариантности $O^*(E)$ эталона E как инварианта. Измеряемый объект A представляет собой один из элементов $O^*(E)$. Измерение A эталоном E есть процедура определения степени реализации инварианта E на элементе A из расширенного объема инвариантности $O^*(E)$.

Так еще одна *процедура обоснования может быть представлена в виде определения степени реализации инварианта на элементе из расширенного объема инвариантности этого инварианта*. По-видимому, эта формула может быть принята в качестве гипотезы более универсальной структуры любой процедуры обоснования, хотя мы понимаем, что это пока также один из вариантов неполной энумеративной индукции, не вполне обоснованный.

Мы видим, что главное в разных процедурах обоснования – это те или иные схемы инвариантности, где центральную роль играет тот или иной вид инвариантности (симметрии) и ее расширенный объем инвариантности. *Утвердить некоторую схему инвариантности, выделить элемент из расширенного объема инвариантности и реализовать – в соответствии со схемой – в той или иной степени на этом элементе инвариант, – такова возможная общая структура всех процедур обоснования*.

Такая модель обоснования может реализоваться на объектных структурах, и тогда мы имеем примеры объектных процедур обоснования с объектной инвариантностью. Но ничто не мешает подобной модели реализовать себя и на субъектных структурах, где могла бы выразить себя та или иная *субъектная инвариантность*. Последняя и могла бы выступить в качестве принципа субъектной объективности. Остается привести некоторый пример субъектной инвариантности.

Вот возможный пример. Молодой руководитель может вначале с некоторым экстремизмом относиться к оценке своих сотрудников, слишком благожелательно оценивая одних и слишком негативно других, в зависимости от их поведения в конкретной ситуации. Однако в другой ситуации он вовлекается в смену оценок, так что прежние «плохие» оказываются новыми «хорошими», а прежние «хорошие» – новыми «плохими». После ряда таких ценностных круговращений у руководителя может возникнуть более глубокое понимание, что у каждого сотрудника есть свои сильные и слабые стороны, а в целом они и не «плохие», и не «хорошие», а «пестрые» («плохие-хорошие», «пло-рошие») и примерно равные, так что не стоит слишком поспешно делать оргвыводы по каждому конкретному случаю, но нужно как-то всем уживаться, независимо от текущих оценок. Так возникает более инвариантная философия «срединного пути», которая вообще проповедуется множеством этических школ (античная этика, буддизм и т. д.) как более правильное отношение к жизни.

В этом случае мы видим пример перехода к более инвариантной оценке человека – с учетом всех его сторон, а не только некоторых. Здесь образ человека выражает себя как более или менее глубокий инвариант в сознании другого человека, и более правильным будет руководствоваться в отношении к человеку более многомерным его образом, который выступает как более инвариантный образ человека, проявляющий себя в большем объеме своей инвариантности. Это пример более субъектной инвариантности, особенно если речь идет о преимущественно субъектных проявлениях человека – его ценностях, нормах, внутренних реакциях и т. д.

Имеющийся здесь инвариант (многомерный образ человека) можно связать и с соответствующей субъектной процедурой обоснования. Например, более глубоко представляя человека, мы можем более адекватно предсказать его реакции в той или иной ситуации. Это типичная процедура обоснования – предсказание. Рассмотрим ее с точки зрения выявленной выше схемы инвариантности различных процедур обоснования.

Пусть у меня в сознании есть некоторый образ человека Im , который выступает в качестве инварианта, способного проявлять себя по-разному в тех или иных ситуациях S . Если дана ситуация S , то в ней инвариант Im проявляет себя как некоторый свой аспект

$im(C)$. Заметим, что если Im – это некоторый объект, то im – это функция, которая сопоставляет разным ситуациям C проявления Im в C . Если im определена ненулевым образом на C , то ситуация C относится к расширенному объему инвариантности $O^*(Im)$. Таким образом, заданность схемы инвариантности выражается здесь в связи

$$\forall C(C \in O^*(Im) \supset A(im(C), Im, C)),$$

где $A(im(C), Im, C)$ – формула « $im(C)$ есть аспект Im в ситуации C ».

В этом случае формула $\forall C(C \in O^*(Im) \supset A(im(C), Im, C))$ может быть прочитана следующим образом: «если ситуация C принадлежит расширенному объему инвариантности инварианта Im , то $im(C)$ есть аспект (проявление) Im в ситуации C ».

Удерживание в сознании инварианта Im по сути выражается в схеме $\forall C(C \in O^*(Im) \supset A(im(C), Im, C))$, т. е. в нашей способности определить, как проявит себя человек в той или иной ситуации. Далее возникает некоторая конкретная ситуация c из расширенного объема инвариантности, т. е. $c \in O^*(Im)$. Отсюда делается вывод, что Im проявит себя как $im(c)$ – таково заключение. В итоге мы имеем дело со следующей субъектной процедурой обоснования:

$$\frac{\forall C(C \in O^*(Im) \supset A(im(C), Im, C))}{c \in O^*(Im)}$$

$$A(im(c), Im, c)$$

Философия «срединного пути» (или «золотой середины») призывает использовать в субъектных онтологиях инварианты с более обширными объемами инвариантности $O^*(Im)$. Такие состояния оказываются более субъектно объективными, что обеспечивает более глубокий и подлинный тип субъект-бытия.

Субъект-объектную инвариантность, объединяющую в себе инвариантность как объектного, так и субъектного плана бытия, мы будем называть также *обобщенной инвариантностью (обобщенной симметрией)*. По-видимому, схемы именно такой инвариантности выступают в качестве основания более глубокого понимания феномена научного знания и научной объективности в трансдисциплинарной философии науки.

Как, например, на этом фоне выглядит пресловутая проблема *конвенции*, своего рода субъективного заместителя истинности, которым постпозитивизм пытался разрешить проблемы обоснования в социокультурных интерпретациях феномена научного знания? Как утверждалось, в лице конвенции на смену истинности и объективным процедурам обоснования приходит соглашение о некоторых «правилах игры» в определенном сообществе субъектов.

В этом случае можно заметить, что в постпозитивистском представлении конвенция двойственна. С одной стороны, она несет в себе импульс движения к субъектным процедурам обоснования, поскольку конвенция выступает как выражение субъектной инвариантности в рамках некоторого коллективного внутреннего мира субъектов, участников коллективной «игры». С другой стороны, структуры коллективной субъектности хотя и выступают более глубокими субъектными инвариантами, еще сами по себе не являются последней инстанцией объективности как обобщенной инвариантности. Относительно других видов инвариантности коллективный субъект может также ошибаться и быть субъективным, как и субъект индивидуальный. Вся проблема в том, выражают ли структуры коллективной субъектности, кроме собственной коллективной инвариантности, иные образы субъект-объектной объективности или нет. С этой точки зрения конвенция еще вполне может быть субъективной, и сама по себе не гарантирует достаточной полноты процедур обоснования даже субъектной объективности СОн. Люди вполне могут договориться между собой и по поводу ограбления банка или убийства невинных жертв.

В общем случае мы по-прежнему должны решать общую проблему научного обоснования опыта в рамках совокупной системы процедур обоснования, которые в конечном итоге способны приготовить наиболее инвариантное состояние сознания познающего субъекта в данной системе условий. Причем каждая процедура обоснования носит, по-видимому, характер выражения некоторого своего частного вида субъект-объектной инвариантности. Интеграция отдельных процедур обоснования в общую их систему, где происходит усиление меры обобщенной инвариантности за счет объединения обосновательных вкладов отдельных процедур, представляет собой, по-видимому, пример еще одной процедуры обоснования более высокого порядка (такую про-

цедуру обоснования можно было бы называть *интегральной*). Феномен научного знания в этом случае может быть представлен как результат наиболее интегральной процедуры обоснования, объединяющей в себе в сетевых отношениях огромное многообразие более частных обосновательных систем частного вида субъект-объектной инвариантности.

3. От «объяснения–описания» к «пониманию»

Даже максимально объектные процедуры обоснования, например процедура измерения, вскрывают за собой фон достаточной субъектной инвариантности, только в рамках которой эта процедура может быть применена к миру объектов. В самом деле, пусть субъект измеряет длину вытянутых материальных объектов, например, прикладывая их к линейке. Казалось бы, это случай чисто объектной процедуры обоснования. Однако то, как процедура измерения была рассмотрена выше, вскрывает и в этой процедуре множество субъектных составляющих. Например, ясно, что возможность даже простейшего измерения материальных объектов линейкой способна появиться только у достаточно развитого субъекта, который владеет понятием числа и держит в сознании хотя бы операционально шкалу интервалов, где возможно сложение и вычитание чисел. В самом деле, шкала интервалов простейшей линейки – это уже математическая структура, которая должна операционально воспроизводиться сознанием измеряющего субъекта. Понятия числа, сложения, вычитания и т. д. – это уже достаточно мощные смысловые инварианты, которые могут поддерживаться только вполне развитой (инвариантной) субъектностью. В работах известного швейцарского психолога Жана Пиаже¹⁴⁴, о котором выше уже упоминалось в связи с введением термина «трансдисциплинарность», показано, что развитие интеллекта ребенка на протяжении всего онтогенеза выражается в росте различных форм субъектной инвариантности – обратимости операций, формировании структуры группы операций и т. д. Таким образом, к созданию, поддержанию и развитию феномена научного знания способна только достаточно инвариантная субъектность. В интегральном

¹⁴⁴ См., например: Пиаже Ж., Инхельдер Б. Психология ребенка. СПб., 2003.

подходе американского философа Кеннета Уилбера, основные идеи которого рассматривались выше, способность научного познания связывается вообще с довольно высоким персональным уровнем развития сознания – так называемым «формально-логическим» уровнем, который в моделях спиральной динамики¹⁴⁵ кодируется оранжевым цветом и представляет собой достаточно инвариантное сознание субъекта, способное опираться на универсальные принципы, законы и нормы.

Даже отражение объектной инвариантности требует ее воспроизведения на почве самой субъектности, что в свою очередь возможно только для достаточно инвариантной субъектности. Кроме того, многие инварианты даже объектной науки, например физики, с трудом могут быть представлены как только объектные инварианты. Взять хотя бы те же числа. Это инварианты высокого уровня, они могут реализоваться как во внутренних мирах субъектов (например, в числе принципов некоторой теории), так и во внешних мирах объектов (число камней). Числа – это по-видимому субъект-объектные инварианты, которые, подобно объективному цвету, существуют, кроме прочего, в сфере объективной субъектности, в составе и субъект-бытия. Использование их даже в теориях физики делает такие теории не вполне только объектными инвариантами. То же можно сказать и о других глубоких смыслах – понятиях, законах, математических структурах, которые используются в объектных видах научного знания, но сами выходят далеко за границы только объектных инвариант. В конечном итоге любая научная теория оказывается достаточно мощным субъект-объектным инва-

---

¹⁴⁵ О спиральной динамике см., например: *Graves C. Human Nature Prepares for a Momentous Leap // The Futurist. 1974. April. P. 72–87*; *Graves C. Summary Statement: The Emergent, Cyclical, Double-Helix Model of The Adult Human Biopsychosocial Systems (Handout prepared by Chris Cowan for his presentation in Boston (Mass.), May 20. 1981)* (http://www.clarewgraves.com/articles_content/1981_handout/1981_summary.pdf); *Beck D.E., Cowan C.C. Spiral Dynamics. Blackwell, 1996.* В моделях спиральной динамики выделяются все более высокие уровни развития сознания, каждый из которых символизируется своим цветом. Например, «синий» уровень – это сознание, которое абсолютизирует какие-то групповые ценности; «оранжевый» символизирует научный и формально-рационалистический подход к миру, «зеленый» уровень характеризуется возникновением плюрализма, открытости на иное, но здесь недооценивается значение интегральных принципов и т. д.

риантом, который может выражать как объектные инварианты (например, законы физики), так и инварианты субъектные (данность этих законов через чистые смыслы, представляющие в том числе субъектные инварианты высокого порядка).

Еще более откровенной становится ситуация в области гуманитарного знания, где феномен объективной субъектности вообще оказывается существенным предметом научного познания, как бы его ни пытались элиминировать из области этих дисциплин более редукционистская линия научного познания, например бихевиоризм.

Такие сущности, как «сознание», «внутренний мир», «ценности», «нормы», «понимание» и т. д. составляют основу гуманитарного знания и одновременно представляют собой примеры более или менее глубоких субъектных (или субъект-объектных) инвариант, которые могут быть выражены как те или иные формы субъектной объективности.

Нам представляется, что господствующая сегодня линия Канта–Дильтея–Гуссерля в оценке специфичности гуманитарного типа рациональности как существенно описательного на фоне естественнонаучной рациональности как существенно объяснительной отмечает лишь одну сторону более глубокой проблемы. Конечно, наиболее новое в субъектной объективности состоит в возможности привлечения для выражения объективности процедур *Я-обоснования*, в которых используется позиция первого лица и связанные с нею инварианты (*Я-инварианты*). Например, обоснование наличия внутреннего мира у другого субъекта может исходить из самодостоверности внутреннего мира для моего Я и подобия Я и не-Я, откуда возможен перенос Я-позиции и на других субъектов, что делает такую Я-позицию более инвариантной (интерсубъектной). Здесь важную роль играет самоочевидность феномена Я для субъекта. Позиция первого лица более непосредственно дана самому субъекту как субъектный инвариант (непосредственное чувство своей личностной тождественности в Я-позиции), а затем она переносится на других субъектов, обнаруживая характер коллективной субъектной инварианты.

Но все же не стоит абсолютизировать Я-инвариантность в структурах гуманитарной рациональности, пытаясь свести только к ней все формы субъектной объективности. Уже в переносе

Я-позиции на другого субъекта должны использоваться ресурсы более глубокой субъектной, или даже субъект-объектной, инвариантности. Например, в утверждении подобия субъектов первостепенную роль, по-видимому, играет подобие их телесных определений, но в основе такого подобия лежит объектная инвариантность телесности. Так в гуманитарном знании мы вскоре обнаруживаем выход за пределы только Я-инвариантности. С другой стороны, даже в естественнонаучном знании мы можем найти примеры присутствия Я-инвариантности, например, в феномене своего рода «натуралистической эмпатии», когда, допустим, ученый-физик использует физическую интуицию для познания физических законов. В этом случае, находясь в Я-позиции, он может использовать ее для познания природы, обнаруживая в глубинах своего Я существенно природные определения.

В итоге важна не только Я-инвариантность, но комплексная субъект-объектная инвариантность, которая может быть лишь более объектно представлена в естественных науках и более субъектно – в науках гуманитарных, но и там, в конечном итоге, она возможна только благодаря своему комплексному субъект-объектному характеру. Иными словами, и естественным и гуманитарным наукам присущ единый метод познания, основанный на структурах субъект-объектной инвариантности, и дело не в антагонизме методов «описания» и «объяснения», которые не могут быть скоординированы между собой. Под методом «объяснения» теперь можно иметь в виду все ту же методологию объект-субъектной инвариантности, в которой лишь усилен полюс объектной составляющей, в то время как метод «описания» делает акцент на субъектную составляющую в единой методологии инвариантности как комплексной процедуры «понимания».

4. Новые образы научной теории

Возвращаясь к проблеме нового образа научного знания в трансдисциплинарной философии науки, мы могли бы еще раз поставить проблему субъекта-ученого и научной теории. Субъект-ученый, как уже отмечалось, выражает структуры субъект-объектной объективности, насколько они выражаются формами

разума. Некоторая достаточно развитая стадия такого выражения по-прежнему являет себя как феномен научной теории. Но какой вид приобретает эта стадия в виду всего вышесказанного?

В общем случае научная теория представляет собой некоторую систему субъект-объектных инвариант, скоординированных между собою. Она строится в рамках индивидуальной объект-субъектности конкретного ученого, средствами которой воспроизводятся объективные объект-субъектные структуры с привлечением разного рода процедур обоснования. В целом научная теория сама есть субъект-объектный инвариант, который включает в себя множество более объектных или субъектных под-инвариант. Для теории характерен собственный объем инвариантности, за пределами которого теория сталкивается с разного рода фальсификаторами, обнаруживая границы своей инвариантности. Развитие теории идет в направлении построения все более глубоких инвариант, которые включают в свои объемы прежние объемы инвариантности, расширяя их за счет прежних контрпримеров. В связи с этим *научное знание представляет собой постоянно открытую на иное и способную к росту субъект-объектную инвариантность*. По способу существования теория предполагает адекватную субъект-объектную среду индивидуального (отдельный субъект-ученый) и коллективного субъекта (субъект-ученый как научное сообщество), в рамках которых способны воспроизводиться субъект-объектные инварианты из предметной области данного вида научного знания.

В первую очередь научная теория предстает как система смыслов, достаточно глубоких субъект-объектных инвариант, которые могут быть воспроизведены средствами только вполне развитого сознания (на 5 формально-логическом уровне, согласно Уилберу, или уровне формальных операций, согласно Пиаже) и обнаруживают типичную внутреннюю организацию. Такая организация обычно представляет собой многослойную систему смыслов, в которой выделяются первичные смыслы (аксиомы или первичные понятия) и последовательность все более производных смысловых слоев. Подобная многослойность реализует собой последовательные аспекты теории как высшего инварианта – в этих слоях реализуют себя последовательные под-инварианты теории как высшего субъект-

объектного инварианта. В единой системе теории можно выделить по крайней мере три инвариантных подпространства – логическое, синтаксическое и семантическое. Самое простое пространство – логическое. Оно представлено двумя состояниями 1 (истина) и 0 (ложь), и теория должна строиться так, чтобы всегда держаться истины 1. Здесь теория предстанет как логический инвариант, элементы объема которого всегда должны реализовывать его как 1. Состояние 0 выражает выход за границы объема инвариантности для данной теории. Гораздо более сложным является синтаксическое пространство, в котором индуктивными определениями выстраиваются правильно построенные выражения (ППВ) теории – термины и формулы. Максимальный синтаксический инвариант выражает себя множеством всех правильно построенных выражений, выстраиваемых слоями от атомарных выражений. В общем случае синтаксическое многообразие строится независимо от истинностного, и далее происходит их координация, когда из всех ППВ выделяются только истинные посредством определения аксиом и правил логико-синтаксического вывода. Аксиомы должны принадлежать логическому объему инвариантности, и правила вывода не должны выводиться за его границы. Введение аксиом и правил вывода ставит нас перед проблемой семантической инвариантности теории. Теория есть смысло-язык, т. е. инвариант знаковой формы и содержания, благодаря чему возможно выражение в языке смыслов теории, которые и находят свое представление в аксиомах и логических выводах теории. Более операционально такая инвариантность реализует себя в семантических правилах, посредством которых задается семантика теории. Но, в отличие от неопозитивистских моделей, семантика теории является одним из аспектов теории как синтактико-логико-семантического инварианта.

Тем самым в новом понимании теории вполне находит свое представление в том числе неопозитивистская модель, но она погружается в более субъектное представление научного знания (аргумент против неопозитивизма), хотя и сама субъектность в этом случае принимается лишь в той мере, в какой она выражает характер разного рода субъект-объектных инвариантов (аргумент против постпозитивизма).

5. Объективно-интенциональная субъектность

Далее мы можем перейти к более субъектным составляющим комплексной инвариантности научной теории, например, находя корреляции с куновской теорией парадигм.

Как уже не раз отмечалось, теория как субъект-объектный инвариант должна быть воспроизведена только в той составляющей индивидуальной и коллективной субъектности, которая способна выразить соответствующие субъект-объектные инварианты. Такая субъектность может быть названа *объективно-интенциональной субъектностью*, т. е. она направлена на то, чтобы выражать объект-субъектную объективность. Субъектность эта, впрочем, имеет и свои объектные составляющие, например, нормальное функционирование человеческого мозга и вообще человеческой телесности, способной порождать объективно-интенциональную субъектность. В этом смысле можно расширить ее до феномена *объективно-интенциональной объект-субъектности*.

У объективно-интенциональной субъектности можно выделить интеллектуальные, эмоциональные и волевые составляющие. Во-первых, можно говорить об *объективно-интенциональном мышлении*. Это способность в мышлении формировать, держать и развивать объективную субъект-объектность, например, способность понимать более и менее инвариантные смыслы, восходить от менее к более инвариантным их версиям, находить примеры и контрпримеры к данной инвариантности и т. д. Во-вторых, можно выделять *объективно-интенциональную чувственность*, которая обеспечивает переживание разных степеней и форм инвариантности, испытание радости роста инвариантности и неудовольствия от ее снижения, надежду на рост инвариантности и тревогу от ее потери и т. д. Наконец, можно говорить и об *объективно-интенциональных волевых* состояниях субъекта, выражающихся, например, в желании достичь большей инвариантности и нежелании снизить ее, в побуждении к развитию своих способностей к воспроизведению более глубоких форм субъект-объектной инвариантности и т. д. Все подобного рода объективно-интенциональные состояния не только не мешают достижению объективности, но являются необходимым его условием, представляя разные формы и условия субъектной объективности СОн.

Наконец, все описанные формы объективно-интенциональной субъектности могут воспроизводиться не только в границах индивидуального субъекта-ученого, но и в рамках коллективного научного сообщества, формируя *объективно-интенциональную коллективную субъектность*. В куновском понятии «парадигмы» мы вновь находим возможности неоднозначной трактовки. С одной стороны, парадигма несет в себе и разного рода субъективные моменты коллективной субъектности, когда коллективность может до некоторой степени подменять собою субъектную объективность, не являясь выражением обобщенной объективности. Но, с другой стороны, в этом понятии парадигмы можно видеть и более сильный смысл коллективной объективно-интенциональной субъектности, когда коллективная субъектность научного сообщества может принимать более инвариантные, сравнительно с индивидуальным ученым, формы субъект-объектного бытия.

В подобной манере регулярной переинтерпретации феномена науки с точки зрения нового понимания объективности как субъект-объектной инвариантности можно действовать и далее, продвигаясь к более систематическому образу трансдисциплинарной философии науки. Феномен трансдисциплинарности в этом случае также может быть воспринят как одна из форм нового понимания субъект-объектной объективности, в которой более *дисциплинарное* начало связывается с классическим полюсом *объектного* момента объективности, а момент *транс*-цендирования за границы объектной дисциплинарности выражает себя как более *субъектные* образы объективности. В итоге транс-дисциплинарность оказывается лишь одним из символов субъект-объектного типа объективности и истинности, рождающегося в постнеклассической науке и трансдисциплинарном движении.

Глава 2. Философия науки в трансдисциплинарном измерении: принципы обоснования

1. Полюмос и антитетика множественности

Современная философия науки стоит перед парадоксальной задачей осознания единства множественных становящихся представлений о мире и месте науки в нем. Обращение к философии

в ситуации кризиса, охватившего и научное познание, и культурное самосознание, неизбежно – поскольку философия есть не что иное, как методическое усилие знания, направленное на самопрояснение. Наука с помощью философии осознает для себя собственные принципы, способы действия и ценностные ориентации (П.Наторп). Онтологическим основанием научных и философских подходов, пытающихся осмыслить множественность возможных единств, выступает парадоксальная идея «детерминированного хаоса», сдвигающая акцент с вопроса о бытии на вопрос о становлении как стихии, порождающей возможные онтологические и логические варианты порядка (всеобщего). Однако этот сдвиг не означает «снятия» вопроса о бытии. Два типа вопрошания находятся в напряженном кон-такте дополнительных стратегий поиска «присутствия закона в становлении и игры в необходимости»¹⁴⁶.

В многоголосии становящихся, спорящих друг с другом научных и философских перспектив правит гераклитовский «полемос»¹⁴⁷. Подобного рода «полемичное» взаимодействие разнородных сил, стягиваемых общими проблемами в совместное действие, может иметь необозримое число вариаций – от идеологической распри до синергии, мотивированной достижением взаимовыгодного консенсуса. Но и в том, и в другом случае «полемисты» *испытывают нужду друг в друге для того, чтобы сбыться в качестве самих себя*. В схватке они «сообщены» друг другу, признаны друг для друга в качестве незаместимых уникальных «голосов» или «точек зрения». Ими правит общий настрой борьбы и интерес в решении возникшей проблемы. Причем сам исследовательский интерес в современном научном познании смещается в парадоксальный мир становления, в опыт предельного, о котором шла речь выше. Опыт предельности касается не только того, что впереди – в движении к расширяющемуся горизонту познания (переход через предел достигнутого в познании), но и

¹⁴⁶ Делёз Ж. Ницше и философия / Пер. О.Хомы. М., 2003. С. 85.

¹⁴⁷ По Гераклиту, «ведать должно, что общее [все сущее как сообщество, то, в чем все сообщено друг другу и в чем все и каждое обща пребывают] – схватка-состязание [все в целом охвачено, схвачено схваткой], и правосудие – тяжба-соперничество, и все существующее существует из соперничества и взаимозадолженности». Цит. по: Ахутин А.В. Тяжба о бытии. М., 1997. С. 7. Эта «схватка» у Гераклита (как «схватки» у женщины в родах) одновременно является формой из-начального порождения мира.

того, что в начале научного знания, его обоснованности в пределах жизненного мира как начала процесса обоснования знания. Суждения «начало как предел» или «предел как начало» являются явно выраженными парадоксами, вызывающие «философские замешательства»¹⁴⁸. Философские замешательства провоцируются также конфликтами, трудностями в заключении консенсуса в общении при обсуждении проблемы. Однако указанные парадоксы не разрывают опыт, а скорее всего «сшивают» его во времени и пространстве. Делают его длящимся и укорененным в сообществе, которое возникает, как нам бы хотелось подчеркнуть, в заинтересованном коммуникативном взаимодействии разных мнений. Фиксируемый современной философией «фермент» парадоксальности, если говорить в самом общем виде, обеспечивает тематическую связанность трансдисциплинарного опыта, удерживая его в своих основаниях, а также придает осмысленность (обращает к началу обоснования) опытному разрешению текущих и более конкретных проблем. Парадоксальность в ясном осознании ее неизбежной необходимости конституирует особый тип отношений между опытом трансдисциплинарности и его философией. Философия в свою очередь приобретает черты постнеклассического стиля мышления, когда человекоразмерность, явным образом присутствующая в опыте трансдисциплинарности, сказывается на формах ее обоснования. Она проникает в философию науки в первую очередь через язык и ценностные ориентиры в коммуникативно-познавательных практиках, воплощаясь в специфических способах философского обоснования. При этом первое, что бросается в глаза, – это амбивалентность, двойственность предлагаемых видов обоснования: *основания как начало, обоснование как процесс и обоснованность, как результат философствования* (более подробно о каждом из них речь пойдет ниже).

---

¹⁴⁸ «Философские замешательства» (Philosophical perplexity) – название одной из статей Д.Уиздома, написанной в 1936 г. Он уделял особое внимание тому обстоятельству, что традиционные философские высказывания часто приводят к парадоксам (апориям, антиномиям, дилеммам). Из этого, однако, не следует, по его мнению, что они в принципе неполноценны и бесполезны. Чтобы выяснить специфику метафизических противоречий, Уиздом различал три типа споров: эмпирические, логические и «конфликтные». См.: Козлова М.С. Дж. Уиздом. Концепция философских парадоксов // История № 1. М., 1997. С. 111.

Идея о том, что противоположности являются началами движения и бытия, философски осмыслялась еще древнегреческой мыслью. Описывая мировоззрение пифагорейцев, Аристотель отмечает, что из их учения мы можем почерпнуть главное – «противоположности суть начала существующего»¹⁴⁹. Известно и другое суждение «системы возникают из непреходящей потребности человеческого духа: потребности преодолеть все противоречия»¹⁵⁰.

Парадоксальность современной философии науки способствует тому, что антитетичность становится доминирующим стилем мышления, а противоречия – важнейшим объектом исследования. «Логически закономерно вырос интерес и к антитетической основе концептуальных систем»¹⁵¹. При этом «нарочитая двусмысленность подобных кентаврических образований подчеркивает то обстоятельство, что выраженный в них смысл схватывается лишь в соотносительности употребляемых терминов, мерцая и устанавливаясь где-то в промежутке различия»¹⁵². Указанные кентаврические образования, значительно усложняют традиционные отношения классической субъект-объектной оппозиции. Не отменяя, но всякий раз заново переосмысливая динамику отношений, опираясь на потенциал субъект-объектной оппозиции, целостность постнеклассической философии приобретает открытый процессуальный (становящийся) характер. Процессуальность трактуется в данном случае как перманентное человеческое стремление к идеальной и завершенной целостности, а открытость – как включение в круг рассматриваемого того, что находится на периферии, «вокруг». Одним из следствий, а может быть, и причиной последнего является современная востребованность фундаментальных исследований в практическом использовании (известный феномен коммерциализации науки) и нуждаемость практики в теоретическом обеспечении своего функционирования, включающем нравственное и ценностное измерения.

Итак, целостность трансдисциплинарной философии возникает в интервальной ситуации (*между*) антитетических утверждений, организующих опыт трансдисциплинарности. Опыт транс-

¹⁴⁹ Аристотель. Метафизика, 986b.

¹⁵⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 278.

¹⁵¹ Гаврюшин Н.К. Антитетика в концептуальных системах // http://www.humanities.edu.ru/db/msg/25906#_ftnref2

¹⁵² Разинов Ю.А. «Я» как объективная ошибка. Самара, 2006. С. 139.

дисциплинарности, как об этом шла речь выше, – это пространство живого опыта, точки схождения теории (дисциплинарного знания) и практики (экзистенциальных проблем жизненного мира). Пространство живого (трансдисциплинарного) опыта возникает «между» множественностью его гетерогенных (парадоксальных) составляющих, который заново, спонтанно (*sponte (лат.)* – ‘из самого себя’) способен переоткрывать ранее известное. В этом смысле трансдисциплинарная философия является ярким подтверждением высказывания Мерло-Понти: «Философия существует всюду, даже в “фактах” – но у нее нет такой среды, где она не была бы заражена жизнью»¹⁵³.

Основания философии трансдисциплинарности амбивалентны и поэтому их можно оценивать как «взрывной заряд» по отношению к классической традиции. Они подлежат дальнейшему развитию и в то же время вопрос, доступный эмпирической разработке, но имеющий универсальный смысл»¹⁵⁴. Они вводят в обоснование противоречивые утверждения – целостность трансдисциплинарного философствования всякий раз ставится под вопрос. Значит ли, что философия трансдисциплинарности – это не философия? Скорее всего, нет. «Примеры такой вовлеченности философии, – замечает Хабермас, – я наблюдаю всюду, где философы вместе со всеми участвуют в разработке теории рациональности, не выдвигая фундаменталистских или же всеобъемлющих абсолютистских притязаний. Скорее, они работают в нетвердой надежде, что только благодаря удачному сочетанию различных теоретических фрагментов удастся достичь того, что философия некогда рассчитывала добиться в одиночку»¹⁵⁵. В этом высказывании Хабермаса и с учетом тех идей, которые изложены в работе «Моральное сознание и коммуникативное действие», звучит рефреном следующая мысль автора. Философское мышление, которое не отказалось от решения проблемы рациональности, в рассматриваемых обстоятельствах обнаружило себя лицом к лицу с «двойкой потребностью в опосредовании». Не только и не просто

¹⁵³ Мерло-Понти М. В защиту философии. М., 1996. С. 102.

¹⁵⁴ Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2000. С. 27.

¹⁵⁵ Хабермас Ю. Будущее человеческой природы. На пути к либеральной евгенике? М., 2002. С. 28.

наблюдение философа, но и участие его в роли «интерпретатора-посредника», переводчика, опосредующего общение между миром повседневности и сферами науки, морали и искусства, заключенными в оболочку экспертных культур. Хабермас подчеркивает, и в этом спорит с Рорти, что «всякое согласие, достигаемое и воспроизводимое в коммуникации, должно опираться на некий потенциал вполне *уязвимых* оснований, но – именно оснований. Основания сотканы из особой материи; они *понууждают* нас высказаться за или против»¹⁵⁶ (курсив наш. – Л.К., В.М.). Выделенные основания *уязвимы* постольку, поскольку то, «что нам считать оправданным, зависит, *в перспективе первого лица*, от *возможности* обоснования, а не от действия жизненных привычек»¹⁵⁷; последние нас только усредняют (возникает «мое» *третье лицо*). Они *понууждают* нас, действуя наподобие регулятивного принципа, поскольку притязания на значимость наших убеждений выходят за ограниченные пространственные и временные рамки данной ситуации. Однако перспектива первого лица – это перспектива личностного, неповторимого отношения, которая дает единственную привилегию – привилегию рисковать и отвечать за содеянное и быть самим собой. Уместно вспомнить незабываемое: «Только через ответственную причастность единственного поступка можно выйти из бесконечных черновых вариантов, переписать свою жизнь набело раз и навсегда»¹⁵⁸.

Все вышесказанное примем в качестве первого приближения к пониманию особенностей философии трансдисциплинарности со стороны ее обосновывающих определений. Попробуем проверить, содержит ли она в себе философский потенциал, который доступен эмпирической разработке, но имеет универсальный смысл. Следуя никем не отменяемой традиции всякого философского исследования – сохранять тематическое отношение к целостности через ее обоснование, подробнее рассмотрим возможные позиции философии в трансдисциплинарном опыте.

---

¹⁵⁶ Хабермас Ю. Будущее человеческой природы. На пути к либеральной евгенике? С. 33.

¹⁵⁷ Там же С. 21 (Курсив Л.К., В.М.)

¹⁵⁸ Бахтин М.М. К философии поступка // Философия и социология науки и техники. Ежегодник: 1984–1985. М., 1986. С. 115.

2. Позиции философии в трансдисциплинарном опыте

Выделим три тематически возможные позиции философии в трансдисциплинарном опыте – транс-позиции философии трансдисциплинарности. Эти позиции в то же самое время определяют «место» размышляющего человека и его самоидентичность.

Исторически исходным познавательным отношением, как известно, является классическое субъект-объектное отношение, которое создает транс-позицию *наблюдателя*, парадоксально позиционированную и вне мира, и в соприкосновении с ним, – на его границе. Когда, к примеру, Декарт методически осуществляет сомнение во *всем*, отстраняется от этого *всего*, – его единственной задачей оказывается нахождение безусловного основания именно для этого самого *всего*. Мое усилие как единичного существа (моя человечность и человекообразность знания) является основанием всеобщности (того, что ассоциировалось с божественной точкой зрения). За такого рода объективизмом стоит желание разума встать на точку зрения Бога. Выражая эту традицию в философии, Б.Рассел писал: «Свободный интеллект взирает на мир так, как мог бы взирать Бог: без всякого “здесь и сейчас”, без упования и страхов... спокойно, бесстрастно, движимый лишь стремлением к знанию – знанию настолько безличному, настолько чисто умозрительному, насколько это вообще достижимо для человека»¹⁵⁹. Но дело как раз в том, что таких точек зрения может быть бесконечно много. Поэтому и появляется особая нужда в человеке, его частной перспективе (здесь и сейчас), введение которой необходимо для осмысления единства многообразного через связанное удержание в опыте многообразия виртуально наличных единств.

Особенность тематизации данной транспозиции в том, что в классической науке и философии человеческое усилие элиминируется из результата. Оно не имеет онтологического статуса и относится к эмпирической видимости. В этом случае трансдисциплинарность предстает в форме отстраненного предмета философского осмысления, к которому последнее (по видимости) отношения не имеет. Но эта видимость неустранима. Любое *рассуждение* о генах, клонах, органах, моральных принципах или правилах есте-

¹⁵⁹ Цит. по: *Поппи Р.* Универсализм, романтизм, гуманизм. М., 2004. С. 9.

ственным образом воспроизводит данную транс-позицию самоидентичности философа или ученого в ситуации трансдисциплинарности. В ее основе представление (не важно, осознается оно или нет) о единственности всеобщего (истины), претендующего и на целостность, и на универсальность. Это исходная рефлексивно обосновываемая позиция дисциплинарного знания, из которой экпертная мысль выдвигается концептами¹⁶⁰ в ситуацию трансдисциплинарного диалога¹⁶¹ и в которую они постоянно возвращаются в целях понятийного схватывания разворачивающихся событий.

Вторая форма транс-позиции философии конгруэнтна позиции познающего разума в неклассической науке (В.С.Стёпин), для которой усилие познающего индивида, объективированное в языке и приборе, само становится наблюдаемым. Предметность науки приобретает черты человеческого присутствия, а предмет ее исследования – человекомерность¹⁶². Данная позиция обозначается нами как позиция *Участника*. К примеру, философ не только размышляет о биоэтике, но и сам становится активным участником трансдисциплинарных биоэтических коммуникаций. Его мысль – его усилие как реального индивида – оказывается событием, изменяющим состояние предмета размышления.

В трансдисциплинарном опыте предметность дисциплинарных областей засекается в момент становления, переживая как бы реинкарнацию собственного исторического и логического начала, и поэтому с необходимостью предстает как неустойчивая (возникающая и исчезающая вновь)¹⁶³. Коррелятивно и самоидентичность Участника так же нестабильна, становится вместе с предметностью. Но именно в этом переходном неустойчивом трансдисциплинарном состоянии научные дисциплины становятся открытыми для встречи с иными формами дисциплинарного научного знания, религиозным опытом и «подручным знанием» (М.Хайдеггер) обыденной жизни.

---

¹⁶⁰ См. ниже четвертый параграф.

¹⁶¹ См. ниже пятый параграф.

¹⁶² См.: Философия науки. Вып. 8: Синергетика человекомерной реальности. М., 2002.

¹⁶³ Исследованию данного обстоятельства посвящена книга Л.П.Киященко «В поисках исчезающей предметности (очерки о синергетике языка)» (М., 2000).

Если использовать схему субъект-объектного отношения, то в данном случае классическая форма (первая форма транс-позиции философии) радикально усложняется за счет многообразия парадоксально представленных в ней способов взаимодействия. Всеобщие определения дисциплинарного знания уже не могут претендовать на целостность и универсальность понимания происходящего. Для его достижения многообразие всеобщих доопределяется «как если бы всеобщим» – общезначимым, достигнутым в результате когнитивно-коммуникативных практик трансдисциплинарности.

Удержание двойного осмысления данной транспозиции оказывается парадоксальным событием. Участвующий в стихии трансдисциплинарных коммуникаций постоянно *становится* то Автором, производящим в слове и в деле результаты своих наблюдений, то Героем своих собственных суждений (повествований) о трансдисциплинарности как о возможном предмете мысли. Он и тот, кто *ответственен за* свой выбор, претендующий на всеобщее, и тот, кто трагически всегда уже вписан в конкретную ситуацию, определяемую общезначимыми ценностями и личными предпочтениями. Он вне и внутри, свободен и в той же степени детерминирован, определен в решении чем-то внешним, или некоторой загадочной внутренней свободой. При этом сам для себя и для другого Участник выступает в парадоксальной взаимодополнительности персонажей концептуальных повествований – Эксперта и Профана.

Именно в многообразии парадоксально представленных способов взаимодействия рассматриваемых в данной транс-позиции каждый участник, выходя за рамки своей частной позиции (дисциплинарной в том числе) в опыте трансдисциплинарности, – потенциальный философ. Осмысление этого обстоятельства, собственно говоря, относится к третьей транс-позиции. Пока она – наивна. Общезначимое (человеческое) и всеобщее (божественное) вступают в сложную игру взаимного доосмысливания в третьей позиции. Дисциплинарный философ, пройдя практики трансдисциплинарности, выходит в третью транс-позицию.

Третья транс-позиция философии, которую мы обозначаем словом *Свидетель*, как нам представляется, выступает воплощением феномена философии трансдисциплинарности как таковой¹⁶⁴. Сохраняя связь с жизненно-практическим казусом, выдвигаясь в трансдисциплинарный опыт под императивным давлением концептов, разворачивая свой ответ в понятийной всеобщности Наблюдателя и контекстуальной общезначимости Участника, Свидетель конституирует себя как тот, кто удерживает *различие* (полемос) двух выше названных концептуальных персонажей и обеспечивает опыт их связанного осуществления. Он удерживает изначальную парадоксальность (детерминированный хаос) трансдисциплинарного опыта, которая как *causa sui* обеспечивает его постоянный повтор в множественных экзистенциальных ситуациях, порождаемых современным научно-технологическим прогрессом.

Для каждой из транс-позиций характерен свой «голос» или, точнее, своя «речь». Речь Наблюдателя стремится превратиться в логически связанное рассуждение, выражающее некоторое истинное обстояние дел. Стремление к истине и является предполагаемым основанием этой позиции. В плане выражения Наблюдатель становится другим концептуальным персонажем – Субъектом. Речь Участника, не отказываясь от интенции на истинность, вносит в ситуацию элемент релятивности, зависимости от частного (единичного) решения наблюдающего, которое само по себе не обосновано и достаточно случайно. В этой эквивокальной речи постоянно возникают и исчезают такие концептуальные персонажи, как Автор, Герой, Читатель, Эксперт, Профан. Речь Свидетеля, удерживая установку на истинность как основание и отдавая отчет в релятивности и множественности истин, вводит собственный акт свидетельства (аттестации по П.Рикёру¹⁶⁵), как обосновывающий через личное удостоверение в ответственном поступке.

Универсум суждений Свидетеля разворачивается в парадоксе двух одновременно присутствующих предельных допущений «всеобщего» и «общезначимого». В очень серьезном смысле Свидетель – этот тот, кто как уникальный человеческий индивид свидетельствует о достоверности «божественного», общезначимо-

¹⁶⁴ Концептуальный персонаж «Свидетель» в ином плане использован в работах М.М.Бахтина и Я.И.Свирского.

¹⁶⁵ *Ricoeur P. Oneself as Another. P., 1990. P. 299–302.*

сти всеобщего. И сила этого свидетельства зависит не только от истины, открытой для него, но и от удачи получения Свидетелем двух даров реального существования – внимания и признания ее со стороны других. Эти другие – коммуникативное сообщество, которое в отношении свидетельства играет роль Судии, суд которого осуществляется именно в коммуникативном усилии вместе. В этом смысл транс-позиции непритязательной философии в нашем понимании. Естественно, что воплощением подобного опыта философствования должно быть произведение особого рода, которое мы называем открытым. Открытым в смысле имманентной незавершенности, обращенности в поисках *самообоснования* к реально другому как другому Свидетелю и Судии.

Играя роль Свидетеля, философ пытается отследить события зарождения и взаимодействия двух выше помеченных позиций и самого себя в этом взаимодействии. Что существенно – транс-позиция Свидетеля засекается накануне, в пограничной ситуации поступка ответственного выбора, причем не просто выбора того или иного действия (это его дело как Участника), но и выбора самого «себя» как ответственно (в ответе на вопрос заданный экзистенциальной ситуацией) поступающего в данном месте и времени. Ответственность «за» конкретный результат выбора Участника и ответственность «перед» собой как Свидетелем и коммуникативным сообществом («человечеством») как Судией. Я ответственен не только в отношении выбора себя, но и в отношении сохранения открытости (коммуникабельности) другому. Причем обе формы ответственности реализуются, самообосновываются только через коммуникативные трансдисциплинарные практики. За счет этого меняется подход к кантовскому вопросу «что я должен делать?», и преобразуя «я» в структуру внутри себя неоднородную, и доопределяя «делание» коммуникативными практиками достижения общезначимого по договоренности решения.

Традиционная система норм и ценностей научного этоса Р.Мертона, как и параметры дисциплинарной матрицы Т.Куна, при решении конкретной задачи (здесь и теперь), как правило, неоднозначно трансформируются¹⁶⁶. Ведь ученый погружен в сложно организованную ситуацию, его поведение зачастую обусловлено неосознаваемыми повседневными правилами поведения в жизненном

¹⁶⁶ См. подробнее об этом ниже.

мире, сложившимися в сообществе установками (рефлексивно и рационально выраженными в форме теоретически обоснованных или достигнутых по договоренности), межличностными отношениями (партнерства, конкуренции, лидерства и т. д.), интеллектуальным и эмоциональным климатом (общности по интересам) сообщества. Экстремальная по сложности ситуация «быть или не быть», «приводящая в сознание» каждого ее участника, вынуждает его становиться посредником между всеобщим и общезначимым. Между предельными транс-позициями бесстрастного *наблюдателя* (классика) и конкретного *участника* (неклассика) когнитивно-коммуникативных познавательных практик. Возникает позиция *Свидетеля* (постнеклассика), который одновременно удерживает в себе оба предельных состояния¹⁶⁷.

Эта ответственная (связанная с ответом на вопрос, заданный экзистенциальной ситуацией) транс-позиция Свидетеля делает его философом современного (постнеклассического) типа. Но эта ситуация воспроизводит и традиционное: «философствовать – значит мочь начать» (Р.Сафрански). Особенность стилистики свидетельствующего философствования в данном месте и времени состоит в осознании ответственности не только в отношении выбора себя, но и в отношении сохранения открытости другому (коммуникабельности). Причем обе формы ответственности совместно реализуются в процессе коммуникативных трансдисциплинарных практик.

Одновременно три формы трансдисциплинарной тематизации позиции философии предполагают комплиментарные трансформации классических субъект-объектных структур в научном познании, в результате чего, собственно, и создается возможность, обустроивается место встречи (как мы отмечали выше) философского и научного дисциплинарного знания. Поэтому тематизация *условий возможности опыта трансдисциплинарности* может (уже в этой перспективе) быть развернута в многообразии толкований классической субъектно-объектной оппозиции¹⁶⁸. В науке

---

¹⁶⁷ Более подробно указанные транс-позиции рассмотрены в статье: *Киященко Л.П.* Опыт философии трансдисциплинарности («казус биоэтика») // *Вопр. философии.* 2005. № 8. С. 105–107.

¹⁶⁸ См. перекликающиеся тематизации субъектно-объектных отношений у наших соотечественников, например, у В.А.Лекторского, Л.А.Микешинной, В.Н.Поруса.

возникают позиции, конгруэнтные тем, что описаны выше для философии. Здесь свои формы трансцендирования – классический наблюдатель (отстраненный от объекта исследования), участник неклассический (включенный в ситуацию наблюдения) и свидетель постнеклассический, чье место определяется не только в рамках гносеологического отношения, но и вырастающей из его личностного знания (становящегося явным) рефлексией на ценностные основания своего отношения к обществу и природе. Хотя переход от первой к третьей позиции сопровождается нарастанием сложности, отношение между ними нельзя квалифицировать как отношение части и целого или как иерархии уровней.

Каждая из отмеченных транс-позиций не снимает и не обобщает, а дополняет друг друга, скорее, по типу «сетевой модели обоснований» Л.Лаудана¹⁶⁹. Причем каждая из них может попеременно служить точкой отсчета, подобно инварианту, по отношению к которому возможно просчитать варианты изменения, дополняющие его до пары. В известном смысле последнее утверждение высказано в традиционном русле: всякое знание, независимо от того, является оно научным или просто вытекающим из здравого смысла, предполагает – явно или скрыто – систему принципов сохранения¹⁷⁰ всеобщего. Но отличие философии трансдисциплинарности, базирующейся на соответствующем опыте, в том, что этот статус вариантов и может принадлежать составляющим его попеременно. Система принципов сохранения может принадлежать и общезначимости (контингентной всеобщности), возникшей лишь в результате проведения соответствующих консультаций и обсуждения условий взаимодействия, участвующих в обсуждении проблем. «С психологической точки зрения потребность в сохранении составляет

---

¹⁶⁹ «Сетевая модель очень сильно отличается от иерархической модели, так как показывает, что сложный процесс взаимного разбирательства и взаимного обоснования пронизывает все три уровня научных состояний. Обоснование течет как вверх, так и вниз по иерархии, связывая цели, методы и фактуальные утверждения. Не имеет смысла далее трактовать какой-либо один из этих уровней как более привилегированный или более фундаментальный, чем другие. Аксиология, методология и фактуальные утверждения неизбежно переплетаются в отношениях взаимной зависимости». См.: *Лаудан Л.* Наука и ценности // Современная философия науки: знание, рациональность, ценности в трудах мыслителей Запада. Хрестоматия. М., 1966. С. 338–339.

¹⁷⁰ См.: *Пиаже Ж.* Избр. психол. тр. М., 1969. С. 243–244.

разновидность функционального *априоризма* мышления, означающего, что по мере развития мышления или исторического взаимодействия устанавливающегося между внутренними факторами его созревания и внешними условиями опыта, эта потребность выступает как необходимая»¹⁷¹. Но в случае философии трансдисциплинарности сохраняется также возможность обсуждения того, что было установлено как сохранное с точки зрения функционального априоризма мышления. Например, общие постулаты, допущения, которые были приняты на основе общности по настроению, готовности найти решение проблемы, вновь корректируются с учетом вновь сформировавшихся принципов и допущений. В этом случае мы можем говорить, что разворачивающийся опыт трансдисциплинарности имеет в своей основе апостериорную априорность. Априорность дисциплинарных норм подправляется проверкой их в опыте трансдисциплинарности, поскольку дискуссии, длящиеся между учеными, учеными-философами не одно десятилетие, «ясно показывают, что какая бы сила ни исходила от правил и норм науки, они на самом деле не достаточны, чтобы разрешить быстро и определенно эти дискуссии»¹⁷². Амбивалентность указанного феномена разворачивается, в свою очередь, в 2-интервал взаимодействия между априорным и апостериорным, определяя тем самым взвешенную позицию философии.

3. Неприсязательность философии – апостериорная априорность трансдисциплинарного опыта

Мы полагаем, что важным шагом на пути осмысления таким образом представленного основания опыта трансдисциплинарности является идея «неприсязательной философии» Ю.Хабермаса, которая (что принципиально) формулируется им в контексте обсуждения конкретно практически значимой проблемы – проектов либеральной евгеники¹⁷³. В чем смысл неприсязательности фило-

¹⁷¹ См.: *Пиаже Ж.* Избр. психол. тр. С. 243–244.

¹⁷² *Лаудан Л.* Наука и ценности. С. 302–308.

¹⁷³ См.: *Хабермас Ю.* Обоснованная неприсязательность. Существуют ли пост-метафизические ответы на вопрос о «правильной жизни»? // Будущее человеческой природы. На пути к либеральной евгенике? М., 2002. С. 11–21.

софии трансдисциплинарности? По Хабермасу, наивное отождествление собственной частной перспективы рассуждения с некоторой самоочевидной позицией всеобщего доказало в современной философии свою иррелевантность. Предположение о всеобщей, одной на всех сущей перспективе истины или идеи благой жизни, которое еще совсем недавно вдохновляло философское сообщество, обеспокоенное потерей «единства», не просто поставлено под вопрос. Оно само, как таковое, воспринимается как угроза недопустимого вмешательства в право каждого человека «развивать этическое самопонимание для того, чтобы в соответствии с собственными возможностями и благими намерениями осуществлять в действительности персональную концепцию “благой жизни”»¹⁷⁴.

Но тогда возникает вопрос – не является ли непритязательность разума проявлением его бессилия? На что философ может надеяться, непритязательно выдвигая суждения, в частности, об этической приемлемости или неприемлемости, к примеру, либеральной евгеники? *На что может надеяться* человечество перед лицом экзистенциальных угроз? В современном демократическом секулярном обществе ссылки на Бога релевантны только в рамках общины единоверцев. В этой ситуации Хабермас предлагает свой «ослабленный процедуралистский» вариант прочтения «Другого» как языка или коммуникативной практики. По Хабермасу, не только правильное моральное суждение, определяющее отношение между субъектами, но и правильное этическое самопонимание «не может быть ни получено в результате откровения, ни “дано” каким-либо иным образом. Оно может быть лишь завоевано *совместными усилиями*¹⁷⁵» (*курсив наш. – Л.К., В.М.*). Философский поиск всеобщих оснований в данном случае скоррелирован коммуникативными стратегиями обнаружения общезначимости в многообразии дисциплинарных единств. Тем самым установка на всеобщность, сопрягаясь с достигнутой общезначимостью, образует универсум трансдисциплинарных дискурсов.

Путем оспаривания предпосылок другого, постоянного процесса выдвижения, критики и отклонения неудачных суждений и отбора успешных предположений возможности *быть собой перед*

¹⁷⁴ См.: Хабермас Ю. Обоснованная непритязательность. Существуют ли пост-метафизические ответы на вопрос о «правильной жизни»? С. 11–21.

¹⁷⁵ Там же. С. 21.

лицом друг друга участники коммуникации продвигаются в сторону понимания общего блага, *основанием* которого становится сам факт достигнутой договоренности. Но идея общего блага здесь необычна, она представляет собой общее понимание того, как могут жить вместе люди с различным пониманием основных ценностей жизни. То есть является принципом удержания различия и сохранения полемоса как основания. Неслучайно принципы и правила, например, биоэтики по сути представляют собой не общие «решения» проблем, а правила конкурентной борьбы различных ценностных ориентаций в пространстве публичного диалога.

Естественно, что гарантом достигнутого «общезначимого по договоренности» выступает не некая универсальная логика, а *решимость* участников коммуникации быть верным принятым на себя перед лицом друг друга обязательствам. Однако сколь бы ни был удобен концепт общественного договора, он не снимает с философии ответственности за собственно философское осмысление своего соучастия в трансдисциплинарных коммуникациях и своих притязаний на основательность. Он не предоставляет возможности забыть, что осмысление метафизических оснований эпохи «есть мужество ставить под вопрос прежде всего истину собственных предпосылок и пространство собственных целей»¹⁷⁶.

Совместное усилие по выдвигению в транс-позицию вместе с другим в ответ на его встречное желание *сбыться именно вместе* фундирует позицию философствования в трансдисциплинарных исследованиях и дает наиболее общий ответ на кантовский вопрос – *на что я могу надеяться?* Надежда на то большее, что раскрывается в коммуникативном сообществе, связанном перед лицом острейших экзистенциальных проблем общностью по настроению, по-новому трактует традиционные методологические средства.

4. Трансфлексия как метод трансдисциплинарности

Метафизика традиционно понимаемой рефлексии предполагает поворот, отражение от предмета и возвращение к себе «луча света» естественного разума. Рефлексия удерживает то, что в пред-

---

¹⁷⁶ Хайдеггер М. Время картины мира // Хайдеггер М. Время и бытие. Ст. и выступления. М., 1993. С. 41.

мете (а таким предметом может быть и сама рефлексия) имплицитно присутствует до акта отображения. Самоидентичность является главной характеристикой и предмета рефлексивного метода, направленного на постижение предсущего обезличенного божественного или трансцендентального истинного основания мышления, и бытия. Тождественность рефлексивного опыта обеспечивается представлением о точности самого «когито» и прозрачности среды (языка), в которой осуществляется познавательная деятельность.

Рефлексия, начиная с Декарта, обладает статусом основного методологического принципа философствования. Последний обладает двунаправленностью, предполагает переход к предметному рассмотрению сознания и одновременно переход к самосознанию, т. е. саморефлексии.

Исторически становление понимания рефлексии шло через эмпирическую (внутренний опыт мыслящего субъекта, по Локку), логическую (интеллектуальный опыт, порождающий всеобщее знание, согласно Лейбницу), трансцендентальную (синтез эмпирического и логического в «трансцендентальном единстве апперцепции», по Канту), наконец, абсолютную (по Гегелю, рефлексия снимает свои собственные моменты в движении ко всеобщему) стадии.

Трансфлексия является, по нашему мнению, специфическим обосновывающим методом «непритязательного философствования», который отличается от классического метода философской рефлексии учетом нелинейности событий общения. Весьма близки к нашим представлениям понятия «неклассической», «синергетической» или «конкретной» рефлексии¹⁷⁷.

Трансфлексия предполагает преобразование однородного поля рефлексии, замену точечного «Я» или «субъекта» трансцендентальной философии концептом сложно организованной самости, предполагающей внутреннюю множественность и имманентное присутствие нереплексивного, анонимного, не поддающегося рационалистической редукции телесного опыта. В горизонте трансфлексии опыт о-плотняется за счет сложности синергетических

---

¹⁷⁷ Автономова Н.С. Рефлексия в науке и философии // Проблема рефлексии в научном познании. Куйбышев, 1983. С. 23; Аршинов В.И., Свицкий Я.И. Синергетическое движение в языке // Самоорганизация и наука: Опыт философского осмысления. М., 1994.

отношений участвующих в нем агентов (познающих субъектов, языка, настроения, познавательных инструментов, среды опыта и т. д.). В дело идет трансфлексивное приближение, уточнение проблемного поля исследования, опосредованное конкретными и частными проявлениями, ситуациями, событиями, случаями, которое наполняется реальным содержанием взаимодействия по поиску решения выхода из него. Дисциплинарное единство и целостность знаний, вступающих во взаимодействие при решении трансдисциплинарной проблемы, уточняется подобием, а не тождественностью друг другу. Это делает возникающее единство или целостность толкований неустойчивым, открытым для будущих уточнений, самонастраивающимся, о котором можно сказать «одно и то же, но не то же самое».

Трансфлексивное аппроксимирование указывает в свою очередь на носителя представлений о целостности. Особенность его позиции состоит в свидетельстве, ответственном поступлении, переступания через себя, понимаемого лишь как анонимного и независимого (в старом, кантовском смысле трансцендентального) субъекта.

Итак, смыслом классической рефлексии является узнавание тождественного в себе (самотождественность) и в ином. Поэтому она имманентно ретро-спективна. Трансфлексия настроена изумлением, ориентирована не на узнавание, а на «фундаментальную встречу» (Ж.Делёз) с инаковостью в себе и ином. В этом смысле она про-спективна, открыта неизвестному, рискованному будущему. Инаковость ритмично структурирована правящим экзистенциальным настроением. Она удерживает план целостности как фундаментальной загадки (проблемы), на решение которой направлена трансдисциплинарная коммуникативная деятельность ученых и философов, ориентированных на решение жизненных проблем, которые делают их членами определенного общества.

Если философские или иные дисциплинарные точки зрения самотождественны и как «ментальные атомы» рефлексивно замкнуты на себя, то они не нуждаются ни в каком диалоге и, по сути, не способны к нему. Не нуждаются – поскольку ищут лишь тождественного в себе и тождественного себе. Поскольку самодостаточны. Иной взгляд или иная перспектива – лишь раздражающая инаковость, которую следует и всегда возможно «снять», рассмотрев как частный случай, абстрактный момент, ступень развития или просто бессмыс-

ленную девиацию (ошибку) тождественного себе должного или истинного. Не способны – поскольку, не признавая в себе и вытесняя из себя инаковость, лишают себя места встречи с другим.

В основе позитивно настроенного коммуникативного сообщества лежит взаимная нужда друг в друге «других» для исполнения себя. Это его основание. Трансфлексия, как *обосновывающая* процедура, призвана удержать зону открытости друг другу и нуждаемости друг в друге (толерантности в отношении себя и другого), защитить от рефлексивных «снятий». Рефлексия и трансфлексия не отменяют друг друга. Они находятся в кон-такте, определяя (устанавливая пределы) и переопределяя кантовский вопрос «*что я могу знать?*».

5. Концепт как способ выражения трансфлексии

Если выразительным средством рефлексии является понятие, то трансфлексия как метод непритязательной философии работает с *концептами*. Они являются формами мысли, действующими в режиме непосредственного диалогического общения говорящего и слушающего, пишущего и читающего. Об этом, в частности, свидетельствует и этимология слова «концепт», которое образуется из приставки «кон» (совместно действовать, взаимодействовать, быть совместимым) и корня «цепт» (брать, принимать, воспринимать).

С нашей точки зрения, экзистенциальная энергия апорий жизненных происшествий (казусов) и парадоксальный опыт их осмысления концентрируется в многообразии проблемных узлов – концептов как зародышей мысли («спор» – В.С.Библер). К примеру, развитие техник пересадки сердца выявило в качестве проблемного узла (предмета трансдисциплинарного спора) концепты «жизнь» и «смерть». Смысл парадоксальных ситуаций, возникающих в связи с прогрессом новых репродуктивных технологий (аборта, оплодотворения в пробирке и трансплантации эмбрионов, клонирования), концентрируется в специфическом биоэтическом концепте «человек» (Т.Сидорова). Парадоксы новых моделей отношения врачей и пациентов воплощены в концепте «личность». Концепт связывает сферы бытия и мысли в речи, указывая возможностный (В.С.Библер) характер их соотнесенности, но, не

доводя эту возможность до полного актуального «вбирания мыслью бытия или бытием мысли», оставляет как значимую саму *неопределенность, основополагающую загадочность (парадоксальность), которая, собственно, и принуждает мыслить*. Он ритмически структурирован игрой господствующего экзистенциального настроения.

Общие для всего поля трансдисциплинарности концепты провоцируют многообразие направлений поиска научно, философски, богословски, дисциплинарно *обоснованных* решений – форм *понятийного* схватывания. Однако парадоксальная сложность экзистенциальных проблем такова, что (как отмечалось) ни одно из дисциплинарных оснований при всей *необходимости* не может претендовать на *достаточность*. И в вопросе о начале жизни человека именно как человека, и в вопросе о конечном моменте человеческого существования, и в других не менее острых экзистенциальных ситуациях правит полемос, стягивающий в апорийное единое пространство спора многообразие разумов (научных, философских, религиозных), истин и идей блага, пониманий правды человеческого существования. Концепты, доопределяясь парадоксами понятийного схватывания, генерируют парадоксальный импульс поиска основания и обоснованности в сфере трансдисциплинарных коммуникаций жизненного мира.

Благодаря трансфлексивному удержанию (схватыванию) «большого» как основополагающей энигматичности (нерефлексивного) концепт как форма диалогической речи сохраняет открытое пространство для *другого* как принципиально *иного*. В нем как «зародыше» мысли всегда присутствуют «задатки», которые могут воплотиться в речи как минимум двух участников диалога, их изначальный спор, полемос.

В отличие от определенности понятия, концепт (ввиду изначальной парадоксальности) исходно недоопределен. Для классического мышления неопределенность познания и взаимопонимания имела «субъективный» характер недостаточности разума. В современной науке и философии она становится «объективной», указывая на становление как имманентное свойство самой реальности. Концепт «живет» в междуречье ведущих беседу, воспроизводя в себе нераздельно и неслиянно субъективные и объективные аспекты речей собеседников, а также удерживаемое трансфлексией большее. Именно

поэтому он выступает незаменимым «посредником» диалогического общения или «общения без обобщения» трансдисциплинарного коммуникативного опыта перевода, локализуясь в пограничной зоне между языком обыденной жизни (словом) и дисциплинарными курсами (понятием).

Здесь мы подходим к следующему важному различию между понятием и концептом. Развернутой формой понятия является научная логически связанная теория (или теоретическая модель). Внутридисциплинарно, удерживая парадоксальность понятийного схватывания (возможность альтернативных теорий), концепт развертывается в концепцию¹⁷⁸. Внутри философии (ее особых областей – таких как этика или антропология), богословия, биологии и медицины, психологии и др. дисциплин складываются, движимые энергией концептов, концепции человека, личности, смерти, жизни и т. д.

При переходе в сферу трансдисциплинарных коммуникаций концепты приобретают форму *концептуальных повествований* (нарративов). В отличие от обычных повествований, структурирующих отношения жизненного мира, в завязки концептуальных повествований и структуры их перипетий входят помеченные выше экзистенциальные апории, парадоксальными смысловыми сгустками которых как раз и являются концепты¹⁷⁹. Трансфлексивное удержание в концептах и концептуальных повествованиях энигматического, «большого» в трансдисциплинарном опыте превращает границу между познанным и не познанным, между познаваемым с научной точки зрения и тем, что в принципе не может быть научно познанным, в коммуникативный канал с иными формами разума (к примеру, религиозного) и иными формами духовного опыта.

В трансдисциплинарных коммуникативных практиках речь эксперта представляет собой междуречье как минимум двух речей – одна дисциплинарно ориентирована на логическое высказывание объективной истины, другая («профанирующая») – ориентирована на риторическое (через нарративное представления ситуации) убеждение другого. При этом если дисциплинарные

¹⁷⁸ *Неретина С.С., Огурцов А.П.* Концепция // Новая философская энциклопедия. Т. 2. М., 2001. С. 308–309.

¹⁷⁹ Конкретные примеры концептуальных повествований можно найти в кн.: *Тищенко П.Д.* Био-власть в эпоху биотехнологий. М., 2001.

дискурсы замкнуты на себя, то в нарративах происходит их замыкание навстречу друг другу. П.Рикёр, обсуждая проблемы диалога естественных и гуманитарных наук по поводу понимания природы человеческого поступка, указывает, что повествования являются естественным «местом встречи на высшем уровне» для *ведения диалога* (спора) многообразных вариантов морального и теоретического разума¹⁸⁰. Это достигается благодаря возможности перевода дисциплинарных знаний на язык повествований, которые моделируют возможные проекты существования человека в структурах *жизненного мира*, как результаты научных исследований и их моральных оценок.

Трансдисциплинарная коммуникация, будучи *опосредована* переводом дисциплинарных знаний на язык повествований, моделирует конкретные формы совместной жизне-деятельности индивидов, пытаясь разрешить упакованные в концептах экзистенциальные парадоксы. Например, ученый (биолог), изобретший новую технологию, должен (для того, чтобы смысл его открытия был понят неспециалистами) перевести свои результаты на язык повествований *жизненного мира*. Несколько упрощая, можно сказать, что ему необходимо представить свое открытие через нарративно выраженные версии новых перспектив для решения конкретных человеческих проблем: лечения заболеваний, облегчения жизни, улучшения качества окружающей среды и т. п. В нарративно структурированной среде *жизненного мира* экзистенциальные устремления и предположения о смысле блага ученых приходят в конфликт с устремлениями и предположениями радикально иначе понимаемого смысла блага других участников социального взаимодействия. Возникают (как отмечалось выше) *жизненно-практические трагедийные апории*, конденсирующиеся в концептах.

Именно с этими первичными повествовательными представлениями (узлами, сюжетными завязками которых являются концепты) и начинают работать философы, юристы или психологи. Отталкиваясь от повествования как исходной эмпирии, они (каждый по-своему) проводят ее профессиональное исследование и, тем самым, переводят на специфические языки определенных дисциплинарных областей. Результатом этих исследований могут быть свои интерпретации смысла и моральной ценности открытия

---

¹⁸⁰ Ricoeur P. Oneself as Another. Chicago, 1992. P. 113–115.

ученого. Однако понятность профессионального суждения философа, психолога или любого другого эксперта для других (неэкспертов¹⁸¹), опять же, может быть достигнута лишь в результате обратного перевода результатов философского, юридического или психологического анализа на язык повествований жизненного мира. Выявленные ими смыслы и данные оценки должны быть пересказаны как открытые или закрытые варианты жизненных историй, возможных в результате реализации или не реализации той или иной биомедицинской технологии (к примеру, разрешения или запрета на клонирование человека).

В этом смысле концептуальные повествования, представляющие структуры жизненного мира, являются медиумами трансдисциплинарного общения. Источниками порождаемых в результате прямых и обратных переводов смыслов являются концепты. Трансфлексия удерживает нелинейность диалога в многообразии концептов, выделяя в становлении и обмене смыслов контингентные островки устойчивости (общезначимости по договоренности) и сохраняя продуктивную зону взаимонепереводимости.

Представление об общении как переводе помечает как его процессуальность, так и границы, в рамках которых возможно движение общающихся навстречу друг другу. Напомним, что, с нашей точки зрения, основу трансдисциплинарного общения задает ритм *общности по настроению*. Он же является ритмом процессов семантического обмена (перевода) в концептуальной среде на границе языковых миров дисциплинарного знания и жизненного мира, вступающих между собой в диалог как эксперимент, нацеленный на согласование различных дисциплинарных представлений, связующих трансдисциплинарное общение проблем.

Важными структурными оппозициями, которые определяют, т. е. устанавливают границы пределов процессуального пространства перевода, могут выступать оппозиции между общим и особенным, научным и ненаучным, когнитивным и прагматическим, рефлексивным и нерефлексивным, наблюдаемым и ненаблюдаемым, истиной и контингентностью (истиной-по-соглашению), продуктивным и репродуктивным воображением, текстом и контекстом, высказанным и невысказанным, причинностью и целе-

---

¹⁸¹ Каждый эксперт в отношении к эксперту из другой научной дисциплины играет роль профана.

полаганием и т. п. Границы предельных допущений организуют пространство переводимости – смыслопорождающую среду опыта вопрошания трансдисциплинарного диалога.

При этом опыт перевода двойится в соответствии с семантической разницей, хорошо выраженной в различии значения английских терминов «translation» и «interpretation»¹⁸². Перевод в одной из своих проекций предстает как «усвоение» (интерпретация) смысла чужой речи, выражение этого смысла на родном языке. Это путь рефлексивных практик. Неповторимая особенность чужой речи гаснет, смысл усваивается. Возникает переживание полной сводимости переводимого к переведенному (их самотождественности). На этом строятся многообразные стратегии редукционизма, так или иначе стирающие неповторимые особенности вступающих в диалог партнеров. Позиции сливаются, выталкивая заинтересованных в диалоге партнеров, в обобщенную и обезличенную позицию бесстрастных наблюдателей.

Во второй проекции перевод имеет черты семантической трансляции – переноса фрагментов чужой речи в ткань родной речи. Общение в таком случае удерживает чужеродность чужого языка, сохраняет определенную степень непереводимости. Этот второй аспект выражает специфику трансдисциплинарной коммуникации, которая строится не на *рефлексивной тождественности*, а на *трансфлексивном подобии* значений терминов различных языков. Трансфлексия (об этом было сказано выше) удерживает нелинейность междисциплинарного диалога, выделяя в становлении и обмене смыслов лишь контингентные островки устойчивости – концепты.

Взаимная непереводимость языков междисциплинарного диалога имеет существенное позитивное значение. Как подчеркивал Ю.М.Лотман, «ценность диалога оказывается связанной не с той пересекающейся частью (пересечения языкового пространства говорящего и слушающего. – Л.П., В.М.), а с передачей информации между непересекающимися частями. Это ставит нас лицом к лицу с неразрешимым противоречием: мы заинтересованы в общении именно с той ситуацией, которая затрудняет общение, а в преде-

---

¹⁸² Различие этих терминов в английском языке определено метафизикой европейского фоноцентризма. Речь представляет «внутреннее» в языке, письмо – «внешнее» его исполнение. Неслучайна популярность идеи мышления как внутренней речи.

ле – делает его невозможным. Более того, чем труднее и неадекватнее перевод одной непересекающейся части пространства на язык другой, тем более ценным в информационном и социальном отношениях становится факт этого парадоксального общения. Можно сказать, что перевод непереводаемого оказывается носителем информации высокой ценности»¹⁸³.

Это непереводаемое представляет собой ростковую зону культуры, которую Ю.Лотман охарактеризовал как «взрыв». Уточняя эту ситуацию, в своей статье «О роли случайных факторов в поэтическом тексте» он писал: «И вот этот постоянный перевод непереводаемого, который составляет основу внутреннего механизма и вовлечение несистемного в систему, выбрасывание системного из системы, создает некий механизм, исключительно богатый разнообразными, неожиданными сочетаниями и поэтому генерирующий очень неожиданный смысл»¹⁸⁴. Чуть выше он говорит о механизме случайности, который оказывается историческим фактором и научным фактором, а не фактором, лежащим вне науки. Причем рассуждение Ю.Лотмана в этой статье было инициировано рассмотрением идей И.Пригожина и его школы. «Перед нами все время происходит смена индетерминированных, так сказать, случайных элементов и ситуаций ситуациями, которые их вторгают в закономерность. И, таким образом, между случайными, между релевантным и иррелевантным происходит постоянная игра. И эта игра определяет и особое положение аномальных высказываний – или высказываний в такой мере, в какой текст выглядит по отношению к языку более обогащенным аномальными высказываниями»¹⁸⁵. Описанная ситуация типична для входящих в первичное общение. В таких случаях, по словам К.-О.Апеля, вполне имеет смысл рассчитывать на языковое взаимопонимание между теми, кто принадлежит различным языковым сообществам, в плоскости *коммуникативной компетенции*, которая зависит не только от своей преформации в конкретном языке, но – как показывает всякий перевод – и от *прагматических универсалий*¹⁸⁶.

¹⁸³ Лотман Ю.М. Культура и взрыв. М., 1992. С. 15.

¹⁸⁴ Лотман Ю.М. О роли случайных факторов в поэтическом тексте // История и типология русской культуры. СПб., 2002. С. 139.

¹⁸⁵ Там же. С. 138.

¹⁸⁶ Апель К.-О. Трансцендентально-коммуникативное понятие языка // Трансформация философии. М., 2001. С. 257.

Теперь идет поиск оснований для оправдания самой «раздробленности», обоснования, по выражению Е.А.Сидоренко, *объективности плюрализма*¹⁸⁷, множественной природы разума. Например – концепция культуры как диалога культур М.М.Бахтина, логика диалога логик В.С.Библера и трансцендентальный эмпиризм Ж.Делёза. Диалогизм (как бы он ни понимался) становится дополнительной (в сравнении с монологизмом классического рационализма) перспективой отношения не только к другому (разуму, пониманию и т. д.), но и к иному в форме природы. Научное познание трансформируется в экспериментальный диалог с природой. При этом «видение природы претерпевает радикальные изменения в сторону множественности, темпоральности и сложности»¹⁸⁸.

Следует иметь в виду, что в результате меняется сама идея диалога. Трансдисциплинарная коммуникация – это не платоновский диалог, в котором результат известен заранее одному из участников. В стыке между вопросом и ответом обнаруживается нелинейная среда самоорганизующегося коммуникативного опыта. Достигнутое совместным усилием решение, которое всегда открыто к пересмотру, не разрешает проблемы, не снимает ее, а лишь возвышает. В основание кладется ответственный поступок «выбора себя» пред лицом «другого» в ситуации здесь и теперь разворачивающегося трансдисциплинарного диалога.

Неизбежное несовпадение прямого и обратного перевода (здесь мы следуем некоторым идеям А.В.Михайлова¹⁸⁹), а также помеченное выше обстоятельство в высказывании М.Ю.Лотмана о неполноте процесса перевода создают креативную зону трансдисциплинарного общения, *зону диалога как эксперимента, удерживающего общий настрой, общения без предварительно обобщения.*

Концепт выражает структурный элемент связи между разобщенными языковыми дисциплинарными мирами. Процессуальный момент выражен в проблеме перевода. Но в обычной практике общения это обстоятельство незаметно. В трансдисциплинарных практиках (типа биоэтической) переводимость с одного дисципли-

¹⁸⁷ Сидоренко Е.А. Логика. Парадоксы. Возможные миры. Размышления о мышлении в девяти очерках. М., 2002. С. 96–153.

¹⁸⁸ Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. С. 34.

¹⁸⁹ См.: Михайлов А.В. Обратный перевод. М., 2000.

нарного языка на другой оказывается проблемой. Возникает затруднение понимания, которое и эксплицирует это (имплицитно присутствующее) обстоятельство.

Безусловно, не каждое происшествие может стать предметом трансдисциплинарного общения. Необходимо, чтобы в жизненном происшествии содержался *импульс, провоцирующий потребность к осмыслению*, к выдвигению за рамки обыденного, устоявшегося мнения («доксы»). Жизненное событие должно быть *парадоксальным*. Оно должно содержать в себе императивное требование к научному, философскому, богословскому и иному дисциплинарному осмыслению, т. е. выдвигению за пределы жизненного мира в поисках теоретически обоснованной идеи истины или блага, идеи, претендующей на статус всеобщего. Схематизируя, можно сказать, что всеобщность воплощает целостность смысла, втягивая в себя субъекта в качестве проблемы выявления связи единичного с радикально иным. Для этого в казусе должно присутствовать качество трагедийной «апории» или «амехании»: «Это невозможность действовать в условиях необходимости действовать. Она возникает не от сознания “расстроенности” мира, а в ясном противостоянии и противоборстве равно мощных и равно правых сил или нужд. Амехания разворачивается в трагическое стояние, в такое движение решающей мысли, которая не приводит к решению, а расширяет и углубляет осознание “неудобопроеходимости”, апорийной ситуации»¹⁹⁰.

Обсуждение трансдисциплинарных проблем приводит к связыванию многообразия разноречивых экспертных дискурсов в координированный пучок коэволюционирующих подходов. Иными словами, конкретные случаи, выражающие парадокс экзистенциального настроения, выступают, с нашей точки зрения, в роли «аттракторов», обеспечивающих единство проблемоцентрированного поля моно-, мульти-, меж- и трансдисциплинарных исследований. Публичные дискуссии оказываются формой экспериментирующего «опережающего проживания» (Б.Г.Юдин) вариантов социализации научно-технологических инноваций и создания новых типов трансдисциплинарной кооперации. В диалоге как эксперименте нами рассмотрена специфическая роль повествовательных струк-

¹⁹⁰ Ахутин А.В. Открытие сознания (Древнегреческая трагедия и философия) // Ахутин А.В. Поворотные времена. СПб., 2005. С. 162.

тур, представляющих в конкретных исследованиях *мир как историю*, являющуюся дополнительным описанием *мира как природы*, данного в экспериментальном диалоге.

При этом необходимо учесть, что повествование представляет не теоретический аспект, а аспект сугубо практический. Поэтому, *вступая в диалог как эксперимент в трансдисциплинарном опыте, наравне с научными дисциплинами, философия сама становится сугубо практической.*

6. Экспериментальный диалог и диалог как эксперимент

Эксперимент является определяющим признаком той науки и той культуры, которые, возникнув на рубеже Нового времени в XVII в., продолжают определять характер экзистенциальной ситуации современного человека. Как отмечает А.В.Ахутин «эксперимент не просто “метод познания”, не просто “органон” и архитектурное начало всей познавательной стратегии новоевропейской науки, но конститутивный момент мышления Нового времени, в соответствии с которым оно в целом может быть названо экспериментирующим мышлением»¹⁹¹. С этой точки зрения разум современного человека остается по сути экспериментальным не только в естественных, социальных и гуманитарных науках, но и в искусстве, экономике и политике.

Поэтому, говоря о феномене трансдисциплинарности, мы не должны упускать из виду, что общий для представителей современной культуры экспериментирующий характер мышления не в меньшей степени, чем отмеченные выше факторы, обеспечивает возможность кооперативного действия представителей различных научных дисциплин и профанного сообщества.

Ниже мы попытаемся отследить специфику когнитивных практик экспериментального диалога с природой и коммуникативных практик диалога как своеобразного эксперимента.

Экспериментальный диалог занимал и занимает центральное место в диалоге с природой, начатом современной наукой и продолжающемся по настоящее время. Современный экспери-

---

¹⁹¹ Ахутин А.В. Эксперимент // Новая философская энциклопедия. Т. 4. М., 2001. С. 425.

ментальный метод (и естественнонаучный, и мыслительный эксперимент как инструменты познания), претерпев значительные трансформации, сохранил свои традиционные опознавательные знаки: воспроизводимость и контролируемость в среде трансдисциплинарного общения, функциональную способность быть верификатором и фальсификатором теоретических умозаключений уже в среде трансдисциплинарного общения.

При этом важно отметить, что в эксперименте (как диалоге) природа предстает в предметных формах *открытых систем*. Для современной науки является общепринятым утверждение, что сложные саморазвивающиеся системы (как естественные, так и искусственные по своей природе) характеризуются открытостью: обменом веществом, энергией и информацией с внешней средой. Хотелось подчеркнуть важный для нашего исследования момент, что экспериментальный диалог (термин введен И.Пригожиным) с открытыми системами предполагает необходимость предугадывать «поведение реальности, не зависящей от наших убеждений, амбиций или надежд. Природу нельзя заставить говорить то, что нам хотелось бы услышать. Научное исследование – не монолог»¹⁹². В диалоге (как эксперименте) общения с «другим» предметной формой бытия субъектов для самих себя и друг для друга является не произведение классического типа, а то, что У.Эко назвал *открытым производением*. У.Эко выдвигает гипотезу о наличие устойчивой модели *открытого производства*. Он исходил из того факта, что система отношений на различных уровнях (семантическом, синтаксическом, физическом, эмотивном; уровне тем и уровне идеологических содержаний, уровне структурных отношений и структурированного ответа, даваемого реципиентом, и т. д.) имеет сходную структуру производство–произведение–пользование¹⁹³.

«Экспериментальный диалог, являясь неотъемлемым достижением человеческой культуры, как утверждал И.Пригожин, дает гарантию того, что при исследовании человеком природы последняя выступает как нечто *независимо* существующее. Экспериментальный метод служит основой коммуникабельной и воспроизводимой природы научных результатов. Сколь бы откры-

¹⁹² Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. С. 44.

¹⁹³ См.: Эко У. Открытое производство: Форма и неопределенность в современной поэтике. СПб., 2004. С. 13.

вочно ни говорила природа в отведенных ей экспериментом рамках, высказавшись однажды, она не берет своих слов назад: природа никогда не лжет»¹⁹⁴.

В постнеклассической науке экспериментальный метод превращается в экспериментальный диалог с природой в силу нескольких взаимодополнительных факторов. Как уже отмечалось выше, центральную позицию трансдисциплинарных исследований начинает занимать не предмет, а проблема как граница между познанным и непознанным, между познаваемым с научной точки зрения и тем, что в принципе не может быть научно познанным. Это последнее становится предметом других форм опыта. Поэтому природа, как диалогический партнер, отслаивается от закрывавшего его в классической перспективе предмета науки и сдвигается в некую «транс-позицию» – промежуток «между», из которого оказывается способной давать ответы, на вопросы, сформулированные в языках различных дисциплинарных дискурсов.

Следами ее присутствия в научном предмете (т. к. он дан в рамках конкретных дисциплинарных подходов) становится то, что классическая наука оценивала сугубо негативно, – неопределенность, случайность, сингулярность и т. д. В современных экспериментах, например вычислительных экспериментах с нелинейными моделями, природа обозначает свое присутствие в дополнении рефлексивно схватываемых узнаваемых модельных образов и трансфлексивно удерживаемого «неузнанного» – того, что дается в схематизмах упоминавшейся выше «фундаментальной встречи» (Ж.Делёз). Как отмечает Я.И.Свирский, «...важным моментом здесь является то, что в эксперименте над нелинейной моделью (как некой трансценденталией) фундаментальная встреча с неузнанным, с тем чему предстоит только стать объектом, не единичное событие»¹⁹⁵.

Одномоментно, в полном соответствии с мутацией экзистенциального настроения, который может быть обозначен как «экологический поворот», меняется отношение науки и техники. Для классической науки было характерно следующее обстоятельство: «Эксперимент рассматривает технику как форму открытия сущ-

¹⁹⁴ Пригожин И. Порядок из хаоса. С. 88.

¹⁹⁵ Свирский Я.И. Нелинейное естествознание и трансцендентальный эмпиризм// Нелинейная динамика и постнеклассическая наука. М., 2003. С. 213.

ностных законов природы и заранее открывает природу как возможную технику»¹⁹⁶. В постнеклассической науке возникает дополнительная экологическая установка на сохранение природы в *неоткрытом и неосвоенном* с помощью техники образе. Мощные интенции нового типа экспериментального диалога исследователя с природой реализуются, например, в синергетике. «Диалогичность синергетики находит свое отражение и в характере вопрошания природы: процесс исследования закономерностей окружающего мира в синергетике превратился (или находится в стадии превращения) из добывания безликой, объективной информации в живой диалог исследователя с природой, при котором роль наблюдателя становится осязаемой, осязаемой зримой»¹⁹⁷. При этом представление о самой природе, вступающей в диалог, приобретает дополнительную сложность. «Ученый не может действовать так, как ему заблагорассудится, и заставить природу говорить лишь то, что ему хочется услышать. Строя радужные надежды и ожидания, он не может рассчитывать (по крайней мере, если говорить о глобальной тенденции) на “поддержку” со стороны природы. В действительности ученый подвергает себя тем большему риску и ведет тем более опасную игру, чем более искусную тактику он выбирает, стремясь отрезать природе все пути к отступлению, припереть ее к стенке»¹⁹⁸.

Таким образом, можно сказать, что научный эксперимент, являясь одним из наиболее изощренных и логически продуманных изобретений человеческого разума, представляет собой систематическое, не закрепленное раз и навсегда взаимодействие двух ролевых функций – активной и пассивной. В ретроспективе классической новоевропейской науки активный компонент – это приведение экспериментальной системы в движение путем продуцирования начальных состояний. Пассивный компонент состоит в наблюдении за тем, что происходит внутри систем, насколько это возможно без их разрушения¹⁹⁹. Но с учетом равноправия в экспериментальном, партнерском диалоге с природой, как он рассматривается в

¹⁹⁶ Ахутин А.В. Эксперимент. С. 426.

¹⁹⁷ Данилов Ю.А. Роль и место синергетики в современной науке // *Онтология и эпистемология*. М., 1977. С. 10.

¹⁹⁸ Пригожин И. Порядок из хаоса. С. 88.

¹⁹⁹ См.: Вригт Г.Х. фон *Логико-философские исследования*: Избр. тр. М., 1986. С. 114.

постнеклассическом движении научной мысли, можно сказать, что пассивное поведение «припертой к стенке» природы оборачивается активным вмешательством в постулированные экспериментатором начальные условия. А посему активизм экспериментатора уравновешивается внимательным, взвешенным отношением к той до конца непредсказуемой и непознанной природе (и своей в том числе), чья пассивность корректируется событиями детерминированного хаоса и действиями неизбежных случайностей.

В заключение нашего рассуждения о характере экспериментального диалога применительно к трансдисциплинарной ситуации отметим следующее принципиальное обстоятельство. Эксперимент осуществляется не только с помощью технических средств и приспособлений, но и самим экспериментатором как живым телесным существом, его «руками». Через эту телесность экзистенциальный настрой эпохи сопрягается с интеллектуальными и техническими действиями экспериментатора. На уровне «подручного знания» (М.Хайдеггер) мир по-своему раскрывается науке. И то, что знают умелые и искусные руки экспериментатора, не всегда знает его «голова». Это знание как умение в принципе до конца не рационализируемо. Его можно передать лишь «традиционно», т. е. понимая буквально, «из рук в руки» – путем обучения как подражания. В этом смысле эксперимент оказывается не только «методом», но и искусством. По словам И.Пригожина, «мы считаем, что в основе его лежат особые навыки и умение, а не общие правила. Будучи искусством, экспериментальный метод никогда не гарантирует успех, всегда оставаясь на милости тривиальности или неверного суждения»²⁰⁰.

Через телесность экспериментатора и теоретика в научное знание входит непосредственно биографический опыт проживания в конкретной исторической ситуации. Илья Пригожин так описывает резонанс биографического переживания и теоретической установки Декарта и Эйнштейна: «Декарт жил в XVII веке, в трагическое время религиозных войн в Европе, когда становилось очевидным, что попытки примирения, о которых говорили гуманисты, определенно провалились. И в этом мире Декарт ищет такую уверенность, которую смогли бы разделить все люди. То же происходит и с Эйнштейном, чьи физические взгляды представляли

---

²⁰⁰ Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. С. 86.

последний триумф человеческого разума над обманчивым и жестоким миром»²⁰¹. Можно привести другой яркий пример внутреннего сходства, или резонансного параллелизма, интеллектуально-духовных феноменов из разных дисциплин, проявляющийся независимо от какого-либо прямого воздействия их представителей друг на друга. Речь идет о трансдисциплинарном межличностном резонансе между В.Гейзенбергом и Г.Марселем, который раскрывает изоморфизм между квантовомеханическим понятием состояния и понятием экзистенции у Марселя²⁰².

Иными словами, экспериментальный диалог с природой осуществляется не единичным «субъектом» или «наблюдателем», а реальным человеческим существом. Причем осуществляется на разных языках и уровнях так, что определенный блок коммуникативных связей порой минует инстанции его сознания. «Кроме того, в каждый исторический период научные интересы меняются и возникают новые вопросы. Все это приводит к сложной взаимосвязи между специфическими правилами научной игры (в частности, экспериментальным методом ведения диалога с природой, налагающим наиболее жесткие ограничения на игру) и культурной сетью, к которой, иногда неосознанно, принадлежит ученый»²⁰³.

Таким образом, экспериментальный диалог как средство коммуникации выступает, в свою очередь, в качестве еще одного основания трансдисциплинарного общения, наряду с выше указанной общностью по настроению. Другим основанием могут рассматриваться коммуникативные практики трансдисциплинарного диалога, для которых также характерны черты определенного рода экспериментирования.

Диалог как эксперимент. Экспериментальный диалог ученый осуществляет с природой как независимой от него реальностью. С какой реальностью вступают в отношение участники трансдисциплинарного диалога? Не забывая сказанное выше о языке как активной смыслопорождающей среде коммуникативных практик трансдисциплинарности, отметим, что таковой реальностью

---

²⁰¹ Пригожин И. Будущее не задано // Человек перед лицом неопределенности. М.–Ижевск, 2003. С. 15–16.

²⁰² Визгин В.П. Трансдисциплинарный межличностный резонанс: В.Гейзенберг и Г.Марсель // Этос науки. М., 2008. С. 432–453.

²⁰³ Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. С. 68.

является *мир как история*²⁰⁴. Конкретной формой истории, с которой происходит «экспериментирование» в трансдисциплинарном диалоге, является повествование²⁰⁵. Напомним отмеченное А.В.Ахутиным обстоятельство – эксперимент в естествознании рассматривает технику как «форму открытия» необходимости природы и открывает эту необходимость как «возможную технику». Точно так же диалог как «форма» коммуникативного эксперимента «открывает» в исторической «природе» человека специфические типы «необходимости», на которых может быть построена возможность новых, более эффективных диалогических отношений кооперации в трансдисциплинарном научном сообществе и трансдисциплинарных структурах, связывающих научное сообщество с обществом в целом.

Естественно, экспериментирование с реальностью как историей воспроизводит все те исторически контекстуальные характеристики, которые нами описаны в экспериментальном диалоге. Не станем повторяться.

В этих условиях трансдисциплинарная коммуникация, как уже отмечалось, опосредована переводом дисциплинарных знаний на язык повествований, моделирующих конкретные формы совместной жизне-деятельности индивидов. Ученый, изобретший новую технологию, должен перевести свои результаты на язык повествований жизненного мира, расширить рамки проведения *экспериментального диалога* с природой, переведя сам *диалог в эксперимент* по согласованию своей позиции с позицией других субъектов жизненного мира. Несколько упрощая, можно сказать, что ему необходимо представить версии новых перспектив для решения человеческих проблем, изменений образа жизни человека.

И как уже отмечалось выше, именно с этим первичным материалом начинает работать философ, рассуждающий о моральных основаниях предполагаемых решений. Отталкиваясь от повествования как исходной эмпирии, он проводит ее профессиональное исследование и, тем самым, переводит на специфический язык

---

²⁰⁴ См.: *Тищенко П.Д.* Что значит знать? Онтология познавательного акта. М., 1989.

²⁰⁵ Об этом мы уже говорили в начале книги. См. также: *Тищенко П.Д.* К вопросу о методологии мысленных экспериментов в биоэтике // *Философия биологии: вчера, сегодня, завтра.* М., 1996. С. 194–213.

определенной дисциплинарной области. Результатом этого исследования могут быть и «да» и «нет», и если «да», то на определенных условиях. Однако понятность профессионального суждения философа для других может быть достигнута лишь в результате обратного перевода результатов философского анализа на язык повествований жизненного мира. Его «да» и «нет» должны быть пересказаны как открытые или закрытые варианты жизненных историй, возможных в результате реализации новых дисциплинарных и технологических проектов.

Глава 3. Трансдисциплинарность практической философии

1. Процедура обоснования практического решения – конкретная универсальность

Удержим связь со сказанным в первой главе первого раздела об опыте трансдисциплинарности в его онто-гносеологическом измерении. Опыт был рассмотрен как деятельность, способ, задающий подвижный горизонт универсального через его соотношение с особенным, конкретным – «единством в многообразии» (Э.В.Ильенков). «Конкретность проявляется как целостность, как единство разнородностей, единство множества не сводящихся друг другу характеристик предмета, в противоположность единству абстрактному, основанному на сведении всего многообразия качеств к одному знаменателю, одностороннему пониманию предмета лишь как носителя одного искусственно выделенного свойства»²⁰⁶. Совместное рассмотрение двух видов единств образует интервал между конкретным и универсальным, как основание для практического решения.

Если рассматривать цепочку понятий *опыт – коммуникативные стратегии (диалог) – практики* не по хронологии явлений ими обозначаемых, а синхронично, акцентируя внимание на одно из них или отношение между ними по мере востребованности в конкретной ситуации, то она образует рекурсивную цикличность,

---

²⁰⁶ Мельков Ю.А. Философия практики и практическая философия // Практична філософія. Киев, 2004. № 3. С. 131.

сетевую композицию опыта трансдисциплинарности в целом. Опыт при этом не теряет внутренней напряженности переживания обсуждаемой проблемы и удерживает связь с диалогом как экспериментом и практиками эксперимента как диалога, давая о себе знать в множественности разнородных практических действий. Подчеркнем, что практическое нами понимается не только в смысле предметного действия в сфере познания, но, прежде всего, как реальный опыт трансдисциплинарного (в том числе и познавательного) общения (события со-бытия с «другим» и «иным»). При такой трактовке становится очевидной фундаментальная важность рассмотрения практичности трансдисциплинарной философии. Ведь общение охватывает всю сферу практической деятельности в том смысле, что сама практика – это глобальная коммуникация, учреждающая культуру и, стало быть, общественные отношения (У.Эко).

Практика как диалогическая коммуникация с другим и иным имеет еще один не менее важный аспект – иной взгляд на соотношение фундаментального и прикладного, которое может быть истолковано как парафраз отношений универсального и особенного (конкретного).

По нашему мнению, одновременное, взаимно доопределяющее друг друга рассмотрение традиционно разведенных областей человеческой деятельности – фундаментального (основополагающего, ориентированного на абсолютные Истину и Благо научного знания) и прикладного (вторичного, утилитарного, обусловленного сиюминутным интересом, ценностно нагруженного) – является краеугольным камнем построения соответствующих практик. При этом линейная зависимость от фундаментального к прикладному теряет свою традиционную однонаправленность. Прикладное знание, понятое как опыт осуществления многообразия познавательных практик, активно вступает во взаимодействие с фундаментальным, трансформируя его отличительную черту – всеобщность в общезначимость применения. Указанное взаимоотношение как перманентное примеривание друг к другу выявляемых дихотомий, амбивалентностей лежит в основании постнеклассической методологии, ярким выражением ее являются трансдисциплинарные исследования.

Отметим, что причины, побуждающие к рассмотрению постнеклассической методологии через призму практики, не являются только внешними (прикладными) по отношению к самому

феномену «постнеклассика». Практическая значимость инкорпорирована в ее «тело» по первоначальному определению – человекомерности и человекоразмерности. Человекомерность указывает на протагоровскую позицию человека как «меры всех вещей», гуманистические универсалии взаимоотношений с другим в обществе и культуре и с иным в природной среде, строящиеся с точки зрения Истины, Блага, Добра. Человекоразмерность, в свою очередь, указывает на технологические универсалии деятельностного (посредством орудия или прибора) отношения к действительности, которая при этом далека от пассивного состояния. Практическая значимость в *постнеклассике*, отношения (среда «между») прописываются с учетом одно-многозначного (не линейного, в одну сторону) соответствия, тем самым предлагая варианты соизмеримости разно порядковых явлений. Это одна из причин, почему мы и говорим «практики», а не «практика» в обобщенном виде.

Практичность философии, как известно, тема не новая. Сократ, софисты и Платон практиковали на базарных площадях, в банях или в тени деревьев, обучая молодежь мудрости. Аристотель считал философию высшим по совершенству образом жизни. В средние века философия рассматривала себя в качестве «служанки» богословия. Философия Нового времени неразрывно связана с идеей покорения Природы во имя чисто практических целей. При этом непосредственно практический характер философствования приобрело в формах моральной философии, в которой и субъектом действия как философского осмысления и его предметом выступал сам разум. Маркс ратовал за то, чтобы не объяснять природу, а изменять ее для блага человечества. В советском марксизме философы и психологи (Э.В.Ильенков, М.Б.Туровский, В.В.Давыдов, А.Н.Леонтьев и др.) рассматривали труд и предметную деятельность (практику) в качестве субстанции человеческого мышления. Шедевром философии предметной деятельности может служить пока мало известная широкому кругу философов и психологов книга В.С.Библера «Самостояние человека»²⁰⁷. Существенную роль в формировании концепции практической философии в современной исторической ситуации сыграли разработки петербург-

---

²⁰⁷ Библер В.С. Самостояние человека. «Предметная деятельность» в концепции Маркса и самодетерминация индивида. Кемерово, 1993.

ских философов начала 1990-х гг. прошлого века²⁰⁸. С позиций синергетической парадигмы идеи практической философии были рассмотрены В.И.Аршиновым²⁰⁹.

В чем качественная специфика нашего обращения к этой теме? В чем смысл практической философии современного типа? На каком основании и каким образом практическая философия соотносится с трансдисциплинарностью?

Обычно вопрос о смысле какого-либо нового дела в качестве ответа предполагает указание на характеристики, которые отличают предлагаемый подход от уже имеющихся в философской или научной традиции. Не скроем, что и для нас переживание новизны находок и изобретений мысли существенно. Но не менее существенно и иное – новое должно не столько отличать, сколько устанавливать пространство открытости или каналы сообщимости (диалога) с другими перспективами и точками зрения без их обобщения в рамках одной теоретической перспективы, без попыток их «негации» или «снятия». Многообразие расходящихся в истолковании реальности философских перспектив, дисциплинарных подходов, личностных и цеховых предпочтений, формирующее стереоскопию меж- и трансдисциплинарных исследований, как мы стремились показать, может быть удержано в условных «рамках» *единой проблемно-ориентированной перспективы* специфической «общностью по настроению» (Б.Ф.Поршнев и Т.Шабутани), проявляющейся в синергии когнитивно-коммуникативных практик. На этих предположениях строится и наше отношение к предшествующему опыту практической философии, и наше понимание сути философии трансдисциплинарности как разновидности практического философствования в эпоху науки постнеклассического типа.

С этой точки зрения само теоретическое философствование как принятие постулатов, разворачивание умозаключений и вынесение суждений истолковывается как особый вид жизненной

---

²⁰⁸ См.: Перспективы практической философии на рубеже тысячелетий: Материалы теорет. семинара 9 марта 1999. СПб., 1999.

²⁰⁹ Аршинов В.И. Синергетика как феномен постнеклассической науки. М., 1999; Бевзенко Л.Д. Постнеклассические практики свободы – социокультурные контуры осуществления // Практична філософія. Киев, 2009. № 1. С. 55–66; Добро-нравова И.С. Философия науки как практическая философия: ситуация постнеклассики и возможность свободы // Там же. С. 43–55; Кизина В.В. Практическая философия как постнеклассические практики и свободы // Там же. С. 66–80.

ситуации, поступка, события поиска смысла, т. е. как вид практического философствования. При этом самообоснование как функциональное свойство рефлексивного теоретического мышления в силу его имманентной парадоксальности не может иметь окончательного решения, но именно его незавершенность, сохраняющая парадоксальность как импульс мысли, и выступает обоснованием самого философствующего мыслителя.

2. Философия трансдисциплинарности как интервал между практическим и теоретическим разумом

Конкретное событие в жизненном мире (к примеру, изобретение новой технологии) формирует предмет трансдисциплинарного исследования как проблему совместного рассмотрения, как минимум, «историка-этика» и «теоретика». Неоднозначность ожидаемого решения проистекает не в последнюю очередь из особенностей применяемых средств, сочетающих историческое описание случившегося как экзистенциальной проблемы, включающее этическую составляющую и его теоретическую реконструкцию в дисциплинарном рассмотрении.

Трудности осуществления такого проекта напрямую связаны, в частности, и с тем, что эти явления по своему существу подвержены не только движению и изменению, скажем, по естественным причинам (*становление бытия*), позволяющим отслеживать следствие-результат, но в них инкорпорирован фактор направленности становления как процессуальной, целеполагающей деятельности (*бытие становления*) в прилагаемых жизненных обстоятельствах. При обращении к таким явлениям эвристически полезным представляется сохранение «коридора» – пространства границы «между» *pro* и *contra*, если исходить из представления, что «понятие жизни может быть сконструировано только из противоположных начал»²¹⁰.

---

²¹⁰ Шеллинг Ф.В.Й. О мировой душе. Гипотеза высшей физики для объяснения всеобщего организма, или Разработка первых основоположений натурфилософии на основе начал тяжести света // Шеллинг Ф.В.Й. Соч.: В 2 т. / Сост., ред., авт. вступ. статьи А.В.Гулыга. Т. 1. М., 1987. С. 161. «Изначальная противоположность может быть снята только в бесконечном синтезе, в конечном же объекте – только на мгновение. Противоположность в каждый момент заново

Согласно И.Канту, «познание разумом может относиться к своему предмету двояко, а именно: либо просто *определять* предмет и его понятие (которое должно быть дано другим путем), либо *осуществлять* его. Первое означает *теоретическое*, а второе – *практическое познание* разумом»²¹¹. Двойственная природа разума (сочетающего в себе предел как определенность и беспредельное как осуществление), при внимательном рассмотрении обнаруживает в себе интервал между теоретическим и практическим, который выступает как некоторое действующее первоначало. Практическое познание разумом ассоциировано с таким направлением философии, как этика. Историческое развитие представлений о предмете этики также шло в русле решения дилемм-противопоставлений (мораль общественная и мораль личная; социальная, «неподлинная» мораль практической целесообразности и «подлинная» нравственность внерационального мотива и т. п.)²¹², т. к. они складывались в реальном опыте нравственной жизни через нормотворческую деятельность. Последняя по сути своей апеллирует к идеальному миру, который и творится, и претворяется в тех или иных поступках и решениях, осуществляя желание и волю поступающего человека. «Практическое связано не с сущим, а с волей и целями человека. Практическая философия оказывается философией деятельности, но не просто деятельности, а деятельности нравственной. Деятельности не ради самой деятельности, но деятельности согласно некоторой цели, деятельности по достижению некоторого блага, деятельности по приведению преобразуемого предмета в соответствие с определенными стандартами или идеалами»²¹³.

возникает и в каждый момент вновь снимается. Это постоянное возникновение и постоянное снятие противоположности в каждый момент должно быть последним основанием всякого движения. Данное положение, которое является принципом динамической физики, находит себе место, подобно всем другим принципам подчиненных наук, в трансцендентальной философии» (*Шеллинг Ф.В.Й.* Система трансцендентального идеализма // Там же. С. 362–363).

²¹¹ Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Соч.: В 6 т. Т. 3. М., 1964. С. 83 (курсив И.Канта).

²¹² Дробницкий О.Г. Моральная философия: Избр. тр. М., 2002. С. 203.

²¹³ Мельков Ю.М. Философия практики и практическая философия // Практична філософія. 2004. № 3 (13). С. 119.

Предписывающий характер этических суждений в известной мере «можно интерпретировать как особого рода теоретизирование – теоретизирование в терминах жизни»²¹⁴. Особенность этого теоретизирования, как принято считать, сочетает в себе непосредственное осознание смысла жизни (мораль), впечатанное в язык самой практики, и опосредованное осознание сознания жизни (этика)²¹⁵. Можно сказать, следуя логике интервального подхода в прояснении особенностей постнеклассической методологии, что указанные составляющие образуют человекомерность и человекомерность познавательных практик как становящееся целое. Ведь человекомерность, как правило, возникает (подступает) на границах возможностей объективированного знания. Научное знание в своем развитии «ставит нас в постоянное соприкосновение с чем-либо, что превышает нас; она постоянно дает нам зрелище, обновляемое и всегда более глубокое; позади того великого, что она нам показывает, она заставляет предполагать нечто еще более великое: это зрелище приводит нас в восторг, тот восторг, который заставляет нас забывать самих себя, и этим-то он высоко морален»²¹⁶. Наука вводит в рассмотрение то, что находится за границей актуально возможного, не только в бытии природных реалий, но и в человеческом бытии. Тем самым становление научного знания, рассмотрение науки как предчувствия, предоставляет возможность заглянуть в мир виртуального, потенциального воплощения сущностной взаимосвязи между неисчерпаемостью человеческого и природного, питает собой тенденцию к гуманизации и аксиологизации познания, приобретает многомерное измерение. Концептуализация, «исчисление словом» (М.Хайдеггер), такого способа общения имеет ту специфику, что она перманентно *становится* в ситуации приобщения к опыту предельного – действию в пограничном режиме изменяющихся ранее установленных и общезначимых норм. В.Гейзенберг вспоминал, что «физик Вольфганг Паули как-то говорил в данной связи о двух пограничных представлениях, которые оказались исключительно плодотворными в истории человеческой мысли, хотя ни одному из них ничего в реальной действительности не соответствует. Один пре-

²¹⁴ См.: Гусейнов А.А. Этика // Философская энциклопедия. М., 2001. С. 476.

²¹⁵ Там же.

²¹⁶ Пуанкаре А. Мораль и наука // О науке. М., 1983. С. 508.

дел – представления об объективном мире, закономерно развертывающийся в пространстве и времени независимо от какого бы то ни было наблюдающего субъекта. <...> Другой предел – представление о субъекте, мистически сливающимся с мировым целым настолько, что ему не противостоит уже никакой объект. <...> Где-то посередине между этими пограничными представлениями движется наша мысль; наш долг выдержать напряжение, исходящее от этих противоположностей»²¹⁷.

3. Трансформации рациональности в интервале истины и пользы

Опыт трансдисциплинарности, удерживающий напряжение мысли между пределами объективного отношения к миру в научных дисциплинарных дискурсах и включенностью в языковую реальность жизненного мира, ставит проблему формирования нового типа рациональности. Рациональности, которая сочетает культуру знания и культуру умения, теоретическое и практическое, истину и пользу.

Новый тип рациональности формируется «не на периферии исследований проблем научной рациональности и ее издержек, а на магистральной линии развития общефилософского осмысления современного мира в целом»²¹⁸. Таким образом трактуемая рациональность тем более не может быть сведена к точным ее дефинициям и экспликациям, от которых она ускользала на всем протяжении истории своего становления. Как только возникало то или иное определение, парадоксальность рациональности проявляла себя самым решительным образом – оно ускользало от своего определения²¹⁹.

Поиск форм освоения мира в целом предполагает, прежде всего, учет не только множества разнообразных образующих его частей, но и системы складывающихся отношений между ними. Новая рациональность выражается «в усилении принципа

²¹⁷ Гейзенберг В. Шаги за горизонт. М., 1987. С. 340.

²¹⁸ Рациональность на перепутье: В 2 кн. Кн. 1. М., 1999. С. 268.

²¹⁹ Порус В.Н. Парадоксальная рациональность (очерки о научной рациональности). М., 1999.

взаимосвязи и взаимодействия научных и духовно-практических форм освоения мира, обращения к культуре в целом, а также во введении в философский обиход понимания и общения в широком смысле, охватывающем различные формы как научного, так и ненаучного знания в их совокупности, а значит, всей массы языка и всего многообразия средств его трансляции, коммуникативных связей, механизмов их осуществления и др.»²²⁰. Рациональность такого типа была названа Хабермасом коммуникативной рациональностью, которая напрямую связана с множественностью практик, ее реализующих. Целью коммуникативной рациональности является достижение рационального консенсуса. Средством достижения последнего выступает дискурс. Хабермас интерпретирует дискурс как форму аргументации, с помощью которой можно продуктивно проанализировать (или тематизировать) противоречивые, спорные суждения. Дискурс имеет различные формы: теоретическую, практическую, экспликативную, эстетическую и экспрессивную. Способы аргументации, которые выделяет Хабермас, по его мнению, объединяет процесс выработки целостных культурных смыслов (в единстве когнитивного, морального и эстетических суждений). Научный дискурс, ориентирующийся на отслеживание возникновения нового знания, следуя стратегии коммуникативной рациональности, должен учитывать синергетический эффект возникновения такого рода смыслов²²¹. Масштаб и особенность возникающих целостных культурных смыслов, формы его выражения и приложения, его «универсальность» зависят от конкретных исследовательских задач и проблем.

«Нормы рациональности, операциональные методы и модели воображения определяют тип понимания и объяснения знания в тот или иной период», оформляя содержание, фиксируя его в виде целостного, т. е. единого и отграниченного образа изучения ситуации. Этот образ, или аналогия, метафора, символ и т. п. заимствуются из имеющегося арсенала культуры²²². Трансдисциплинарный подход позволяет представить, совместить традиционную ориен-

²²⁰ Рациональность на перепутье. С. 268.

²²¹ Там же. См. об этом: С. 283–287.

²²² Юдин Б.Г. Объяснение и понимание в научном познании // Вопр. философии. 1980. № 9. С. 57.

тацию объяснения (причинно обусловленного знания) в современном научном познании с пониманием (историко-герменевтическим знанием) и общением (действенно-практическим знанием). Допущенное в научный дискурс на равных с объяснением понимание через коммуникативные практики общения вызывает необратимые изменения идеи рациональности научного знания. Рациональность получает дополнительное измерение и удовлетворяет общему экзистенциальному стремлению человека к укоренению себя в мире. Подобного рода укоренение разворачивается двойным путем. Во-первых, происходит объяснение способа существования человека в мире (придание себе онтологической устойчивости) с помощью научного дискурса, который, в какой бы области и на каком бы материале он ни строился – будь то в «объективном» опыте или чисто в «субъективном» представлении, являет собой вполне определенный способ «синтеза многообразного», сведения воедино и взаимного упорядочивания восприятий и представлений. Во-вторых, герменевтические практики понимания себя, сочетающие рефлексивные и трансфлексивные процедуры, придают устойчивость миру, находящемуся (как демонстрирует опыт неклассической науки) в интимной зависимости от познающего субъекта²²³.

Другими словами, объяснение в современной науке ориентируется на то, как складывается понимание и общение, которые дополнительным образом соотносятся с традиционным толкованием научного объяснения классического типа. Последний в контексте современного научного дискурса приобретает значение некоторой устойчивой, общепонятной (общепринятой) системы отсчета, по отношению к которой можно отследить появление нового. Современный научный дискурс, нацеленный на получение нового знания, нового смысла, вершится всегда с оглядкой на ту традицию, от которой он отказывается, но которая дает ему возможность

---

²²³ «Самый короткий путь Я к самому себе – это речь другого, позволяющая мне проскочить открытое пространство знаков», т. к. речь воспринимается скорее, чем произносится. А поскольку «не существует понимания самого себя, не опосредованного знаками, символами и текстами», то «самопонимание, в конечном счёте совпадает с интерпретацией этих опосредующих терминов», устанавливая изначальную *знаковую* предрасположенность любого человеческого переживания. См. об этом: *Рикёр П.* Что меня занимает последние 30 лет // Историко-философский ежегодник '90. М., 1991. С. 311–312.

себя распознать в новом. Парадоксальным образом подобного рода отказ может осуществляться путем возвращения к традициям глубокого прошлого.

Уроки предвоенной неклассики. Можно без преувеличения сказать, что основания современной рациональности были заложены в дискуссиях физиков на пороге Второй мировой войны по проблемам квантовой механики. То, что вкладывается сегодня в понимание научного дискурса, находится между ориентацией на коммуникативную рациональность и ориентацией на объективное познание классического образца. Находиться «между» предполагает учет двух указанных пределов – образующих координат современного научного дискурса в его понимании понимания.

В.Гейзенберг анализирует события, складывающиеся как внутри естественнонаучного знания, так и за его пределами и свидетелем которых он явился, соотносит их с традициями, сформировавшимися в истории становления научного знания. Первый шаг, – он считает, – в установлении истинного значения слова «понимание», был сделан в платоновской философии. К истинному пониманию можно прийти, лишь применяя точный, логически замкнутый язык, поддающийся настолько строгой формализации, что возникает возможность строго доказательства²²⁴. Современное естествознание в отличие от указанного пути достижения понимания развивается, так сказать, с другого конца. Оно движется не от общих законов, а от отдельных групп явлений, в которых природа уже ответила на экспериментально поставленные вопросы. Установленный закон природы превращается в программу технического применения, способного предсказывать, что получится в результате того или иного эксперимента. Несмотря на указанное различие, сутью понимания, по мнению Гейзенберга, остается оформление закона на строгом, абстрактном языке математики – сведение к простым принципам. Латинский девиз: «Простота – печать истины» истолковывается им как *способ* задания единого, упорядочивающий многообразие явлений природы. Становящийся порядок по мере развертывания фундаментальных абстрактных структур ведет к появлению новых, усложненных и измененных форм, которые, однако, можно считать как бы вариациями на ту же тему. Это разворачивание абстрактных структур сродни, по его мнению, антич-

---

²²⁴ Гейзенберг В. Шаги за горизонт. С. 113.

ному определению красоты: «Красота есть правильное согласование частей друг с другом и с целым»²²⁵. Гейзенберг приводит, в частности, пример, как в течение двух столетий ньютоновская механика устанавливала направляющие линии разворачивания понимания проводимых экспериментов, оценки решения отдельных технических проблем, устанавливала масштаб хорошо или плохо были решены поставленные задачи. Она имела не только научное и техническое значение, но и социальное и этическое – каждый, внося свой небольшой вклад, мог содействовать значительной цели, о ценности такого вклада можно судить объективно²²⁶. Предпочтения Гейзенберга явно на стороне понимания, возникающего в таком способе задания единого, упорядочивающего многообразия открывающихся в эксперименте связей природы.

Однако он допускает, хотя и оговаривает, что такое познание может оказаться обманчивым, и допускает иной вид понимания с соответствующими упорядочивающими возможностями. Это непосредственное познание единого, непричастного к понятийному мышлению, возникающее из чистого созерцания. Этот вид понимания исходит, вместо ясных и отчетливых понятий, из насыщенных ярким эмоциональным содержанием образов, символических по форме. Такой вид понимания, как все более становится убежденным Гейзенберг, характерен для неизбежной промежуточной стадии, которую нельзя перескочить и которая подготавливает позднейшее развитие. Стадии, когда красота и завершенность старой физики казались разрушенными, а все попытки, зачастую расходящиеся друг с другом, уловить очертания нового типа взаимосвязи оставались безуспешными²²⁷. Ощущение понимания возникает из иного рода представлений о красоте (восходящего к Плотину) как о свечении в материальном явлении вечного сияния единого. Как получается, задается вопрос, что этот проблеск прекрасного в точном естествознании позволяет распознать великую взаимосвязь еще до ее детального понимания, до того, как она может быть рационально доказана?

Соответствующие этому состоянию научного знания понимание и способы объяснения (обусловленные особенностями задания единого) вынуждают язык, на котором идет обсуждение, ми-

---

²²⁵ Гейзенберг В. Шаги за горизонт. С. 276.

²²⁶ Там же. С. 277.

²²⁷ Там же. С. 281.

микрировать, принимать двусмысленную форму. «Такой способ формирования языка связан, прежде всего, с основополагающим парадоксом квантовой теории. Всякий эксперимент, независимо от того, относится ли он к явлениям повседневной жизни или атомной физики, необходимо описывать в понятиях классической физики. Понятия классической физики образуют тот изначальный язык, на котором мы планируем опыты и фиксируем их результаты. Мы не в состоянии заменить его другим. Тем не менее законы природы ограничивают применимость этих понятий так называемыми соотношениями неопределенности»²²⁸.

Н. Бор в свое время указывал на то, что в атомной физике мы вынуждены пользоваться разными способами описания, исключаящими, но также и дополняющими друг друга. Адекватное же описание процесса достигается, в конечном счете, только игрой различных образов. Ситуация дополнительности привела к тому, что физик, говоря о событии в мире атомов, нередко довольствуется неточным метафорическим языком и, подобно поэтам, стремится с помощью образов и сравнений подтолкнуть ум слушателя в желательном направлении, а не заставить его с помощью однозначной формулировки точно следовать определенному направлению мысли.

Ситуация неопределенности, которая сопровождает проявления квантовомеханического предмета, является следствием неполноты дескриптивного знания о нем, которая вынуждает прибегать к языку образов. Последний решает проблему неполноты «по-своему», т. е. буквально – каждый, участвующий в исследовании указанных феноменов, достраивает его до целостного, единого представления силой своего понимания недостающих для этой ситуации образов.

Ситуацию неопределенности, подчеркивает Гейзенберг, «ни в коем случае нельзя понимать просто в смысле незнания истинного положения дел». Существуют промежуточные ситуации в становлении научного знания, для которых остается неопределенным, ложно или истинно некоторое высказывание. Когда научное объяснение и его понимание строится исходя из принципа энтимемы – интеллектуальной дискурсии. Согласно этимологии слова «энтимема», оно содержит в своей структуре аргументацию, чья

---

²²⁸ Гейзенберг В. Шаги за горизонт. С. 218.

неполнота, ее недостающие части предполагаются очевидными. Происходит восполнение очевидным, чей статус на научность под-держивается воображением²²⁹. Речь идет о тех случаях, которые не укладываются в *описание* экспериментальных ситуаций, в которых действует классическая логика, когда возникает нужда что-нибудь *рассказать* практику о самих атомах или молекулах. В дело идут достраивающие картину поведения такого рода объектов до необходимой для понимания и объяснения полноты дополнительные смыслообразы, которые «подчиняются» иным законам, законам воображения, которые ориентированы интенцией познания.

В среде интеллектуальной дискуссии происходит постоянный процесс перевода с языка понимания на язык объяснения и обратно с усвоения смыслов в интерпретациях, трансляция значений через языковые границы и удержание непереводаемого, того, что можно было бы обозначить как мета-физическая неопределенность. Именно из такого основания вырастает рациональность трансдисциплинарного опыта.

И язык как «самоговорящее бытие человеческого рода» (Маркс), представленный в коммуникативном сообществе, выступает *основанием нашей надежды* перед лицом лавинообразно множущихся экзистенциальных угроз. Причем, как должно быть ясно из предшествующего рассуждения, коммуникативное усилие происходит не только во внешней среде между различными субъектами, но и в сознании отдельного субъекта, во внутреннем диалоге, ведущемся на различных языках объяснения и понимания. Тем самым рациональность трансдисциплинарного опыта может быть рассмотрена как конкретизация старой философской метафоры, определяющей мышление как молчаливый разговор души с самой собой.

В контексте совместного коммуникативного усилия удерживается возможность соприсутствия в опыте многообразия дисциплинарно полагаемых единств и формируется трансдисциплинарное коммуникативное сообщество.

---

²²⁹ Р.Барт выделяет три большие группы дискурсов – метонимические (повествовательные), метафорические (лирическая поэзия, учительская литература) и энтимематические (интеллектуальная дискурсия). См.: *Барт Р.* Введение в структурный анализ повествовательных текстов // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму. М., 2000. С. 233.

4. Этнос и парадигма трансдисциплинарности

Анализ этоса современной науки позволяет наиболее рельефно увидеть эволюцию этических проблем науки, которые становятся всё более конкретными и более резко очерченными. В то же время мы можем заметить, что проблемы социальной ответственности ученых не только конкретизируются, но и в определенном смысле универсализируются. Они возникают в самых разных сферах научного познания, включая и фундаментальное знание²³⁰. При этом необходимо отметить, что этическая оценка науки сейчас становится более дифференцированной, относящейся не столько к науке в целом (каково бы сегодня ни было к ней отношение в категориях Добра и Зла), сколько к отдельным направлениям и областям научного знания, выходящим за рамки дисциплинарной замкнутости. В этих случаях морально-этические суждения способны играть конструктивную роль не только в обосновании теоретических построений, имеющих конкретную, практическую ориентацию, но и в формировании обновленного горизонта современных культурных ценностей. Содержания представлений «этоса науки» и «этики науки» не являются тождественными, они находятся отношении «пересечения». То, что их различает, – это преобладание в «этосе науки», предьявленного тем или иным конкретным сообществом, доли *общезначимых* норм и принципов, формируемых в «истории» существования данного сообщества, в отличие от «этики науки», которая сформирована с акцентом на *всеобщие* нормы и принципы и претендует на универсальный статус. Проблема этоса научного познания, с нашей точки зрения, сегодня представлена, например, через переосмысление в современной культуре традиционных соотношений Истины и Блага, всеобщего и общезначимого, фундаментального и прикладного в научном познании, наконец, персональной и коллективной ответственности в проведении того или иного исследования.

Этнос постнеклассической науки может быть рассмотрен через призму соотношения состояния или статуса научного знания в целом и его организующих «частей» – внутренних и внешних

²³⁰ Пружинин Б.И. Два этоса современной науки: проблемы взаимодействия // Этнос науки. М., 2008. С. 108–122.

порядков, границ²³¹, образующих основания его жизнедеятельности. То, о чем идет речь, может быть соотнесено с нормами и ценностями, образующими научный этос, по Р.Мертону. *Нормы* в таком случае выражаются в форме позволений, запретов, предписаний, предпочтений и т. п. – факторы внутреннего обустройства научного знания. *Ценности* же соотносятся с целями и желаемыми результатами деятельности в данном научном сообществе, имеющими внешние формы проявления жизнедеятельности научного сообщества²³².

На ситуацию можно взглянуть и с позиции Куна, через «призму» парадигмы (дисциплинарной матрицы). В понятии парадигмы, которое стало для Т.Куна главным для разворачивания его концепции структуры научных революций, содержалась, по нашему мнению, потенциальная возможность представлять *единство различенного*. Другими словами, понятие «парадигма» содержит в себе мощный потенциал для реализации философской рефлексии над трансформациями современного научного познания.

С целью уточнения термина «парадигма» Кун предлагает замещающий его термин – «дисциплинарная матрица». «Дисциплинарная» потому, что она учитывает обычную принадлежность ученых-исследователей к определенной дисциплине; «матрица» – поскольку она составлена из упорядоченных предписаний. В этом качестве они образуют единое целое и функционируют как единое целое²³³. В матрицу, как мы видим, входят разного рода предписания (сейчас мы бы сказали *гетерономные* образования). Какие это предписания? Дадим слово Т.Куну.

1. «*Символические обобщения*», используемые членами научной группы без сомнений и разногласий, которые могут быть без особых усилий облечены в логическую форму: «Эти обобщения

²³¹ Но соотношение внутреннего и внешнего порядков, образующих системный феномен этоса науки, может быть проиллюстрировано различением внутренней и внешней стороны границы, рассмотренным Н.Луманом. «Граница системы есть не что иное, как вид и конкретность тех операций системы, которые ее индивидуализируют. Граница – это форма системы, другая сторона которой становится, тем самым, окружающим миром» (Луман Н. Общество как социальная система. М., 2004. С. 78).

²³² См. подробнее статью Е.З.Мирской «Этос науки: идеальные регулятивы и повседневные реалии» (Этос науки. М., 2008).

²³³ Кун Т. Структура научных революций. С. 229.

внешне напоминают законы природы, но их функция, как правило, не ограничивается этим для членов научной группы. <...> Поскольку природа предписаний, вытекающих из закона, значительно отличается от природы предписаний, основывающихся на определении. Законы часто допускают частичные исправления в отличие от определений, которые, будучи тавтологиями, не позволяют подобных поправок»²³⁴.

2. *«Метафизические части парадигмы»*: «Хотя сила этих предписаний меняется вдоль спектра концептуальных моделей, начиная от эвристических и кончая онтологическими моделями <...> все модели имеют, тем не менее, сходные функции. <...> Они снабжают научную группу предпочтительными и допустимыми аналогиями и метафорами, они помогают определить, что должно быть принято в качестве решения головоломок и в качестве объяснения, уточнить перечень нерешенных головоломок, и способствуют в оценке значимости каждой из них»²³⁵.

3. *«Ценности»*: «Чувство единства в сообществе ученых-естественников возникает во многом именно благодаря общности ценностей, их особая важность обнаруживается тогда, когда члены того или иного сообщества должны выявить кризис или позднее выбрать один из несовместимых путей исследования в их области науки. <...> Во-первых, общепринятые ценности могут быть важными детерминантами поведения группы даже в том случае, если ее члены не все применяют их одним и тем же способом. <...> Во-вторых, индивидуальная модификация в применении общепринятых ценностей могут играть существенную роль в науке. <...> В ситуациях кризиса обращение к общепринятым ценностям скорее, чем общепринятым правилам, регулирующим индивидуальный выбор, может быть тем приемом, с помощью которого сообщество распределяет риск между исследователями и гарантирует таким образом на долгое время успех своему научно-предприятию»²³⁶.

4. *«Образцы»*. Для этого элемента дисциплинарной матрицы, как отмечает Кун, и лингвистически, и автобиографически уместен термин «парадигма». Но поскольку термин уже получил свою

²³⁴ Кун Т. Структура научных революций. С. 230–231.

²³⁵ Там же. С. 232.

²³⁶ Там же. С. 235.

самостоятельную жизнь, то этот элемент матрицы пришлось заменить термином «образец». Он особо отмечает роль этого элемента: «Различия между системами образцов в большей степени, чем другие виды элементов, составляющих дисциплинарную матрицу, определяют тонкую структуру научного знания»²³⁷. Он признает важность знания (основанного на правилах и предписаниях, принятых сообществом), которое передается в процессе обучения. Но в этом знании есть знание, к которому мы не имеем прямого доступа. Мы не обладаем никакими правилами или обобщениями, в которых можно выразить данное знание²³⁸. Кун подкрепляет свое понимание такого рода знания ссылками на неявное знание Поляни.

Нами были подробно и в отдельности рассмотрены четыре предписания, образующие дисциплинарную матрицу (или, другими словами, парадигму научного знания)²³⁹, не забывая при этом, что они образуют «целостность и функционируют как целое». По нашему мнению, описанная структура дисциплинарной матрицы, чья сложность возникает не только из-за разнородности составляющих ее предписаний, но и из естественно ожидаемого взаимодействия между ними, может служить моделью исторически конкретных и изменяющихся инвариантов научного познания. Историческая конкретность парадигмы уточняется, в свою очередь, с одной стороны, тонкой (неоднозначной) природой следования «образцу», о которой шла речь выше и которая вводит необходимость учета носителей парадигмального знания (особенностей отдельного индивида и сообщества). С другой – она обусловлена исторически конкретной динамикой приоритетов среди предписаний, образующих дисциплинарную матрицу: символических обобщений, метафизической части, ценностей, образцов. Приоритеты

²³⁷ Кун Т. Структура научных революций. С. 235.

²³⁸ Там же. С. 246–247.

²³⁹ Нельзя не отметить совместимость понимания дисциплинарной матрицы Т.Куна с тем пониманием научной дисциплины, которое является общепринятым в современном научном сообществе. Научная дисциплина – это базовая форма организации профессиональной науки, состоящая из определенной области научного знания (объединенной на предметном, методологическом и ценностном основании), научного сообщества, занятого обработкой, трансляцией и производством научного знания, а также соответствующих механизмов развития и воспроизводства познавательной деятельности как профессии (см.: *Философская энциклопедия*. Т. 1. М., 2000. С. 672).

в научном познании, скорее всего, будут по-разному расставлены в зависимости от ситуации, в которой оно находится. Например, в парадигмальный период существует динамически уравновешенный баланс указанных принципов, соответствующий понятию «нормальной науки». А в допарадигмальных и постпарадигмальных ситуациях могут преобладать ценностные и метафизические принципы, каждый по-своему инициирующие формирование новых правил и образцов научной деятельности. Можно сказать, что любое научное сообщество, занятое производством, развитием и трансляцией дисциплинарного знания в различных формах организации (классической и неклассической науки), характеризуется общностью настроения. Имеется в виду настрой как установка, например, на следование нормам дисциплинарной матрицы или же ориентация на отслеживание их изменения. Настрой играет цементирующую роль и в специфических феноменах самоорганизации научного сообщества, которые получили названия «невидимый колледж» (Т.Бернал, Д.Прайс) и «республика ученых» (М.Поляни). Но общность настроения проявляется не только в этом. Она становится особенно заметной при рассмотрении постнеклассической науки. Что изменилось в постнеклассической науке по сравнению с предшествующими формами научного знания? Главным образом трансформировалось настроение. Если в классической науке канонами были эзотеризм, автономия, непроницаемость границ для влияния ненаучного знания, то в постнеклассической науке в связи с изменением характера предмета исследования настроение кардинально меняется. Предмет возникает и формируется совместными усилиями ученых-экспертов и представителей общественного мнения в горизонте взаимодействия научной картины мира и жизненного мира, совместного проживания участниками трансдисциплинарного общения.

Современное научное познание охватывает собой и исследовательские направления научной мысли, вопрос об организационном дисциплинарном оформлении которых – дело не ближайшего будущего. Пока они возникают и оформляются на стыках, границах научных дисциплин как эффект междисциплинарного общения в результате формирования контингентно согласованного языка модельных представлений – *особенного всеобщего*. Особенность такого направления научной мысли состоит в том, что в ней одно-

временно происходит формирование как своего предмета, так и его методологического обеспечения в режиме реального времени научного сообщества, как правило, сформированного и объединенного конкретной практической задачей, запрос на решение которой пришел извне, из актуальных проблем жизненного мира.

Нормы приобретают динамический характер, зависимость от целей, поставленных трансдисциплинарным сообществом. В предлагаемых обстоятельствах они работают контекстуально обусловленно: то как интегрирующее, то как дезинтегрирующее начало в организации трансдисциплинарного сообщества. На первый план выступает идея дифференцированного на многие страты сообщества со своими специфическими нормами исследования – локальными формами «этоса»²⁴⁰.

Конкретная проблема, которая доопределяется по мере ее уточнения, оказывается сильнейшим стимулятором революционных преобразований в науке. Замечено, что, по мере решения избранной проблемы, сообщество ученых – экспертов, менеджеров, политиков от науки, которые совместно обеспечивают исследование этой проблемы, – распадается. Кратковременность существования отдельного мыслительного коллектива, оперативно и эффективно решающего острую злободневную задачу, задает свой стиль сфере производства научного знания.

На современного ученого участие в таких исследованиях налагает двойные обязанности, т. к. на систему ценностей и норм, характерную для научного познания, накладывается еще система ценностей и норм, специфическая для той организации, которая создана для решения конкретной задачи. Этос постнеклассической науки можно рассматривать как сложный, саморазвивающийся «узел» множащихся исследовательских ответвлений, различных аспектов его изучения и частных случаев применения, дающих представление о статусе современной науки в целом.

Для этоса постнеклассической науки характерен возврат персонафицированной позиции ученого (норма классического этоса науки), с той разницей, что теперь этот ученый держит персональный ответ не только перед самим собой, но и перед научным сообществом. Эта двойная ответственность драматически не

---

²⁴⁰ *Erno-Kjølhede E. Scientific norms as (dis)integrators of scientists? // MPP Working Paper. 2000. № 4 (<http://www.cbs.dk/departments/mpp>).*

равнозначна. Право «собственности» в современном высоко коммерциализированном сообществе трансформирует норму ответственности каждого участника трансдисциплинарного общения. Ответственность в рамках корпорации (коллективная отчетность перед обществом), основанная на корпоративной собственности (материально-финансовом обеспечении научного исследования), порой вступает в конфликт с нормой ответственности ученого за сделанное персонально им.

Рассмотрение проблемы этоса постнеклассической науки возвращает нас к началу возникновения научной мысли, к тому историческому моменту, когда онтологический и этический аспекты познания окружающего мира еще не разведены. В наши дни это становится возможным постольку, поскольку коммуникативный аспект (пространство морального поступка), необходимо сопряженный с познанием природной реальности, стал основой и условием: а) онтологического описания в рамках трансдисциплинарного подхода; б) само научное отношение к природе из субъект-объектного всё больше преобразуется, об этом уже речь выше, в субъект-субъектное.

Для этоса современной науки характерно динамическое напряжение между идеями господства над природой и диалога с природой, между представлениями о риске, недостаточности знания и несовершенстве технологий – и риском чрезмерной власти знаний и технологий.

Этос постнеклассической науки по-новому определяет статус *научного* по отношению к *ненаучному*, к *знанию жизненного мира*. Здесь уместна толерантность в круге общения по общей проблеме, происходит переход от проблемы демаркации научного и ненаучного знаний к проблеме диалога в различных его формах. Происходит обогащение философии науки нетрадиционными формами рефлексии, а сферы жизненного мира – профессиональными знаниями. Неклассические («конкретные», «практические», «синергетические», «становящиеся») формы рефлексии, по определению содержащие в себе момент недоопределенности, открытости к авторскому ее исполнению, настойчивее удерживают связь научного познания с человеком, с его практической деятельностью. Этос постнеклассической науки восстанавливает объективное содержание науки, науки как дела ума, души и рук человеческих.

Таким образом, в постнеклассическом научном исследовании намечается ряд существенных изменений, которые включают не только появление регулятивов, связанных с неклассическими идеалами и нормативами объяснения и описания, обоснования и доказательности, учитывающих соотношенность объекта со средствами и операциями деятельности. Здесь имеют место и те изменения, которые связаны с преодолением дисциплинарной (предметной) разобщенности. Когда граница, разделяющая отдельные отрасли науки, становится объединяющей средой общения, в которой обрабатываются трансдисциплинарные и транслингвистические обменные процессы, включающие рефлекссию над ценностными и нормативными основаниями научного познания, рождающий новый образ современной философии науки.

В подобных ситуациях можно заметить, что социальная ответственность ученых не есть нечто внешнее, некий довесок, неестественным образом связываемый с научной деятельностью. Напротив, это органическая составляющая научной деятельности, достаточно ощутимо влияющая на современную проблематику и направления исследований.

Данное обстоятельство находит выражение в особенностях матрицы научного исследования соответствующая этосу трансдисциплинарной науки²⁴¹. Последняя включает в себя представления: 1) *об универсуме как единстве множественных, становящихся миров*; 2) *о соотношении научных ценностей с социальными целями и ценностями коррелятивных статусу современной науки в современном обществе*; 3) *о необратимой изменчивости, о принципах «общения без обобщения» в границах трансдисциплинарного диалога*; 4) *о действии по образу общих закономерностей и принципов, лежащих в основе процессов самоорганизации в системах различной природы: физических, химических, биологических, социальных и т. д.*

Трансдисциплинарная форма производства знания, в свою очередь, необходимо состоит из трансдисциплинарной матрицы и трансдисциплинарного сообщества (дисциплинарное сообщество и общество в целом). Научные и общественные механизмы развития и воспроизводства трансдисциплинарного познания поддер-

---

²⁴¹ Более подробно см.: *Киященко Л.П. Этнос постнеклассической науки // Этнос науки. С. 205–233.*

живаются не только «наукой учебника», «журнальной» или «популярной» наукой, но и при содействии материальной и финансовой помощи государства и частного капитала.

Наука, основывающаяся на трансдисциплинарной матрице, имеет особую структуру, которую группа британских социологов науки назвала вторым типом производства знания, в сравнении с первым типом характерным для дисциплинарной науки²⁴². Понятно, что «колесо развития нельзя повернуть вспять. В наше время, для которого характерна групповая научно-исследовательская работа, мы еще меньше, чем когда бы то ни было, можем обойтись без специалистов. «Но ведь опасность, – предупреждает В.Франкл, – заключается отнюдь не в специализации как таковой, да и не в не достатке универсализации, а скорее в той кажущейся тотальности, которую приписывают своим познаниям столь многие ученые в заявляемых ими претензиях на “тотальное знание” (Ясперс). Тогда, когда это происходит, наука превращается в идеологию»²⁴³. Как нам представляется, полемическая заостренность решения трансдисциплинарных проблем, их приуроченность к конкретным обстоятельствам делает указанную угрозу чрезмерной. И тем не менее не забудем отмеченное в свое время Хабермасом, что «сказанное относится, прежде всего, к наукам, которые используют реконструктивную методiku и опираются на дотеоретическое знание субъектов, компетентных в своих суждениях, действиях и речах, а также на системы знаний, передаваемые культурной традицией, для того, чтобы прояснить предполагаемые в качестве всеобщих рациональные основания опыта и суждения, действия и языкового взаимопонимания. Трансцендентальные и диалектические способы обоснования, в их умеренном варианте, вполне могут в этом помочь; ведь они сохраняют еще свою действенность только в отношении реконструктивных гипотез, пригодных для дальнейшей разработки в эмпирических взаимосвязях. Примеры такой вовлеченности философии в сотрудничество наук я наблюдаю всюду, где философы вместе со всеми участвуют в разработке теории рациональности, не выдвигая фун-

²⁴² Gibbons M., Nowotny H., Limoges C., Schwartzman S., Scott P., Trow M. The new production of knowledge: The dynamics of science and research in contemporary societies. L., 1994.

²⁴³ Франкл В. Философия человеческой ответственности // Человек в поисках смысла. М., 1990. С. 46.

даменталистских или всеобъемлющих абсолютистских притязаний. Скорее, они работают в нетвердой надежде, что только благодаря удачному сочетанию различных теоретических фрагментов удастся достичь того, что философия некогда рассчитывала добиться в одиночку»²⁴⁴. Ведь претензия философа на осмысление метафизических оснований эпохи и их публичное признание «есть мужество ставить под вопрос прежде всего истину собственных предпосылок и пространство собственных целей»²⁴⁵.

---

²⁴⁴ Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. С. 28.

²⁴⁵ Хайдеггер М. Время картины мира // Хайдеггер М. Время и бытие. С. 40.

Заключение

Подводя итог нашего исследования хотелось бы представить свою версию Хартии Трансдисциплинарности, которая, с нашей точки зрения, отражает специфику отечественной школы трансдисциплинарности, ориентированную на постнеклассический этап развития научного знания, ее более онто-гносеологическую и концептуальную направленность, дополняя и расширяя приведенные выше основные положения Хартии, принятой в 1997 г., а также резюмируя основные идеи философии трансдисциплинарности так, как они были представлены в этой книге.

Статья 1

Трансдисциплинарность выражает себя как трансцендирующий сдвиг дисциплинарного научного знания в область объемлющего его знания жизненного мира. В результате дисциплинарное знание не теряет себя, но выдвигается к переоткрытию собственных начал, апостериорным источникам априорных форм мышления, к философии трансдисциплинарности.

Статья 2

В основе философии трансдисциплинарности лежит парадоксальный опыт преодоления пределов, необходимый для разрешения экзистенциальных проблем жизненного мира. Он реализуется в полемической взаимосвязанности (общении без обобщения) участвующих в обсуждении сторон на основе личной ответственности субъектов, осознающих конечную природу представлений о добре и зле, и социальной подотчетности (непритязательной ответственности).

Статья 3

Стиль трансдисциплинарного философствования выражен в открытой на иное рациональности, находит свое применение в переходе между традиционно выделенными в мышлении и претворенными в деятельности эвристически полезными интервалами всеобщего и общезначимого, абсолютного и относительного, личностного и коллективного, истинностного и полезного и т. д. Открытость такой интегративной методологии выражается в антидогматической незавершенности любых синтетических построений и возможности их дальнейшего обогащения и преобразования.

Статья 4

Ключевой категорией философии трансдисциплинарности является категория транс-единого – такого вида единого, которое не изолировано от многого, но открыто на него как свое иное, вбирает в себя его определения и выступает как категория много-единого. В нашей философии открытой интеграции развивается ее современная версия как категория пост-транс-единого.

Статья 5

Категория пост-транс-единого включает в себя опыт философии пост-современности, в частности постмодернизма, но развивает его далее, восполняя постмодернистские плюралистические позиции тенденциями и образами открытой интеграции, осуществляющейся в когнитивно-коммуникативных диалогических практиках. Важную роль в этих интегративных тенденциях играет методология трансдисциплинарного дискурса, интегральный, интервальный и субъектно-ориентированный подходы, логика «включенного третьего» (антитетика), уровневый подход, сетевые модели рациональности, единство фундаментального и прикладного.

Статья 6

Философия трансдисциплинарности базируется на принципе транс-кумулятивности – включения классических моделей в некоторое превышающее их состояние, переход к которому сопровождается качественно-революционным преобразованием, прерывом постепенности и созданием нового эмерджентного состояния, которое, однако, не теряет связей со своими классическими истоками. В таком отношении транс-кумулятивности, с нашей точки зрения, находится трансдисциплинарный дискурс к разного рода дисциплинарным практикам.

Статья 7

В основе трансдисциплинарной философии науки лежит более просторный образ реальности, рядоположенно и транс-кумулятивно вбирающий в себя регионы внешнего и внутреннего бытия. Реальность не исчерпывается в рациональных образах и представлениях, но хранит в себе тайну бытия как своего начала. Формула научной объективности расширяется до единства объективно-субъектных и объектных определений, в основе которой лежат структуры обобщенной, субъект-объектной (ин)вариантности (обобщенной симметрии).

Статья 8

Важнейшим антиномистически напряженным и развивающимся измерением философии трансдисциплинарности является измерение «теоретического–практического», полюса которого находятся в постоянных сетевых отношениях взаимообоснования. Трансдисциплинарные практики вбирают в себя все основные определения трансдисциплинарности, выражая их в живой ткани жизненного мира и составляя двуединый источник приложения и порождения постоянно становящегося трансдисциплинарного проекта.

Статья 9

Философия трансдисциплинарности предлагает свой ответ на радикальные изменения, происходящие в системе производства знания и формирования нового типа социальности, которое обозначается как «общество знаний», ориентированного на общественную пользу. Сегодня знание нуждается в интегративном модусе производства, сохранении и применении с учетом его размещения не только в локальных академических институтах, но и в сложной трансдисциплинарной сети, включающей исследовательские лаборатории и группы, бизнес-ориентированные структуры, общественные и правительственные организации.

Статья 10

Трансдисциплинарные практики предполагают особого рода трансдисциплинарную матрицу научных исследований. Эта матрица включает новый этос научного познания; она предполагает включение гуманитарных ценностей в контекст научного исследования; представление об универсуме как единстве множественных, становящихся под действием процессов организации и самоорганизации физических, химических, биологических, социальных миров.

Научное издание

Кнященко Лариса Павловна

Моисеев Вячеслав Иванович

Философия трансдисциплинарности

Утверждено к печати Ученым советом

Института философии РАН

Художник Н.Е. Кожина

Технический редактор Ю.А. Аношина

Корректор А.А. Гусева

Лицензия ЛР № 020831 от 12.10.98 г.

Подписано в печать с оригинал-макета 09.09.09.

Формат 60x84 1/16. Печать офсетная. Гарнитура Times New Roman.

Усл. печ. л. 13,00. Уч.-изд. л. 10,41. Тираж 500 экз. Заказ № 036.

Оригинал-макет изготовлен в Институте философии РАН

Компьютерный набор: *Е.Н. Платковская*

Компьютерная верстка: *Ю.А. Аношина*

Отпечатано в ЦОП Института философии РАН

119991, Москва, Волхонка, 14

Информацию о наших изданиях см. на сайте Института философии: iph.ras.ru

Издания, готовящиеся к печати

1. **Антропологическое измерение российского государства [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. В.Н. Шевченко. – М.: ИФРАН, 2009. – 214 с.; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0149-5.**

В коллективной монографии обсуждается одна из самых острых и малоисследованных проблем в отечественной философии и науке, связанная с теоретическим изучением отношения «российское государство–человек». На основе представлений об антропологическом измерении российского государства как императиве современной эпохи в монографии дается критический анализ состояния духовной культуры и социальных качеств российского человека, а также дается сопоставительный анализ качества политического руководства в России и в Китае.

Книга предназначена для научных работников, преподавателей, аспирантов, а также для широкого круга читателей, интересующихся историей и современными проблемами российского государства, положением человека в российском обществе, поиском новых принципов отношений между государством и человеком.

2. **Биоэтика и гуманитарная экспертиза: комплексное изучение человека и виртуалистика. Вып. 3 [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. Ф.Г. Майленова. – М.: ИФРАН, 2009. – 236 с.; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0147-1.**

Сборник представляет результаты исследований сотрудников сектора гуманитарных экспертиз и биоэтики ИФ РАН в области комплексного изучения человека, завершенных в 2008 году. Авторы освещают новейшие проблемы биоэтики, гуманитарной экспертизы, антропологии и виртуалистики.

3. **Гуревич, Павел. Расколотость человеческого бытия [Текст] / П.С. Гуревич ; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М.: ИФ РАН, 2009. – 199 с.; 20 см. – Библиогр. в примеч.: с. 193–198. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0144-0.**

Данная монография представляет собой развитие ряда идей, которые содержатся в работе автора «Проблема целостности человека» (М., 2004). Раскрывая смысл современного толкования человеческого бытия, автор предлагает свое прочтение данной проблемы. Расколотость человеческого бытия показана через бинарные оппозиции бытия и небытия, целостного и раздробленного, телесного и духовного, имманентного и трансцендентного, индивидуального и социального, идентичного и безликого, творческого и разрушительного. Особое внимание в монографии уделено анализу современных философско-антропологических концепций. В книге развивается ряд полемических сюжетов, обращенных к проблеме «смерти человека», «целостности человека», «распаду идентичности» и т.д.

4. **Кричевский А.В. Образ абсолюта в философии Гегеля и позднего Шеллинга [Текст] /А.В. Кричевский ; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М. : ИФ РАН, 2009. – 199 с. ; 20 см. –500 экз. – ISBN 978-5-9540-0142-6.**

Книга представляет собой первую – общеметафизическую – часть монографического исследования, где предпринимается попытка на основе детальной проработки первоисточников и воспроизведения основных ходов мысли и интуиций Гегеля и позднего Шеллинга провести сравнительный анализ их

учений об абсолюте. В центре рассмотрения – проблема бесконечности, свободы и триединства абсолюта как абсолютного духа, а также размышления о возможностях и пределах его умозрительного познания.

Предназначается философам, теологам и всем, кого интересуют фундаментальные проблемы метафизики и кто стремится выстраивать свободное и осмысленное отношение к религии.

5. **Культурные трансформации в современной России (соц.-филос. анализ) [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. С.А. Никольский. – М. : ИФРАН, 2009. – 159 с. ; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0150-1.**

В работе ставится цель прояснить функции культуры и культурные изменения в современной России. Авторы размышляют над вопросом о возможности культуры быть средством демократизации российского общества, об отношениях между культурой и властью с точки зрения укрепления гражданских начал, о статусе интеллигенции и «средины культуры», о путях минимизации последствий интеллектуальной эмиграции из нашей страны. Прослеживается динамика образов прошлого в советской и постсоветской России, анализируются характерные изменения в гендерном символическом порядке. Применительно к российским условиям актуализируется концепция «символического обмена» Ж.Бодрийера. Возможность преодоления социокультурного кризиса обосновывается наличием «сверхкультурного измерения», хранителями и наиболее адекватными аналитиками которых выступают философия и религия.

6. **Политико-философский ежегодник. Вып. 2 [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. И.К. Пантин. – М. : ИФРАН, 2009. – 207 с. ; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0146-4.**

Второй выпуск «Политико-философского ежегодника», издаваемого Отделом социальной и политической философии ИФ РАН, открывается рубрикой «Россия сегодня». Статьи этой рубрики знакомят читателя с проблемами и трудностями демократического строительства в России. В рубрике «Интерпретации» выделяется статья А.Г.Мысливченко, где автор анализирует опыт и противоречия т.н. шведской модели социализма. В этом выпуске Ежегодника мы начинаем рубрику «Визитная карточка», где будем знакомить читателей с творчеством современных ученых – политологов и обществоведов.

7. **Уайтхед, Альфред Норт. Приключения идей [Текст] / Альфред Норт Уайтхед; перевод с англ. Л.Б. Тумановой ; [примеч. С. С. Неретиной] / Науч. ред. С.С.Неретина. Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М. : ИФРАН, 2009. – 383 с. ; 20 см. (Философская классика: новый перевод) – Указ.: с. 367–383. – Перевод изд.: *Adventures of Ideas / Alfred North Whitehead. Cambridge Univ. Press, 1964. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0141-9.***

Попытка создания всеохватывающей системы вещей, обеспеченная поворотом к метафизике, к ее высшей и лучшей части – онтологии, которая захватывает весь универсум: его социологию и космологию, философию и цивилизацию, – и которая связана с критикой науки, делает книгу А.Н.Уайтхеда актуальной по сей день. Приключения идей – важный фактор существования мира, понятого как смысло- и формообразующее качество цивилизации. В предисловии рассмотрена драматическая история перевода книги на русский язык, связанная с судьбой философа Л.Б.Тумановой.